B134 255

П. В. Березинъ.

НА СЛУЖБѢ ЗЛОМУ ДѢЛУ.

(Хроника изъ жизни на винокуренныхъ заводахъ).

2609/1

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1900.

В134 255

П. В. Березинъ.

1031

НА СЛУЖБѢ ЗЛОМУ ДѢЛУ.

(Хроника изъ жизни на винокуренныхъ заводахъ).

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собств. домъ.
1900.

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
755311

Содержаніе.

Стр.

Глава I. Отъѣздъ на службу.—Въ средѣ винной дѣятельности.—Новая винокуренно-питейная эра.—Наживная оргія.—Винокуры съ министерскими окладами 1

Глава II. Интересный акцизный надсмотрщикъ. — Вліятельный письмоводитель округа.—Акцизное управленіе въ имѣніи надзирателя. — Семейная простота акцизнаго надзора.— Взятки при взятіи патентовъ.— Дѣльцы безакцизныхъ хищеній . . . 7

Глава III. Нажива и конкуренція.—Кабацкое нашествіе.—Кабакъ въ домѣ Борона.—Спаиваніе и подкупы.—Деревня безъ призора 12

Глава IV. Первое дѣйствіе безакцизной комедіи. — Предупредительная эстафета.—Подготовка къ грозѣ.—Сборъ о бличительныхъ документовъ.—Воронъ ворону въ глазъ клюнулъ 17

Глава V. Встрѣча ожидаемыхъ ревизоровъ. — Недовольство командировкой.—Нулевой результатъ ревизорскихъ нападеній . 22

Глава VI. Новая должность. —Чиновникъ идеалистъ. — Винокуръ Соломонка. — Чиновная артель въ нападеніяхъ на заводъ.— Выводы бывшихъ техниковъ.—Добрый совѣтъ 27

Глава VII. Знаменательная ревизія. — Ухаживаніе за кабатчиками.—Появленіе израильскихъ товариществъ.—Уходъ съ перваго завода 33

Глава VIII. На заводѣ вліятельныхъ маркизовъ. — Оригинальныя предостереженія.—Удивительное устройство завода.—Преданные слуги.—Винокуреніе безъ надсмотрщика.—Въ ожиданіи темныхъ открытій 36

Глава IX. Хищеніе на удивительномъ заводѣ. — Незамѣтный чиновникъ. — Маркизы казнокрады. — Обличительный журналъ винокура.—Молодое возмущеніе.—Тревога.—Способъ убавлять спѣсь 41

Глава X. Новое мѣсто.—Заводъ разорительнаго устройства.—Молодые дѣльцы.—Подходящій надсмотрщикъ.— Пріѣздъ.—Владѣльческая семья.—Характеръ акцизнаго надзора 47

Стр.

Глава XI. Цѣль и средства хищеній.—Вознагражденіе за хищенія.—Директорскія обязанности.—Особыя должности.—Летучіе безакцизные транспорты.—Способы хищеній 52

Глава XII. Торжество начала. — Повѣрье хищниковъ. — Удачный первый шагъ.—Размѣръ хищеній.—Темное счетоводство.—Заводскіе вѣстники.—Способы забыться.—Смѣхъ при грустныхъ дѣлахъ 57

Глава XIII. Новый годъ. — Общія безакцизные успѣхи. — Подготовка къ хищнической оргіи.—Спокойствіе акцизнаго надзора.—Маскарадная ревизія.—Перепугъ винокура 65

Глава XIV. Вліяніе весны.—Подготовка къ солидному пріему безакцизнаго.— Вѣстники съ страшной новостью.— Крахъ солиднаго безакцизнаго дѣла. —Путь раскрытія.—Пораженіе израиля до смѣшенія языковъ. — Смущеніе акцизнаго надзора. — Недальновидность Айзиковъ. — Подсчетъ безакцизнаго заработка 70

Глава XV. Второе производство.— Дорогой надсмотрщикъ.— Измѣнившіяся дѣла.— Жажда хищеній.—Трудный сбытъ безакцизнаго.—Невыгодная сдѣлка съ складчикомъ.— Сбытчикъ съ разговоромъ безъ политики 76

Глава XVI. Ревизія съ бѣдой.—Способъ вывернуться.—Бунтъ аппаратчика и угроза доносомъ.—Смятеніе.—Мѣры предупредить донось. — Переговоры съ доносчикомъ. — Святая деревенская простота.—Мировая сдѣлка 82

Глава XVII. Тревожныя ожиданія.—Появленіе второго надсмотрщика.—Обида за долгую службу.— Винокуреніе безъ хищеній.— Остановка и запустѣніе.— Дальняя поѣздка.— Разсказъ о разрѣшенныхъ злоупотребленіяхъ.—Хищники въ преслѣдованіяхъ.—Крушеніе архи-дѣлецкихъ компаній 88

Глава XVIII. На честномъ заводѣ.—Надсмотрщикъ съ планомъ.— Результаты честной работы.—Надсмотрщикъ безъ плана.— Опять хищенія.—Плоды проклятаго дѣла.—Засасывающіе болото 93

Глава XIX. Невозможность работъ безъ хищеній.—Планъ надсмотрщика въ исполненіи.—На новомъ заводѣ.—Удобная хищническая обстановка.—Слухи о контрольномъ снарядѣ.—Глубина денежнаго болота.—Самостоятельность 99

Глава XX. Появленіе контрольнаго снаряда.—Младенческія недосмотры въ обезпеченіяхъ.—Первый способъ безакцизнаго отвода.—Предметъ знаменія времени.—Второй способъ отвода.— Нарушеніе важнаго обезпеченія.— Тревога и ожиданія.—Необыкновенное происшествіе 104

Глава XXI. При новыхъ обстоятельствахъ.—Половина безакцизнаго производства.—Удача.—Учетъ заработка.—Новые капиталисты.—Расширеніе дѣлъ.—Настоящій инженеръ 109

Стр.

Глава XXII. Передъ началомъ.—Непріятная новость.—Отчаянный дѣлецъ.—Удивительный отчетъ. — Нахальный отводъ.—Инженерныя доказательства.—Дрожаніе за карманы.—Уходъ изъ безобразнаго риска 112

Глава XXIII. Удивительная удача. — Устройство нахальнаго отвода.—Опасный участникъ.—Муки новаго дѣльца.—На волоскѣ отъ драмы.—Откровенныя дѣйствія 117

Глава XXIV. По заведенному порядку.—Ревизоръ-буря.—Напрасное безпокойство.—Ревизорскій разносъ посклоненію. Большая подготовка — Двадцать три безакцизныхъ затора. — Конецъ хищеній.—Торжество капитала.—Важное рѣшеніе 121

Глава XXV. На новыхъ мѣстахъ. — Полнота дѣла. — Стихійный ударъ.—Пробуждающаяся совѣсть. — Новыя думы. — Хлопоты и нужда.—Знакомство съ ростовщиками. — На новомъ заводѣ.— Оригинальное тріо акцизнаго надзора.—Сцена изъ необыкновенной жизни 126

Глава XXVI. Тяжелые дни.—Жребій.—Проба прорвать паутину ростовщиковъ.—Пріѣздъ товарища.—Добрый совѣтъ.—О хищеніяхъ въ таможняхъ.—Нелюбимое дѣло и горькая доля . . . 133

Глава XXVII. Послѣднія производства.— Безакцизная неожиданность.—Скромное желаніе.—Послѣдній отводъ.—Не то время— не тѣ люди.—Хищнической комедіи финалъ 137

Глава XXVIII. На далекой окраинѣ.—Новыя мѣста и новыя дѣла.— Трудъ по спаиванію инородцевъ.—Слѣды совратительныхъ хищниковъ.—Одно изъ дѣяній винокуренно питейнаго короля. Сравненія центра и окраины.—Пути восходящаго капитала.— Слѣды винокуренно-питейнаго дѣла 141

Глава XXIX. Результаты питейной дѣятельности.—Монополія — Мнѣнія о ней и надежды дѣльцовъ.—Первые ректификаторы.— Не сбывшіяся надежды.—Необычайный дѣлецъ съ правдой.— Какое дѣло замѣняетъ монополія.—Винныя фабрики, считающіяся с.-хозяйственными заводами.—Винокуренное издѣвательство надъ сельскимъ хозяйствомъ.—Задачи монополіи служить народу и землѣ 149

Глава XXX. Послѣдніе дни и послѣднія думы 155

ГЛАВА I.

Рукопись, доставшаяся мнѣ отъ винокуреннаго дѣльца, была слѣдующаго содержанія:

Наступившее время заставляетъ свободное винокуренно-питейное дѣло заканчивать свое существованіе, а затѣмъ уходить въ область прошедшаго. Въ виду этого я рѣшилъ записать все, что осталось въ памяти изъ моей многолѣтней службы этому злому дѣлу. Воспоминаніями этими хотѣлось бы хоть немного освѣтить дѣла той промышленности, которая много лѣтъ въ большинствѣ направлялась и шла совсѣмъ кривымъ путемъ, почему и оставила послѣ себя въ народной жизни только видный скорбный слѣдъ...

Пятнадцатилѣтнимъ юношей я, немного поучившись у брата, поступилъ на службу въ контору винокуреннаго завода, куда пристроилъ меня знакомый нашей семьи—хлѣбный торговецъ. Я хорошо помню недолгіе проводы родныхъ и тотъ полутемный сырой день, поздней затянувшейся осени, въ который я отправлялся къ мѣсту своего перваго служенія. При окружающемъ все густомъ туманѣ, стояла кругомъ просто могильная тишина, не нарушаемая ни однимъ звукомъ. Казалось, все замерло во влажномъ, холодномъ воздухѣ. Дождя хотя и не было, но безлистныя уже деревья, полыни на краяхъ дороги и на полевыхъ межахъ, зеленые озимые всходы—все это было покрыто сильной влагой. Впереди сквозь туманъ видѣлись только близкіе предметы, а вся даль была закрыта. Проѣзжали мы все узкимъ проселкомъ, голыми полями, оврагами, порубленными мелкими перелѣсками, да изрѣдка попадавшимися безжизненными, какъ бы застывшими въ туманѣ, не-

большими деревнями. Путь былъ непроѣзжій, глухой и тоскливый.

Думалось дорогой много; вопросы одинъ за другимъ проносились постоянно: «Что встрѣтится тамъ, на этомъ первомъ мѣстѣ?.. Какіе встрѣтятся тамъ люди?.. Что это за контора и что это за заводъ?..» Ѣхалъ я съ крѣпкими наставленіями родныхъ и съ собственнымъ уже сознаніемъ долга, что надо учиться дѣлу, надо работать и помогать родной семьѣ. Часто являлись и угрожающіе вопросы: «Что, если не сумѣю ужиться, не сумѣю работать?.. Что, если не примутъ или откажутъ?.. Бѣда!..» Сердце замирало и болѣзненно ныло...

Когда мы подъѣхали къ селу, въ которомъ предстояло мнѣ жить, я замѣтилъ у рѣки на полубугрѣ винокуренный заводъ. Зданіе завода и окружающія его постройки высматривали постарѣлыми, почернѣвшими. На другой же сторонѣ рѣки, противъ завода, цѣлая группа построекъ блестѣла хорошей отдѣлкой и новизной; это были разные подвалы со службами и контора. Всѣ эти новыя постройки возведены были годъ-два назадъ; все это было подготовлено къ новому вольному винокуренно-питейному дѣлу, которое наступало послѣ уничтоженныхъ откуповъ.

Въ винокуренно-питейномъ дѣлѣ тогда наступала новая эра. Новость эта интересовала въ то время даже и тѣхъ, которые были совсѣмъ непричастны къ винному дѣлу. Всѣ ждали чего-то хорошаго отъ свободной торговли виномъ. Не слышно было тогда ни одного голоса, который хотя бы намекнулъ на то зло, которое явилось съ вольной торговлей. Никто должно быть не предвидѣлъ, что съ этимъ вольнымъ дѣломъ наступало разореніе деревни и закрѣпощеніе вольнаго крестьянина новому игу.

Когда мы стали приближаться къ подваламъ, то издалека почувствовался запахъ спеціальности дѣла; пахло сивушнымъ виномъ, уксусомъ и пережженымъ углемъ, и въ общемъ составлялся какой-то сложный букетъ, присущій винному дѣлу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ болѣе встрѣчалось оживленія: ѣхали подводы съ бочками и боченками съ углемъ и лѣсными матеріалами. У самыхъ подваловъ и у конторы была уже многолюдная толкотня: подвозились и подкатывались наполненныя бочки, одни спускались въ подваль, другія накатывались на телѣги; съ громомъ по деревяннымъ кладямъ катились порожнія бочки, проносились корзины съ углемъ, слышался стукъ бондарныхъ работъ и пр. Рабочіе всѣ были съ толстыми красными лицами, и на этихъ лицахъ очень замѣтна была печать веселой влаги. Новые винные торговцы, въ длинныхъ чуйкахъ и нѣкоторые при бѣлыхъ воротничкахъ, постоянно выходили изъ подваловъ съ бумагами въ рукахъ и направлялись въ контору. Весь широкій дворъ, окружающій подвалы, обнесенъ былъ каменной стѣной; въ двухъ выѣздныхъ воротахъ стояли сторожа, которымъ выѣзжавшіе предъявляли пропускъ и тогда только пропускались къ выѣзду.

Спросивши, гдѣ контора, я съ своимъ мизернымъ багажомъ направился туда. Контора помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, надъ очистнымъ подваломъ. При входѣ въ сѣни винное дѣло встрѣтило меня во всю мочь. Мнѣ, какъ свѣжему человѣку, въ первый разъ въ жизни окунувшемуся въ омутъ виннаго дѣла, до тошноты отвратителенъ былъ окружающій запахъ; между тѣмъ нужда заставляла привыкать къ нему и служить ему. Въ конторѣ я увидѣлъ толпу покупателей, со счетами въ рукахъ, стоявшихъ почтительно у рѣшетки, которая отдѣляла ихъ отъ работающихъ за столами конторщиковъ. Когда я, пробившись сквозь толпу, заявилъ, что пріѣхалъ на службу въ контору, то вниманіе присутствовавшихъ вдругъ сосредоточилось на мнѣ. Покупатели, впрочемъ, смотрѣли безучастно, но служащіе конторы, всѣ отъ старшаго до младшаго, долго и внимательно осматривали меня съ головы до ногъ. Потомъ мнѣ заявили, чтобы я входилъ и устраивался въ указанной комнатѣ. Такъ произошло вступленіе мое въ область служенія винокуренно-питейному дѣлу.

Устройство квартиры моей было очень несложно. Дали мнѣ маленькую комнату, деревянную кровать, простой столъ и

стулъ,—вотъ и готово было мое жилище. Къ вечеру я немного осмотрѣлся, поближе познакомился съ младшими сослуживцами, и въ тотъ же день принялся за конторскую работу. Для первыхъ работъ дали мнѣ графить и надписывать заголовки отчетныхъ вѣдомостей; слова въ каждой графѣ были для меня совершенно новы; все это ставило въ затрудненіе, приходилось часто спрашивать, часто дѣлать ошибки и вновь передѣлывать. Но съ теченіемъ времени я постепенно знакомился и привыкалъ къ конторскимъ долгимъ сидѣніямъ, а чрезъ нѣкоторое время сдѣлался даже нѣкоторой спицей въ заводской колесницѣ. Винокуренно-питейное дѣло захватило и меня, какъ другихъ, въ свой круговоротъ и пошло своей обычной колеей.

Тосклива и тяжела была начальная служба въ заводской конторѣ. Занятія съ семи-восьми часовъ утра до поздней ночи продолжались безпрерывно, отдыха не было и въ праздники, очень часто работали даже до двухъ, трехъ часовъ утра; перерывы были самые короткіе, только для обѣда, чай же пили во время работъ.

Заводскія дѣла, первые годы послѣ откуповъ, шли очень прибыльно; всѣ разнородныя заведенія виннаго дѣла работали бойко и всѣ дѣльцы зарабатывали большія деньги. У насъ при заводѣ продажа вина была такъ велика, что отпускъ его покупателямъ доставался по очереди только на второй, третій день. Весь пріѣзжій людъ, покупатели вина и продавцы разныхъ заводскихъ продуктовъ и матеріаловъ, постоянно цѣлой толпой находились у насъ въ конторѣ. Много сообщалось разныхъ новостей, но всѣ новости были изъ области виннаго дѣла, все другое до того не интересовало присутствующихъ, что какъ будто, кромѣ виннаго дѣла, ничего не существовало на свѣтѣ. Среди разговоровъ только и слышалось, что о цѣнахъ на вино, о заводскихъ работахъ, о торгующихъ виномъ мѣстахъ, о большой наживѣ въ заводахъ, складахъ и кабакахъ. Въ то время всѣмъ дѣльцамъ свободной пьяной биржи чувствовалась широкая наживная оргія, въ которой одна сторона безъ мѣры пропивала свое состояніе, а другая, пользуясь наступившимъ

небывалымъ положеніемъ, взялась сколачивать капиталы. У насъ постоянно получались свѣдѣнія, что такой-то заводчикъ строитъ уже другой заводъ,—такой-то складчикъ дѣлается заводчикомъ, такой-то кабатчикъ открываетъ еще кабакъ, а другой пріобрѣлъ уже имѣніе и подумываетъ перейти прямо въ заводчики. Передавались вѣсти и о томъ, что и заводскіе служащіе тоже не отставали въ наживѣ и многіе быстро превращались въ самостоятельныхъ дѣльцовъ и капиталистовъ. Одинъ винокуръ, напр., взявши нѣсколько заводовъ, зарабатывалъ министерское жалованье, тысячъ двѣнадцать въ періодъ, другіе заработавши, полѣзли въ арендаторы, а нѣкоторые даже прямо и въ заводовладѣльцы. Разсказывался и такой случай: на одномъ заводѣ подвальный за устройство очистки вина и за завѣдываніе подваломъ получалъ пять копѣекъ съ выкуреннаго ведра, что давало годового заработка до четырехъ тысячъ рублей; между тѣмъ, на этой должности впослѣдствіи считалось достаточнымъ вознагражденіемъ годовое жалованіе въ пятьсотъ-шестьсотъ рублей въ годъ. Таково было вліяніе новаго винокуренно-питейнаго дѣла. Заводы, склады и кабаки вырастали какъ грибы и всѣ наживали деньги.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ моей службы, и мнѣ стали выпадать счастливые дни, въ которые меня отправляли исполнять нѣкоторыя работы внѣ конторы. Мнѣ поручали сдѣлать какой-либо небольшой отпускъ изъ водочнаго подвала или отправляли перевезти принятый спиртъ изъ завода въ подваль. Я выходилъ на свѣтъ Божій всегда съ восторгомъ и долго, въ погожій день, засматривался на окружающую мѣстность, несмотря на то, что стояла зима и все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

Когда я подходилъ къ заводу, то отъ него открывался далекій видъ: на горѣ, надъ подвалами и конторой, широко раскидывался старый, заросшій садъ, съ длинными аллеями старыхъ липъ и большими куртинами густыхъ зарослей; все это красиво высматривало и въ снѣговомъ уборѣ. Въ концѣ сада виднѣлся большой господскій домъ, окруженный многими постройками. Вправо отъ усадьбы, по бугру, далеко тянулся гу-

стой зеленый хвойный боръ, а влѣво стояла большая каменная церковь, за которой начиналась широкая улица села. Внизу бора, по широкой равнинѣ, далеко тянулась вдаль наша рѣка, выдѣляясь среди снѣговой бѣлизны темными, заросшими ивой, берегами. Виднѣлось много желтыхъ камышей замерзшихъ озеръ, а надъ ними высоко поднимался крутой темный обрывъ горы изъ голаго камня. Смотришь, бывало, на эти родныя картины и набираешься покоя и отдыха, послѣ котораго легко работалось даже въ винной конторѣ. Иногда пробирали меня за эти увлеченія, много разъ замѣчали и требовали, чтобы я смотрѣлъ больше на сопровождаемыя бочки, а не на окружающую даль.

Заходилъ я часто и въ заводъ, гдѣ съ большимъ добродушіемъ рабочіе посвящали меня въ премудрости заводскаго дѣла, которыя были совсѣмъ мнѣ незнакомы и очень интересовали меня. Иногда встрѣчался въ заводѣ съ главнымъ магомъ дѣла—винокуромъ, который молча, величественно осматривалъ меня, но ходить по заводу не запрещалъ.

Въ такихъ дѣлахъ время прошло до весны. Работы въ конторѣ въ весенніе ясные дни становились просто невыносимы: всѣ рвались наружу, поближе къ оживающей природѣ. Послѣ многихъ просьбъ, намъ разрѣшили, наконецъ, заниматься конторскими дѣлами болѣе ночью, а днемъ уходить въ лѣсъ, гдѣ мы пользовались настоящею жизнью. Да и вообще работъ въ конторѣ было менѣе по случаю прекратившейся торговли, по причинѣ весенняго непроѣзда. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, производство завода закончилось, а за этой остановкой наступалъ и лѣтній отдыхъ.

Въ свободное лѣтнее время мы исполняли разныя порученія, для чего приходилось дѣлать дальнія поѣздки, которыя давали возможность ознакомиться съ новыми мѣстами и новыми людьми. Вся конторская молодежь рвалась въ поѣздки и избѣгала скучныхъ письменныхъ работъ. Кругъ дѣловыхъ знаній все расширялся, и наша молодежь съ горячкой рвалась сдѣлаться настоящими дѣльцами.

ГЛАВА II.

При исполненіи разнородныхъ служебныхъ порученій и усерднаго знакомства съ заводскими дѣлами незамѣтно прошли года. Наступала уже третья осень съ начала моей службы и заводъ нашъ снова готовился начать производство. За прошедшіе годы торговля на нашемъ заводѣ значительно убавилась, а чрезъ это убавились и всѣ дѣла. Построенные новые заводы отбили у насъ многихъ покупателей. Въ выѣздныхъ воротахъ двора уже болѣе не стояли у насъ сторожа и покупатели не дожидались очереди получить вино: всѣхъ отпускали въ тотъ же день. Конторскія занятія въ праздники даже совсѣмъ прерывались. Разрастающаяся конкурренція давала все болѣе и болѣе знать о себѣ. По наступившимъ дѣламъ служащихъ у насъ оказывался излишекъ, поэтому владѣлецъ завода рѣшилъ открывать свои кабаки, чтобы дать работу служащимъ и усилить торговое дѣло. Я къ этому времени уже порядочно ознакомился съ заводскимъ дѣломъ, а другіе, бывшіе новички, становились уже дѣльцами. Теперь въ конторѣ у насъ уже никто не затруднится разъяснить, что такое норма и перекуръ. Въ первое же время, когда я разъ обратился къ сослуживцу съ просьбой объяснить мнѣ, что такое это норма и перекуръ, то онъ мнѣ преоткровенно отвѣтилъ слѣдующее:

— Шутъ ее знаетъ, что это такое! Я вотъ служилъ много лѣтъ въ откупѣ и ничего этого у насъ не было. Должно быть, выдумали что-нибудь новое!..

Когда я порядочно ознакомился съ хозяйственной отчетностью, то пришлось браться и за отчетность казенную, кото-

рая составляла въ винокуренномъ дѣлѣ нѣкоторую важность, особенно первое время, потому что, по новости дѣла, людей, знающихъ веденіе казенныхъ книгъ было очень мало какъ среди акцизныхъ чиновниковъ, такъ и среди служащихъ завода, несмотря на то, что къ книгамъ приложены были формы. Да и самая отчетность была вовсе не сложна, но таково вѣрно вліяніе новаго дѣла, да еще казеннаго. Въ то время путаницы въ этихъ казенныхъ книгахъ было очень много, случалось даже, что часто книги эти возили въ акцизное управленіе для исправленія.

Замѣчательны были тогда на заводахъ хранители казеннаго интереса, — акцизные надсмотрщики вообще, а у насъ этотъ надсмотрщикъ былъ въ особенности интересенъ. Онъ былъ изъ артиллеристовъ, еще не старый, высокаго роста и очень красивый, на ужасно тугой на всякія понятія, въ каждой чертѣ его лица такъ и проглядывала тупость. Грамоту почти не зналъ, а всѣ заводскія техническія дѣйствія ему казались просто непостижимымъ волшебствомъ. Къ винокуру онъ относился всегда съ почтительной боязнью. Замѣчательно онъ производилъ запись въ своемъ журналѣ, выданномъ ему изъ акцизнаго управленія. Принесетъ, бывало, свой журналъ къ намъ въ контору,—кто-нибудь изъ заводскихъ служащихъ карандашомъ напишетъ въ надлежащія графы слѣдуемыя цифры, а надсмотрщикъ по карандашу уже обводитъ перомъ. Вотъ такъ только онъ могъ вести записи въ своемъ казенномъ журналѣ. И какъ трудна была для него такая работа, можно судить по тому, что каждый разъ, во время такихъ художественныхъ занятій, потъ лилъ съ него ручьемъ. Послѣ такихъ записей надсмотрщикъ долго и старательно вытирался краснымъ платкомъ, потомъ бралъ подъ мышку свой журналъ, вытягивался въ струну и громко заявлялъ: «Счастливо оставаться всѣмъ господамъ!» Затѣмъ дѣлалъ военный полуоборотъ и выходилъ изъ конторы. Вотъ такіе надсмотрщики въ то время представляли главный контроль заводскаго производства, отъ нихъ единственно зависило допустить или недопустить на заводѣ хищеніе акциза. Жалованія этимъ надсмотрщикамъ платили пятнадцать рублей

въ мѣсяцъ; поэтому на эти должности поступали или безграмотные солдаты, или дѣльцы, которые прямо имѣли въ виду нажить капиталы.

Послѣ ухода изъ конторы надсмотрщика, всегда у насъ происходили на его счетъ замѣчанія или каламбуры:

— Вѣдь это просто чудо какое-то, а не человѣкъ съ казенной должностью!—заявлялъ кто-нибудь изъ служащихъ.

— Да, нечего сказать, явленіе интересное! — добавлялъ другой.

— Ну чинъ акцизнаго надзора!.. Потѣха!..

— Протекція, господа, протекція!.. И протекція-то всесильной особы нашего округа! Имѣйте это въ виду!—говорилъ кто-нибудь изъ старшихъ.—Не совѣтую вамъ очень острить насчетъ надсмотрщика, жена его вѣдь на службѣ у письмоводителя! И это было дѣйствительно такъ. Жена нашего надсмотрщика, служа у письмоводителя округа, выпросила мѣстечко и мужу; письмоводитель же, какъ единственное лицо, оставшееся при своихъ старыхъ чиновныхъ правилахъ, но изучившее хорошо новое дѣло, былъ въ округѣ очень вліятельной особой, не только въ средѣ акцизнаго надзора, но и на заводахъ. При такой вліятельности для него ничего не стоило опредѣлить безграмотнаго солдата въ надсмотрщики. Для нашего же артиллериста такое мѣсто представлялось очень порядочнымъ: онъ получалъ пятнадцать руб. въ мѣсяцъ отъ казны да еще кое-что отъ завода. Изъ старшихъ чиновъ акцизнаго надзора никто не обращалъ вниманія на то, что дѣлаетъ такой надсмотрщикъ и что онъ способенъ дѣлать.

Въ первые же годы у насъ, въ акцизномъ вѣдомствѣ, была семейная простота: пріѣдетъ, бывало, на заводъ помощникъ надзирателя, а иногда и самъ надзиратель,—и живутъ себѣ у заводчика, какъ пріятные гости до тѣхъ поръ, пока что-нибудь заставитъ ихъ уѣхать въ другое мѣсто. Всякія ревизіи производились не выходя изъ кабинета. Принесутъ изъ конторы казенныя книги и счета съ должными для ревизіи цифрами,—ну и начнутъ записывать, что, вотъ, при посѣщеніи завода

и ревизіи подваловъ найдено то-то и то-то, вотъ и все готово.

Акцизное управленіе округа у насъ тоже состояло на положеніи семейной простоты и находилось въ имѣніи надзирателя. Въ канцеляріи округа крѣпко держались завѣты уѣзднаго суда, особенно во время выдачи патентовъ. Каждый являвшійся за патентомъ, прямо, не стѣсняясь, приступалъ съ подробными разспросами къ тѣмъ, которые уже получили патенты, — кому и сколько полагается благодарности. Затѣмъ здѣсь же, на виду у всѣхъ, вынималъ деньги и отсчитывалъ потребную сумму. Зналъ ли объ этомъ надзиратель — неизвѣстно, онъ въ канцеляріи рѣдко бывалъ и всѣмъ орудовалъ письмоводитель; но можно предполагать, что и надзиратель зналъ, такъ какъ ужъ очень свободно все дѣлалось. Письмоводитель же не только зналъ, но принимавшій бумаги писецъ прямо заявлялъ, что съ каждаго патента ему полагалось не менѣе трехъ рублей, остальнымъ же — кому рубль съ патента, кому — пятьдесятъ коп. и даже двадцать пять коп. Сторожъ въ канцелярскій счетъ не входилъ, и ему полагалось съ лица, а не съ патента. Въ общемъ брали, можно сказать, не обидно, *правильно* брали, по чинамъ. Кабатчики на благодарность вовсе не скупились и въ большинствѣ давали болѣе опредѣленнаго количества, но за это для добрыхъ скорѣй все исполняли, даже не въ очередь. Расходы такіе у насъ въ конторѣ записывались подъ рубрикой *экстренныхъ*. Писали, напр., экстренныхъ расходовъ при взятіи патентовъ, экстренныхъ расходовъ при взятіи свидѣтельствъ, или просто экстренныхъ расходовъ при поѣздкѣ въ округъ... Праздничные посылались, какъ письмоводителю, такъ и на канцелярію, особо и записывались статьей «Необходимыхъ расходовъ».—Такъ состояло винокуренно-питейное дѣло и его управленіе въ первые годы послѣ откуповъ. Но, несмотря на такую простоту постановки, можно съ увѣренностію сказать, что въ эти первые годы большихъ злоупотребленій по заводамъ не было, и можно предположить по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, дѣло было совсѣмъ

новое, незнакомое въ подробностяхъ, во-вторыхъ — строгое наказаніе, изложенное въ уставѣ, пугало многихъ и, въ третьихъ — заводы зарабатывали такъ много, что и безъ злоупотребленій наживали большія деньги. Кромѣ этого, еще и акцизъ былъ небольшой и не такъ соблазнителенъ, какъ впослѣдствіи. Наконецъ пережилось время семейной простоты, а за нимъ наступили такіе годы, когда все начало измѣняться и передѣлываться. Появившаяся сильная конкуренція убавила много заводской доходности: акцизъ же въ это время все повышался и болѣе вызывалъ на соблазнъ пользоваться имъ; тѣмъ болѣе, что охрана его, хотя и нѣсколько улучшалась появившимися въ акцизномъ надзорѣ новыми лицами, но, въ общемъ, все же представляла широкое поле для большихъ, но легкихъ хищеній. Главный вопросъ,—быть или не быть хищенію,—все же состоялъ въ лицѣ одного заводскаго надсмотрщика.

Въ эти годы въ винокуренномъ дѣлѣ начали появляться новые дѣльцы, изъ бывшихъ служащихъ въ откупахъ. Первое время они все присматривались къ новому винному дѣлу и ждали, что изъ него выйдетъ; потомъ рѣшили, что дѣло это стоитъ дѣлать и что оно даже не хуже откуповъ. А къ этимъ дѣльцамъ прибавились и тѣ, которые вначалѣ незнакомы были съ настоящимъ источникомъ дѣла, но теперь узнали его и стали тоже настоящими дѣльцами. Затѣмъ по заводамъ начали все болѣе и болѣе появляться винокурами жидки: эти оказались особенно ловкими и предпріимчивыми дѣльцами по безъакцизному хищенію. Впослѣдствіи эти винокуры, при ловкости своей въ дѣлахъ, начали брать аренду заводовъ, конечно, на чужое имя, начали вступать въ разныя участія въ винокуренныхъ дѣлахъ, въ видѣ распорядителей и компаніоновъ.

Акцизъ же все повышался, а съ этимъ повышеніемъ росла и прибыльная дѣятельность разнородныхъ хищеній.

ГЛАВА III.

Новые заводы безостановочно устраивались и отбивали покупателей у старыхъ заводовъ. У насъ не менѣе какъ на двѣ трети сократилась продажа вина; за покупателями-кабатчиками заводы начали съ почтеніемъ ухаживать. Такое положеніе дѣлъ вынудило управленіе нашего завода открыть уже цѣлую солидную дистанцію кабаковъ и нѣсколько складовъ въ городахъ и селахъ.

Все желаніе винокуренно-питейныхъ дѣльцовъ въ эти годы было сосредоточено только на одномъ,—чтобы какъ можно больше пили, пили и пили. О ѣдѣ въ то время не думали и не заботились, а о голодѣ и слуха даже не было. Наступила горячая пора общаго открытія кабаковъ. Заводскіе довѣренные ѣздили, какъ угорѣлые, и искали хорошія мѣста. И гдѣ только не находились эти мѣста и гдѣ только не открывались кабаки!.. Всѣ селенія, не только торговыя, но и самыя глухія, не проѣзжія, пестрѣли кабацкими вывѣсками, всѣ большія дороги—тоже. Открывались кабаки и въ самыхъ мизерныхъ деревушкахъ. Открывались на всякихъ дорожныхъ перекресткахъ. Открывались на рѣчныхъ перевозахъ, на лѣсныхъ пристаняхъ. Открывались на мельницахъ, на рушкахъ, на маслобойняхъ. Открывались среди господскихъ усадьбъ. Открывались и въ самыхъ господскихъ жилыхъ домахъ *). Открывались на мелкихъ рѣчныхъ перекатахъ, гдѣ застрѣвали плывущія суда. Открывались на земляхъ церковно-служителей. Открывались у волостныхъ правленій, у монастырей, у больницъ и у кладбищъ; часто рядомъ съ этими мѣстами, нарушая опредѣленное разстояніе тѣмъ, что эти кабаки прикрывались названіями «постоялаго двора» и «бѣлой харчевни». Открывались на всякихъ людскихъ сборищахъ, такъ какъ для этого существовали спеціальныя временныя выставки.

*) Я лично видѣлъ кабацкій патентъ въ домѣ богатаго землевладѣльца, винокуреннаго заводчика и даже барона. И хорошо зналъ, что изъ дома производится кабацкая торговля виномъ.

Уставъ о питейномъ сборѣ въ то время представлялъ такую свободу для открытія кабаковъ, а стоимость патентовъ была такая небольшая, что можно думать, что первые составители устава какъ будто боялись, какъ бы эти злачныя мѣста не исчезли съ лица родной земли. Глубокой правдой тогда звучали слова поэта, какъ онъ сказалъ:

„По всей тебѣ, Русь-матушка,
Какъ клейма на преступникѣ,
Какъ на конѣ тавро,
Два слова нацарапаны:
„На выносъ и распивочно".

Сельскія общества и волостныя начальства тогда праздновали непрерывный праздникъ. Спаиванія, угощенія, взятки и подкупы крикуновъ на сходкахъ разливались широкой волной. Всякая общественная сдѣлка смачивала деревенскій міръ нѣсколькими ведрами вина. Всѣ искатели кабацкихъ мѣстъ дѣлали безпрерывные набѣги на деревню; спасенія не было отъ нихъ ни одному глухому углу, гдѣ были живые люди. И вся эта страшная кабацкая армія тогда нападала больше на деревню, а не на городъ. И теперь приходится удивляться, откуда только брались всѣ тѣ громадныя средства, которыя оплачивали содержаніе всѣхъ кабаковъ, и кромѣ содержанія, эти кабаки еще наживали капиталы.

Велико, должно быть, было благосостояніе деревни къ началу свободной торговли виномъ!

Время тогда было удивительное съ своими новыми явленіями, съ своимъ спѣхомъ только впередъ и впередъ. Этотъ спѣхъ,

давши деревнѣ волю, потомъ бросилъ ее и забылъ про нее. Всѣ заботы о деревнѣ тогда легли на одно темное деревенское начальство. Кто въ то время спасъ для родной земли ея «сѣятеля и хранителя» отъ страшнаго кабацкаго нашествія, указать трудно. Питейное дѣло тогда съ такой силой налегло на деревню, что казалось будто оно сотретъ ее съ лица земли. Но деревня хотя и здорово пошатнулась, но устояла.

Въ послѣднее время я въ своей службѣ успѣлъ побывать на многихъ должностяхъ. При заводѣ я побывалъ въ помощникахъ у подвальнаго, былъ сборщикомъ денегъ, былъ сыщикомъ кабацкихъ мѣстъ, былъ смотрителемъ хозяйственныхъ работъ, былъ повѣреннымъ по открытію новыхъ торговыхъ заведеній, побывалъ даже приказчикомъ и въ имѣніи и въ лѣсу. При открытіи одного кабака устроилъ даже нѣкоторый дѣловой фортель, за который получилъ награду и назначеніе управлять отдѣльнымъ складомъ и дистанціей кабаковъ. Дѣло было такъ: отправился я въ одно время съ полными документами открыть кабакъ въ большомъ торговомъ селѣ, куда раньше меня отправленъ былъ служащій приготовить квартиру. Когда я пріѣхалъ на мѣсто, то нашелъ, что квартира находится въ глухомъ мѣстѣ, неудобномъ для торговли. Всѣ же хорошія мѣста были уже заняты и блистали вывѣсками заведеній. Дѣло выходило неудачно; приходилось раздумывать, какъ бы изъ глуши выбраться съ кабакомъ на видное мѣсто. Проходя какъ-то по самой торговой улицѣ села, я замѣтилъ большой домъ, въ которомъ не было заведенія, но около него, на улицѣ и во дворѣ, виднѣлось почему-то много солдатъ. Я началъ наводить объ этомъ домѣ справки, и оказалось, что онъ принадлежитъ нѣкоему Архипу Сибирякову,—исправному, крѣпкому мужику, да вдобавокъ еще старовѣру. Кабаковъ въ его домѣ никогда не было, не допускалъ къ себѣ въ домъ онъ этихъ заведеній, не любилъ ихъ.

— Можетъ быть, отдастъ за хорошую плату?—спрашивалъ я у свѣдущаго человѣка.

— Не отдастъ!.. Подъѣзжали много и съ большими деньгами, не сдался!—отвѣчалъ свѣдущій человѣкъ.—Архипъ человѣкъ исправный и крѣпкій!.. А теперь у него и занято все ротной кухней и квартирой фельдфебеля!..

Вотъ это послѣднее свѣдѣніе и заставило меня предположить, что не пробрало ли до боли крѣпкаго старовѣра Архипа помѣстившееся у него воинство съ своей кухней и начальственной квартирой. Въ виду такого соображенія отправился къ Архипу, и когда высказалъ, зачѣмъ я явился, то Архипъ сурово задумался и потомъ рѣшительно заявилъ:

— Согласенъ,—отдаю! Не люблю я вашего проклятаго зелья, да видно ничего не подѣлаешь!.. Солдаты ужъ очень одолѣли. Выживай солдатъ и бери, только охлопатывай, чтобы солдаты совсѣмъ ушли изъ дома!

Охлопатываній я съ солдатами не боялся, а потому, сдѣлавши договоръ съ Архипомъ, я принялся немедленно за дѣло. Результатъ охлопатываній до того вышелъ удаченъ, что превзошелъ всѣ мои ожиданія. Чуть не цѣлый взводъ солдатъ орудовалъ день и ночь какъ надъ перенесеніемъ фельфебельской квартиры и ротной кухни, такъ и надъ отдѣлкой и подготовкой помѣщенія для открытія кабака. Наступалъ базарный день, а потому рѣшено было, во что бы то ни стало, заведеніе къ этому дню открыть. Отправивъ нарочнаго въ округъ съ заявленіемъ о переводѣ квартиры, я выбралъ изъ солдатъ плотниковъ, печниковъ и маляровъ и при содѣйствіи ихъ въ одни сутки въ домѣ все измѣнилось до неузнаваемости, а вѣнцомъ всего было то, что въ восемь часовъ утра наступившаго базарнаго дня, какъ по волшебству, возникло солидно обставленное заведеніе на самомъ бойкомъ мѣстѣ села, да еще въ домѣ крѣпкаго старовѣра Архипа Сибирякова! Вывѣска заведенія такъ ловко была прибита и такъ бросалась всѣмъ въ глаза, что удивленію не было границъ. Отъ посѣтителей не было прохода, и дѣловое дѣтище мое начало широкой струей разливать среди православнаго люда свою веселую влагу. Шесть рукъ, помѣстившихся за стойкой, едва успѣвали исполнять требованія посѣтителей. Во всемъ селѣ и на базарѣ открытіе этого

кабака произвело большой фуроръ. Вечеромъ посѣтило заведеніе въ полномъ составѣ волостное начальство. Я былъ героемъ дня среди пьянствующаго и торжествующаго люда, только Архипа за весь день никто не увидалъ: уѣхалъ ли онъ куда или дома скрывался—неизвѣстно. Затѣмъ кабакъ этотъ былъ долгое время въ селѣ первымъ по торговлѣ, поэтому съ избыткомъ окупился весь расходъ по переводу ротной кухни и фельдфебельской квартиры.

Когда объ этомъ дѣлѣ подробно было доложено нашему патрону, то онъ остался очень доволенъ дѣловымъ ловкимъ пріемомъ и постановкой торговаго дѣла; при этомъ онъ торжественно объявилъ мнѣ свою благодарность, назначилъ награду и служебное повышеніе. Послѣ этого дѣла я среди служебнаго товарищества сталъ нѣкоторымъ выдающимся опытнымъ дѣльцомъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА IV.

Передъ моимъ отъѣздомъ къ управленію порученнымъ мнѣ складомъ у насъ въ заводѣ произошелъ непредвидѣнный тревожный случай. Въ одинъ вечеръ патронъ нашъ, очень взволнованный, явился въ контору, позвалъ въ отдѣльную комнату подвальнаго и завѣдующаго конторой и началъ о чемъ-то спѣшные переговоры. Занятія дневныя уже были закончены и всѣ служащіе были въ сборѣ. Мы, молодежь, вопросительно посматривая другъ на друга, съ нетерпѣніемъ ожидали узнать, что это такое случилось. Когда переговоры окончились и патронъ вышелъ изъ конторы вмѣстѣ съ подвальнымъ, то завѣдующій, обратившись къ нимъ, громко проговорилъ:

— Ну, господа, за работу!.. Отдыхать не время, послѣ отдохнемъ! Вы, Березинъ, идите помогать въ подвалы, тамъ укажутъ, что дѣлать. А вы, господа, приготовьтесь къ отъѣзду, сейчасъ подадутъ лошадей! Куда ѣхать и что дѣлать — я вамъ сейчасъ подробно объясню!

Когда я одѣлся и вышелъ изъ конторы на работу въ подвалы, то начали подъѣзжать лошади, позвякивая бубенцами.

На дворѣ стояла зимняя оттепель, порошилъ небольшой снѣжокъ и вся виднѣющаяся въ лунномъ полусвѣтѣ даль покрывалась матовою мглой. Тишина стояла кругомъ полная и я остановился у подвала полюбоваться на тихую ночь.

Вскорѣ вышли мои товарищи въ шубахъ и поспѣшно размѣстились въ саняхъ, лошади быстро тронулись, гремя бубенцами, и скоро скрылись въ мглистой дали. Въ это же время послышался выѣздъ и изъ усадьбы еще служащихъ все по тому же дѣлу.

Посланнымъ въ разъѣздъ поручено было, чтобы наивозможно скорѣй собрать какъ въ своихъ кабакахъ, такъ и у покупателей всякаго рода бумаги, которыя могли бы быть свидѣтельствомъ о количествѣ выпущеннаго вина. Бумаги эти состояли изъ разныхъ счетовъ, расчетныхъ листовъ и ярлыковъ, привязываемыхъ къ бутылкамъ съ пробой. Всѣ такіе документы, попади въ то время въ руки акцизныхъ чиновниковъ, надѣлали бы хлопотъ, — отъ слѣдствія и суда не уйти бы нашему заводу. Выпускъ такихъ документовъ, часто даже безъ особой надобности, былъ въ этомъ случаѣ большой оплошностью винокуренныхъ дѣльцовъ; сдѣлали оплошность эту потому, что уже очень большой добротой выдавался тогда акцизный надзоръ.

Проводивши уѣхавшихъ, я еще немного постоялъ среди ночной тишины, раздумывая о новомъ у насъ случаѣ, затѣмъ отправился на работу. Когда я взошелъ въ подвалъ, то увидѣлъ поспѣшную торопливую работу: наливались бочки виномъ и готовились къ отправкѣ, выкатывались наружу и бочки со спиртомъ. Я получилъ порученіе взять три бочки спирта, установить ихъ въ водочномъ подвалѣ среди бочекъ съ ягоднымъ настоемъ, затѣмъ подкрасить морсомъ и замаскировать, чтобы при ревизіи спиртъ этотъ сошелъ за ягодный морсъ, который къ остаткамъ заводскаго вина не причислялся. Все это сдѣлавши, я опять пришелъ въ очистной подвалъ, куда скоро явился завѣдующій конторой со счетами и заявилъ, что у насъ лишняго вина, которое надо прибрать — 15,000°/₀.

Въ виду неминуемой ревизіи, онъ началъ дѣлать подсчетъ, сколько еще приходится скрыть, кромѣ того количества, которое уже прибрано. Когда завѣдующій ушелъ, я обратился къ подвальному съ вопросомъ:

— Что такое случилось?.. Вѣдь и прежде у насъ бывало лишнее вино, но мы его не прятали! Чиновникъ нашъ вѣдь не дѣлаетъ ревизій?..

— Ну, братъ, это времячко уходитъ! — отвѣчалъ подвальный. — Экстренно сообщили, что надъ нами собирается гроза! Вотъ уберемся — все узнаемъ, а теперь давай доканчивать работу!..

Къ часу ночи всѣ дѣла приведены были въ порядокъ; вино отправлено и спиртъ приведенъ въ морсъ. Сдѣлали послѣдній подсчетъ наличности въ подвалахъ, которая теперь оказывалась согласной съ казенной книгой. Слѣдовательно, дѣло все было исполнено. Мы отпустили на отдыхъ рабочихъ и отправились въ контору, гдѣ насъ встрѣтилъ завѣдующій вопросомъ:

— Ну, братія, какъ дѣла?

— Все въ порядкѣ! — отвѣтилъ подвальный.

— Дѣльно!.. Теперь мы въ полной исправности и смѣло можемъ сказать: «милости просимъ пожаловать для ревизіи!» Что-то сдѣлаютъ наши посланцы? Неужели ихъ предупредятъ акцизные? Да едва ли! Гдѣ имъ, баричамъ, такія дѣла дѣлать, очень нѣжны они для этого?

Затѣмъ начался у насъ разговоръ о произошедшемъ случаѣ, изъ котораго я узналъ слѣдующее: нашъ ближайшій сосѣдъ, винокуренный заводчикъ, крупный землавладѣлецъ и аристократъ, Зарубаевъ, имѣлъ старыя личности съ нашимъ патрономъ, поэтому старался чѣмъ-нибудь насолить ему. Онъ, пользуясь кое-какими слухами отъ рабочихъ завода, а также зная кое-что какъ винокуренный заводчикъ, получилъ свѣдѣнія, что на заводѣ нашемъ ужъ очень начали не по цензу пользоваться безъакцизнымъ доходомъ. Въ виду этого Зарубаевъ поручилъ своему конторщику наблюдать за выпускомъ вина на нашемъ заводѣ. Мы часто видѣли, иногда даже два раза въ день, этого конторщика, но не обращали на это вниманія и думали: «катается себѣ счастливый человѣкъ, а мы все корпимъ за конторской работой». Заручившись кое-какими свѣдѣніями о нашей торговлѣ, Зарубаевъ, бывши у надзирателя, недавно поступившаго къ намъ молодого чиновника, перешедшаго въ акцизъ изъ другого вѣдомства, завелъ разговоръ о количествѣ проданнаго по заводамъ вина и внесеннаго за него акциза. Надзиратель, перечисляя заводы, и о нашемъ сказалъ, что прошедшій мѣсяцъ онъ торговалъ тихо и акциза внесъ мало; при этомъ надзиратель назвалъ количество вина и количество внесеннаго акциза. Зарубаевъ насторожился: выходило, что ска-

занная надзирателемъ цифра далеко не сходилась даже съ тѣмъ количествомъ, которое замѣтилъ его конторщикъ. Зарубаевъ, не долго думая, передалъ все подробно надзирателю, который такими сообщеніями былъ изрядно удивленъ:

— Если все, что вы мнѣ передали, также въ дѣйствительности,—заявилъ надзиратель,—то я немедленно приступлю къ этому дѣлу. Но позвольте мнѣ откровенно обратиться къ вамъ съ просьбой: посовѣтуйте, какъ лучше поступить. Я, какъ вамъ извѣстно, еще мало опытенъ въ этомъ дѣлѣ, а поэтому могу, пожалуй, срѣзаться съ такими дѣльцами. Хорошо бы было добыть какія-нибудь данныя, тогда бы можно было поступить рѣшительнѣе!

Зарубаевъ, пораздумавши, заявилъ:

— Прежде всего прикажите произвести немедленно самую строгую ревизію подваловъ: — не найдется ли лишняго вина. Потомъ, немедленно же, надо отправить по всѣмъ заводскимъ кабакамъ и покупателямъ—мѣста видны въ подвальной книгѣ—отбирать всякіе документы, свидѣтельствующіе о выпускѣ вина. Данныя могутъ получиться солидныя, только надо спѣшить дѣлать, а то могутъ предупредить... А затѣмъ увидите, какъ поступать дальше!

Послѣ такого обстоятельнаго указанія, надзиратель приступилъ къ распоряженіямъ, которыя закончились въ тотъ же день часовъ въ восемь-девять вечера, такъ какъ обстоятельство дѣла возникло часовъ въ пять вечера, послѣ обѣда Зарубаева у надзирателя. По распоряженіямъ, сдѣланнымъ надзирателемъ, рѣшено было выѣхать чиновникамъ какъ для ревизіи подваловъ, такъ и для сбора обличительныхъ документовъ на слѣдующій день рано утромъ, даже до свѣта. Между тѣмъ къ девяти часамъ того же вечера, когда въ округѣ только заканчивались распоряженія надзирателя, у насъ, въ заводѣ, за тридцать верстъ отъ округа, было получено эстафетное увѣдомленіе о собравшейся грозѣ. Вотъ поэтому у насъ и были немедленно приняты надлежащія мѣры для встрѣчи наступающей грозы. Кто прислалъ экстренное извѣщеніе—никто у насъ вѣрно

не зналъ, да объ этомъ и не принято было говорить. Всѣ сознавали, что не слѣдуетъ обсуждать такое происшествіе. Позднѣе, уже много времени спустя, мнѣ неожиданно пришлось узнать это секретное лицо, о чемъ и будетъ сказано.

Послѣ обстоятельной и откровенной бесѣды въ конторѣ, мы рѣшили получше отдохнуть, чтобы спокойными и бодрыми встрѣтить завтрашній день. Выходя изъ конторы на отдыхъ, мнѣ думалось: «Ну вотъ, наконецъ, наступаетъ и первое дѣйствіе безъакцизной комедіи! Что-то выйдетъ изъ этого?..» Тогда я совсѣмъ не предвидѣлъ, что впослѣдствіи въ этой хищнической комедіи мнѣ придется много лѣтъ быть дѣйствующимъ лицомъ.

ГЛАВА V.

Утромъ наступившаго дня, часовъ въ семь, когда мы всѣ въ сборѣ сидѣли за чаемъ, съ шумомъ и звономъ подъѣхала къ конторѣ тройка лошадей, а вслѣдъ за этимъ въ контору взошли два неизвѣстныхъ намъ чиновника. Нашего помощника надзирателя съ ними не было. Полнѣйшая тишина на дворѣ и у подваловъ, которые были заперты, а также наше спокойное чаепитіе и неторопливая встрѣча, какъ видно было, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на пріѣзжихъ. Мы съ самыми невиннѣйшими физіономіями помогали раздѣваться, а потомъ предложили пріѣзжимъ чаю. Отъ чаю чиновники отказались, объявили намъ о своихъ служебныхъ должностяхъ, заявили, что пріѣхали для ревизіи подваловъ, къ чему и желаютъ немедленно приступить. Мы при нихъ же послали за рабочими и при нихъ же отперли подвалы и ревизія началась. Всѣ служащіе завода, участвовавшіе при ревизіи, исполняли все съ самымъ невиннымъ стараніемъ. Ни однимъ пріемомъ не возбудили никакого подозрѣнія къ нашему дѣлу. Все исполняли усердно, не торопясь, все измѣряли и считали не спѣша, чуть не по пальцамъ, чтобы не сдѣлать ошибки. Всѣ темные углы подваловъ освѣщали съ большой ясностью и стараніемъ. Особенно заботились мы какъ будто о томъ, чтобы не произошло какого пропуска въ счетѣ наличнаго вина и спирта, напоминали о каждомъ остаткѣ и нѣкоторыми опредѣленіями количества показывали, что какъ бы желаемъ даже увеличить количество остатковъ, какъ это дѣлали многіе, а иногда и мы, для того чтобы задержать на нѣкоторое время платежъ акциза. Въ

концѣ ревизіи мы начали замѣчать, что наши ревизоры начали уставать и относиться къ намъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ вначалѣ. А когда по окончаніи ревизіи подваловъ мы проходили мимо дверей водочнаго отдѣленія, гдѣ стоялъ скрытый подкрашенный спиртъ, то по приказанію подвальнаго двери быстро были растворены, и онъ вѣжливо, но какъ бы и настойчиво, заявилъ:

— Пожалуйте для осмотра водочнаго подвала!

— Да что у васъ тамъ? — спросилъ одинъ изъ ревизоровъ.

— Ягодные морсы, травники и наливки! Я счелъ долгомъ объ этомъ сообщить вамъ, какъ ревизующимъ наши подвалы въ первый разъ. Можетъ быть, пожелаете осмотрѣть?

— Да стоитъ ли?..

— Какъ вамъ угодно! — грустно заявилъ подвальный, какъ бы желая показать, что вотъ о васъ заботятся, а вы не желаете даже обратить вниманія.

— Пожалуй, зайдемте! — со скукой проговорилъ ревизоръ. Видно было, что вся ревизіонная работа имъ порядочно надоѣла, такъ какъ мы всѣ толклись на этой работѣ уже около пяти часовъ.

Подойдя къ водочному подвалу, чиновникъ съ порога заглянулъ внутрь его и, постоявъ немного, проговорилъ:

— Нечего здѣсь дѣлать. Запирайте!

При такихъ условіяхъ произошла ревизія подваловъ. Въ конторѣ при общемъ подсчетѣ ревизіонныхъ записей, мы тоже предложили свои услуги ревизорамъ, и при нашей помощи все подсчитано было очень скоро. Ревизоры затѣмъ взялись за провѣрку итоговъ и за просмотръ книгъ. Участіе наше было болѣе не нужно, поэтому мы удалились въ сосѣднюю комнату, гдѣ и примолкли, желая уловить какое-нибудь нужное слово. Вначалѣ долго раздавался только стукъ счетныхъ косточекъ да шелестъ бумаги, а затѣмъ послышался и негромкій разговоръ:

— Ну что? — спрашивалъ одинъ!

— Все въ порядкѣ! — отвѣчалъ другой. — Въ хорошемъ даже

порядкѣ! Новое начальство наше кажется... тово... впало въ недоразумѣніе и вздумало розыграть что-то, а затѣмъ, по пути, и насъ помучить!..

— Какъ будто дѣйствительно на это похоже!

— Да вотъ смотрите, провѣряйте, все передъ глазами. Да не только ревизіонные результаты, а и люди-то всѣ своими дѣйствіями и вся обстановка-то совершенно не даютъ повода къ подозрѣніямъ!..

— Ваша правда: на мой взглядъ окружающіе люди дѣйствительно безъ подозрѣній. Если бы было что, то ужъ, навѣрно, хоть въ чемъ-нибудь мелочномъ да проявилось бы!..

Затѣмъ въ комнатѣ ревизоровъ все смолкло.

— Фуй!.. И здорово же я усталъ!—послышалось снова изъ комнаты ревизоровъ.—Вѣдь съ трехъ часовъ треплемся! Хоть бы чаю теперь попить!..

— А я, батенька, почти всю ночь не спалъ, все шли сборы къ отъѣзду. Но мы-то еще ничего, вотъ уже и кончили, а тѣмъ-то ой-ой какъ придется бока помять!

Весь этотъ разговоръ сейчасъ же передали нашему патрону, который немедленно явился къ ревизорамъ и пригласилъ ихъ на завтракъ и на отдыхъ.

Въ ночь возвратились наши посланные для сбора документовъ и заявили, что порученія исполнены всѣ очень удачно. Они цѣлыя сутки безъ отдыха носились по разнымъ мѣстамъ, перемѣняли по нѣсколько разъ лошадей, но зато сдѣлали дѣло. Собранный письменный матеріалъ они сдали въ контору, сообщили о нѣкоторыхъ путевыхъ подробностяхъ и о томъ, что встрѣчи съ чиновниками нигдѣ не произошло. Уставши порядочно, наши дѣльцы отправились отдыхать.

На слѣдующій день ревизоры наши уѣхали, а мы, всѣ участвовавшіе въ первомъ безъакцизномъ водевилѣ, получили благодарность и награду. Послѣ этого случая мы, заручившись нѣкоторой дѣловой опытностью и сознаніемъ исполненнаго долга, устроили торжественный отдыхъ, на которомъ провели время съ довольствомъ ловко вывернувшихся изъ опасности

людей, а затѣмъ принялись за свои обычныя занятія по службѣ.

Послѣ мы узнали, что въ результатѣ возбужденнаго надзирателемъ дѣла получилось слѣдующее: возвратившіеся ревизоры объяснили надзирателю, что не только не встрѣтили какихъ-либо отступленій въ заводѣ, но даже не встрѣтили повода и подозрѣвать ихъ. Затѣмъ, изложивши о всѣхъ ревизіонныхъ подробностяхъ и о томъ впечатлѣніи, которое получили при пріѣздѣ и производствѣ ревизіи, они добавили:

— Все ясно намъ говорило, что насъ не ждали, но видно было при этомъ, что для нихъ все равно: пріѣхали мы къ нимъ, новые чиновники, или нѣтъ. Видно было во всѣхъ дѣйствіяхъ, что за дѣло имъ бояться нечего!

— Странно все это, очень странно!..—пониженнымъ тономъ говорилъ надзиратель.—Зачѣмъ же все это подымалъ Зарубаевъ? Для чего понадобилась эта ложь?

— Не ложь это, а просто преувеличенное заблужденіе, и къ тому же еще приправленное личной враждой!

— Какъ! Развѣ они враги?

— Еще бы!.. И враги-то очень давно! Зарубаевъ—богатый аристократъ съ большимъ самолюбіемъ, и болѣе ничего. Онъ и заводъ-то свой выстроилъ для того, чтобы насолить сосѣду, а вышло—наоборотъ: насолилъ только своему карману!..

— Странно!.. Все можетъ быть, но подождемте, господа, пока рѣшать,—не привезутъ ли наши чего изъ документовъ... Мнѣ все думается (вы, господа, извините), что Зарубаевъ можетъ быть и преувеличилъ, но есть здѣсь и доля правды.

— Хорошо-съ!.. Будемте ждать!—заявили чиновники, обиженные подозрѣваемой долей правды, которая у нихъ при ревизіи нигдѣ не оказалась.

Пріѣхали наконецъ и акцизные, посланные за документами, но ровно ничего не привезли. Сидѣльцы въ заводскихъ кабакахъ объяснили имъ, что въ заведеніяхъ нѣтъ никакихъ счетовъ, потому что въ текущемъ мѣсяцѣ вина не поступало, прежніе же счета повѣренные забрали при дѣланіи учета, какъ

это дѣлалось и прежде. Покупатели объясняли, что счетовъ совсѣмъ не берутъ, такъ какъ вино покупаютъ за наличныя деньги. Всѣ такія заявленія дѣйствительно дѣлались чиновникамъ, такъ какъ заводскіе служащіе имѣли порученіе настроить всѣхъ къ такимъ отвѣтамъ. Въ общемъ все поднятое дѣло сводилось къ нулю, такъ что по окончаніи коллегіальнаго засѣданія въ округѣ по этому дѣлу надзиратель нашелъ нужнымъ сказать, чтобы господа чиновники извинили его за безпокойство, которое онъ сдѣлалъ по обязанностямъ службы. Тѣмъ дѣло это было и закончено.

ГЛАВА VI.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ происшедшаго на заводѣ тревожнаго случая я отправился на новую должность—управлять складомъ и дистанціей кабаковъ. Складъ этотъ находился въ большомъ торговомъ селѣ, гдѣ питейныя заведенія разныхъ заводовъ вели между собой настоящую торговую войну. Служба моя здѣсь была самостоятельнѣй и покойнѣй заводской, хлопотъ большихъ, а также непредвидѣнныхъ тревожныхъ случаевъ здѣсь не было. Затѣмъ и время приближалось къ веснѣ, когда заводы уже останавливаются, а во время заводскихъ остановокъ всякая интимная связь склада съ заводомъ прекращалась. Въ селѣ, гдѣ находился складъ, было цѣлое общество винныхъ дѣльцовъ. Лично между собой всѣ жили дружно и часто устраивали дружескіе вечера, гдѣ, бывало, въ откровенныя минуты восторженно обсуждалась дѣятельность своихъ и чужихъ заводовъ. Дѣятельность эта сосредоточивалась исключительно на подвигахъ разныхъ отступленій, торговыхъ обмановъ и безакцизныхъ хищеній, и все это сводилось къ главному пункту нашихъ стремленій—наживѣ. Такія прелести составляли гордость въ нашихъ служебныхъ подвигахъ и всю эссенцію въ винномъ дѣлѣ. Я теперь вспоминаю, какъ иногда можетъ захватывать человѣка окружающая среда; подъ вліяніемъ ея всякій низкій обманъ, бывало, дѣлаешь не только со спокойной совѣстью и съ сознаніемъ исполненнаго долга, но даже съ нѣкоторымъ горделивымъ сознаніемъ своего дѣлового превосходства надъ другими людьми, которые не умѣютъ сдѣлать сквернаго дѣла. Область винокуренно-питейнаго дѣла и

среда ея дѣльцовъ особенно выдавалась уродливыми понятіями о чести. Сдѣлать обмѣръ, отпустить низкопробное вино, украсть безъакцизное,—все это было почти правиломъ въ этомъ дѣлѣ.

Нашъ участковый чиновникъ, завѣдывавшій складомъ, былъ предобрѣйшій человѣкъ, при этомъ страстный ружейный охотникъ. Пріѣзда его мы всегда ждали съ удовольствіемъ. Ко мнѣ же онъ былъ особенно расположенъ. Мы часто вмѣстѣ хаживали на охоту, а вечерами, когда онъ ночевалъ у меня, долго засиживались за разговоромъ. Во время такихъ вечеровъ онъ часто говорилъ, что эта винная пакостная служба тяготитъ его, что при первой возможности онъ оставитъ ее. (По спеціальности онъ былъ врачъ). Если же и служитъ теперь, то это дѣлаетъ въ угоду своему покровителю, который хочетъ все вытащить его въ особы. Покровитель его былъ акцизный управляющій.

— Подчиняюсь пока,—говорилъ онъ,—но все же уйду и уйду изъ этой службы! Отъ всѣхъ заводовъ я давно уже отказался!.. (Онъ дѣйствительно завѣдывалъ только складами). Вы думаете я не знаю, что дѣлается у васъ на заводахъ? Знаю, батюшка, и очень много знаю! Меня однажды притянули даже участвовать въ провѣркѣ подозрительныхъ заводскихъ дѣйствій, но, конечно, изъ этой провѣрки ничего не вышло, да и не могло выйдти-то при такой обстановкѣ дѣла! Кому неизвѣстно, что надсмотрщикъ—все! И при такомъ-то значеніи онъ получаетъ жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, да за этакое жалованье кромѣ заводской работы еще чуть не лакейскую должность несетъ передъ старшими чинами. Заводчикъ навязываетъ ему сотни и даже тысячи за отступленія, почти неуловимыя для кары, а казна даетъ гроши за трудную службу, да еще требуетъ сохраненія ея интереса!..

— Трудно понять, что это? Азіатское ли недоуміе или россійское чиноѣдство? Если вздумаешь иногда что-нибудь только намекнуть объ этомъ, то сейчасъ же попадешь въ либералы, въ безпокойные, въ неподходящіе для служебныхъ дѣлъ и проч...

— Что же это за провѣрка была, въ которой вы участвовали?—спросилъ я.

— Провѣрка-то? Разскажу вамъ пожалуй и про провѣрку, въ которой мы сдѣлали изъ себя шутовъ гороховыхъ! Вы, навѣрное, знаете заводъ Пенчеревскаго? Ну, вотъ, на этомъ заводѣ какъ только поступилъ винокуромъ Соломонка Врудь, такъ выходы спирта изъ пуда хлѣба вмѣсто обычныхъ 38—39%, вдругъ сдѣлались 45—46%. А такъ какъ перекуръ сверхъ нормы весь принадлежалъ заводу, то выходило, что при Соломонкиныхъ выходахъ въ пользу завода отъ каждаго пуда поступало 50—60 копеекъ, что при четырехъ стахъ пудахъ въ сутки сославляло очень приличный кушъ... Ну вотъ и возникло подозрѣніе, что въ заторъ подбавлялся лишній хлѣбный припасъ, а гдѣ онъ не подбавляется спросить бы ихъ? Вотъ по возникшему подозрѣнію и отправилась насъ цѣлая артель чиновниковъ ловить Соломонку. Явились мы на заводъ въ числѣ шести человѣкъ, и первымъ нашимъ дѣйствіемъ было то, что мы немедленно отстранили мѣстнаго надсмотрщика какъ участника въ мошенничествѣ. Затѣмъ день и ночь начали слѣдить за производствомъ. Ни одно заводское дѣйствіе не происходило безъ нашего присутствія, и это продолжалось двѣ недѣли. Результатъ же получился вотъ какой: когда начали перекуривать заторы, сдѣланные въ нашемъ присутствіи, то стало выкуриваться на полградуса и даже на градусъ болѣе, чѣмъ было до нашей провѣрки. Соломонка и вся заводская администрація ходила съ обиженно-торжествующими лицами. Надсмотрщикъ же даже будто заболѣлъ отъ обиды. Мы же всѣ день-ото-дня все болѣе и болѣе превращались въ мокрыхъ куръ и, наконецъ, уѣхали совсѣмъ сконфуженные! Послѣ какъ-то доморощенные наши техники опредѣлили, что будто бы въ муку, назначенную для заторовъ, которую мы такъ тщательно взвѣшивали, прибавляли сахаръ, который и увеличивалъ выходъ спирта.

— Неправда это, Порфирій Тимоѳеевичъ,—никакого тамъ сахара не было!—сказалъ я.

— Развѣ вы знаете что-нибудь объ этомъ дѣлѣ?

— Слышалъ кое-что бывшее въ родѣ этого!

— Что же, развѣ тамъ злоупотребленій не было?

— Зачѣмъ не было—были!

— Тогда что же они дѣлали при нашей двухнедѣльной провѣркѣ?

— Прибавляли сколько нужно спирта, чтобы получился необходимый выходъ и болѣе ничего!

— Какъ спирта? Куда? Когда прибавляли?—съ удивленіемъ спрашивалъ чиновникъ.

— Прибавляли, во-первыхъ, въ брагу, когда она перепускалась изъ чановъ въ кубы, тѣмъ болѣе это легко было сдѣлать, что жолобъ перепускной находится подъ поломъ въ темнотѣ. Во-вторыхъ, могли подбавлять въ бродильный чанъ вмѣстѣ съ водой, которой чаны эти передъ перегонкой добавляются. А потомъ могли добавлять спиртъ и прямо въ спиртовой чанъ. Винокуръ свой дѣйствительный выходъ хорошо знаетъ, поэтому легко учесть, сколько надо добавить спирта, чтобы получить нужный выходъ, мѣстъ же для прибавки очень много и за этимъ услѣдить не легко.

— Ну вотъ и любуйтесь на наши дѣянія!—воскнулъ Порфирій Тимоѳеевичъ.—Ну какъ же не смѣяться надъ нами? Собирается цѣлая титулованная ватага, съ чиновнымъ апломбомъ берется за провѣрку непонимаемаго дѣла и воображаетъ себя способной поймать завзятаго мошенника Соломонку! Просто потѣха!.. Но горькая потѣха!.. И меня чортъ дернулъ участвовать въ этой провѣркѣ! А наши техники-то! дѣльцы-то наши! Сахару жидъ подбавилъ! Умнѣе ничего не придумали! Охъ дѣльцы, дѣльцы! Одно уходитъ и уходитъ!..

Наступило долгое молчаніе. Порфирій Тимоѳеевичъ долго ходилъ по комнатѣ, потомъ проговорилъ:

— Кстати спрошу васъ: помните у васъ на заводѣ прошлой зимой была неожиданная ревизія?

— Да, помню!

— Найдено, конечно, было все въ порядкѣ. А непорядокъ-то вѣдь былъ! И навѣрно еще порядочный?

Я ничего не отвѣчалъ.

— Говорите, не бойтесь! Вѣдь мы бесѣдуемъ безъ свидѣтелей!

— Про свой заводъ вѣдь неловко входить въ сужденія, Порфирій Тимофѣевичъ.

— Да, правда. Но довольно и этого. Я хотѣлъ передать вамъ, что продѣлывается у насъ въ округѣ, о чемъ можетъ быть вы не знаете...—Знали ли вы о курьерѣ, который привезъ извѣстіе о собирающейся грозѣ?

— Да, зналъ.

— А кто курьера отправилъ, знаете?

— Нѣтъ, у насъ объ этомъ не принято было говорить.

— Еще бы, эта шельма такъ обставляетъ дѣло, что и говорить чтобы не могли. Одурачиваетъ онъ страшно всѣхъ. Догадываетесь о комъ говорю?

— Думаю,—о письмоводителѣ.

— Такъ точно-съ! О нашемъ всесильномъ господинѣ Тюльпановѣ.

Мнѣ было извѣстно, что Порфирій Тимоѳеевичъ сильно недолюбливалъ письмоводителя, но и онъ тоже состоялъ у Тюльпанова въ нелюбимцахъ. Тюльпановъ ненавидѣлъ чиновниковъ-либераловъ, какъ онъ называлъ такихъ, которые замѣчали его продѣлки съ заводами.

— Какъ вы, Порфирій Тимоѳеевичъ, могли узнать про это?

— Есть у меня въ канцеляріи кое-кто изъ близкихъ, да и Тюльпановъ сталъ ужъ очень смѣло дѣйствовать, должно быть передъ концомъ. Началъ частенько поговаривать, что пора уходить, усталъ очень. Весь округъ, говоритъ, несу на своихъ плечахъ! Іуда! Охъ, какой Іуда!... Порфирій Тимоѳеевичъ опять началъ ходить по комнатѣ и чрезъ нѣкоторое время заговорилъ съ возбужденіемъ:

— Дѣло это злое! Въ самой сущности его лежитъ зло. Можетъ быть, и придетъ время, когда люди все это замѣтятъ и что-нибудь сдѣлаютъ, но теперь одно средство есть — дальше отъ него. Еще повторю вамъ, что я ухожу отъ этого дѣла, вотъ поэтому хочу и вамъ посовѣтовать, подумайте хорошенько

объ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, еще не крѣпко оно засосало васъ, и найдете возможнымъ еще уйти изъ него! Совѣтую отъ души, уходите пока есть время, уходите пока есть сила! Какъ бы далеко вы не пошли по пути наживы въ этомъ дѣлѣ — счастія не найдете. Помните, что счастіе нельзя устроить на несчастіи другихъ!.. Пожалуйста подумайте объ этомъ и уходите, чтобы послѣ не пришлось страдать!

Этимъ добрымъ и правдивымъ совѣтомъ я не сумѣлъ тогда воспользоваться; даже и подумать-то объ этомъ или не умѣлъ или не хотѣлъ—ужъ не знаю. Свиданіе это съ Порфиріемъ Тимоѳеевичемъ было послѣднее. Онъ дѣйствительно ушелъ изъ акцизной службы. А я скоро опять закружился въ вихрѣ винокуренно-питейнаго дѣла.

ГЛАВА VII.

Вмѣсто Порфирія Тимоѳеевича къ намъ назначили новаго чиновника съ нѣмецкой фамиліей. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, но высматривалъ практическимъ дѣльцомъ. Въ первый пріѣздъ свой новый чиновникъ разнесъ всѣхъ насъ страшно за разныя отступленія, но протокола ни одного не составилъ, а ограничился пока только разносомъ. Между винными дѣльцами пошли сейчасъ же совѣты о томъ, какъ поступить и чѣмъ умилостивить новаго начальника. У меня съ этимъ чиновникомъ произошелъ слѣдующій интересный случай. При первой ревизіи онъ нашелъ у меня вино въ складѣ ниже опредѣленной крѣпости градуса на три и даже болѣе. Я уже рѣшилъ, что такое отступленіе едва ли пройдетъ безъ протокола.

— Это что же значитъ?—спросилъ чиновникъ, указывая на пробу вина.

— Такъ изъ завода выслали. Довести же до законной крѣпости у меня нѣтъ спирта,—отвѣтилъ я.

— Гм!.. Къ слѣдующей ревизіи чтобы все было приведено въ надлежащій порядокъ!

— Хорошо-съ!

— Смотрите же, не вызывайте меня на составленіе протокола!

— Все будетъ исполнено!

Послѣ этого я немедленно отправилъ на заводъ за спиртомъ. Посланный возвратился и вмѣсто спирта привезъ мнѣ отвѣтъ, что мое требованіе принято къ свѣдѣнію. Что же это значило—я пока не понималъ и ждалъ, что произойдетъ при слѣдующей ревизіи.

Прошло двѣ недѣли и наступила ожидаемая ревизія. Въ этотъ пріѣздъ строгій нашъ чиновникъ ходилъ въ сопровожденіи сельскихъ властей. Въ двухъ кабакахъ и въ одномъ складѣ были составлены протоколы даже за небольшія отступленія. Ревизія все ближе и ближе подвигалась ко мнѣ и, наконецъ, тоже съ сельскими властями, появилась у меня въ складѣ. Началась провѣрка, взята была проба вина.

— Все приведено въ порядокъ?—спросилъ чиновникъ.

— Все въ порядкѣ!—отвѣтилъ я.

Чиновникъ началъ испывывать то же самое вино, которое было при прошлой ревизіи. Опустивши спиртомѣръ и внимательно осмотрѣвъ, чиновникъ громко заявилъ:

— Ну, вотъ это хорошо!

Затѣмъ, захвативши съ собой казенную книгу для записи, онъ торжественно въ сопровожденіи сельскихъ властей удалился изъ склада.

— Ловко обдѣлываются дѣла нашимъ заводскимъ управленіемъ!—подумалъ я, смотря на произошедшее.

Но, несмотря на эти ловкія обдѣлыванія, дѣла наши по доходности все ухудшались, такъ велика становилась конкуренція во всемъ винокуренно-питейномъ дѣлѣ. Число заводовъ въ нашемъ уѣздѣ увеличилось вчетверо, а во сколько разъ увеличилось число кабаковъ—трудно было даже опредѣлить.

Покупателей своихъ заводы удерживали всякими средствами. Наступило время, что не только покупателя-кабатчика не приглашали садиться, какъ бывало прежде, а встрѣчали съ почтеніемъ и уваженіемъ, доведенными уже до крайности. На нѣкоторыхъ заводахъ явившагося покупателя-кабатчика встрѣчали первымъ словомъ: «Что прикажете приготовить къ обѣду или къ завтраку», а о чаѣ и закускѣ уже и помину не было: самоваръ кипѣлъ всегда, а также и открытъ былъ буфетъ во всякое время дня и ночи.

Кабатчикъ сильно шелъ въ гору, жирѣлъ, толстѣлъ карманомъ и сталъ сильно сознавать свое важное значеніе при заводскомъ безъакцизномъ хищеніи. Онъ хорошо понималъ, что

его роль въ этомъ темномъ дѣлѣ очень важная. Въ то первое время получить безъакцизное вино было легче, чѣмъ сбыть его. Сбыть же содѣйствовалъ только кабатчикъ. Въ нашемъ краѣ начали все болѣе и болѣе носиться слухи, что заводскія дѣла забираютъ въ свои руки разные израильскіе дѣльцы, передъ которыми старые дѣльцы пасовали, и многіе изъ нихъ даже передали имъ свои дѣла. Подъ направленіемъ же этихъ новыхъ дѣльцовъ начали составляться солидныя товарищества по производству безъакцизнаго казнокрадства. Въ товариществахъ этихъ вся задача состояла въ хищеніяхъ и безшабашной наживѣ. Дѣла свои они обставляли прочно, администрація у нихъ была все изъ *своихъ* надежныхъ лицъ и попасть туда на службу человѣку не *изъ нашихъ* было очень трудно.

Нашъ патронъ, несмотря на свои солидныя денежныя средства, почему-то благоразумно не захотѣлъ болѣе тянуться за передовыми дѣльцами и состязаться съ образовавшимися товариществами. Онъ началъ сокращать свои дѣла; по этому кабацкія и складскія дистанціи начали передаваться и закрываться. Складъ съ нѣсколькими кабаками, которыми я завѣдывалъ, былъ тоже небезвыгодно переданъ одному разжирѣвшему кабатчику, который твердо шелъ къ намѣченной цѣли — сдѣлаться заводчикомъ и землевладѣльцемъ.

Я, сдавши свое дѣло, явился на заводъ, который, въ сравненіи съ прежними шумными годами, представлялъ какую-то глушь. Дѣла для меня при заводѣ совсѣмъ не оказывалось, и мнѣ хотя не отказывали отъ службы, но я видѣлъ, что остался за штатомъ. Отдохнувши при заводѣ, я уволился съ перваго моего мѣста и поступилъ на другой заводъ.

ГЛАВА VIII.

На второй заводъ мнѣ пришлось поступить къ крупнымъ землевладѣльцамъ, маркизамъ Жанполь. Это были два брата, очень состоятельные люди и вліятельные среди своего уѣзднаго дворянства. Одинъ былъ даже дворянскій предводитель.

Лицо, отправлявшее меня съ рекомендаціей къ маркизамъ, дало мнѣ слѣдующее небезынтересное предостереженіе:

— Имѣйте въ виду, что чѣмъ меньше вы выскажете по заводскому дѣлу знанія, тѣмъ скорѣй получите мѣсто у маркизовъ.

Съ такимъ загадочнымъ предостереженіемъ я, приготовившись, конечно, врать о своихъ знаніяхъ, явился къ маркизамъ. Переговоры со мной велъ младшій маркизъ и первый вопросъ его былъ:

— Вы свѣдущій человѣкъ по заводскому дѣлу?

— Не очень, я служилъ еще немного,—отвѣтилъ я.

— Умѣете ли вы вести казенныя книги?

— Нѣтъ...

— Занимались ли вы заводскимъ счетоводствомъ?

— Тоже не много, хорошо не изучилъ его.

Маркизъ, порядочно подумавъ, проговорилъ:

— Да... Ну это все ничего. Мы возьмемъ васъ: чего не знаете, я укажу. Обязанность ваша будетъ принять изъ завода спиртъ, приготовлять вино и отпускать его, а потомъ смотрѣть за подвалами. Счетоводства вамъ вести никакого не придется, это я дѣлаю самъ. Вся ваша отчетность будетъ заключаться въ

томъ, что ежедневно вы должны подавать краткій листокъ о приходѣ и расходѣ вина и спирта и болѣе ничего.

Окончивши съ маркизомъ переговоры, я зашелъ въ контору имѣнія, гдѣ встрѣтилъ меня управляющій маркизовъ Михаилъ Кирилловичъ Черпаковъ, человѣкъ уже пожилой, изъ бывшихъ дворовыхъ людей маркизовъ. Бритое лицо Черпакова все было исписано такими выраженіями, которыя ясно говорили, что у этого человѣка все искреннее скрыто гдѣ-то глубоко.

— Покончили-съ? Поступаете къ намъ? — спросилъ меня Черпаковъ.

— Да, покончилъ. Къ первому числу пріѣду на заводъ.

— Это пріятно-съ! Это хорошо-съ! Маркизы наши люди прекраснѣйшіе, при этомъ вліятельнѣйшія особы! Служить вамъ у насъ будетъ хорошо, спокойно. У насъ на заводѣ тишина и благодать, не такъ какъ на другихъ заводахъ, гдѣ творятся разныя беззаконія. У насъ заводъ образцовый, первостепенный можно сказать заводъ. Устроенъ нашъ заводъ такъ, что безаконій этихъ дѣлать нельзя-съ!

— Это устройство очень удивительное!—проговорилъ я.

— Именно, сударь, удивительное! Вѣрно изволили сказать! Ну опять же и маркизы, чтобы допустить такую неисправность — Боже сохрани!.. Поэтому-то у насъ на заводѣ и надсмотрщика не положено имѣть. Казна довѣряетъ намъ! Довѣріе отъ правительства намъ большое-съ.

— Все это очень пріятно.

— Именно, сударь, пріятно! Служба ваша у насъ тоже будетъ пріятная-съ! Тишина, спокойствіе и благодать!

Поговоривши съ этимъ, какъ я узналъ, преданнымъ маркизамъ лицомъ, я подумалъ, что это что-то похоже на дополненіе того предостереженія, которое я получилъ при отправкѣ къ маркизамъ. Что-то придется мнѣ встрѣтить на этомъ новомъ мѣстѣ? Судя по началу, можно было предположить, что на заводѣ у маркизовъ водятся какія-то исключительныя положенія. Довѣріе отъ правительства? Неположено надсмотр-

щика?.. Устройство такое, что нельзя дѣлать беззаконій!? Всѣ эти явленія совершенно необычныя въ заводскомъ мірѣ.

Къ первому числу осенняго мѣсяца я пріѣхалъ на заводъ маркизовъ. Устройство завода какъ внутреннее, такъ и наружное дѣйствительно оказалось хорошее. Маркизы, какъ видно, не пожалѣли денегъ на постройку. Хотя не видно было тѣхъ особенностей, которыя могли бы предупреждать злоупотребленія! Для торговли заводъ стоялъ тоже въ хорошихъ условіяхъ. Недалеко отъ завода находилось большое торговое мѣсто, которое много покупало вина. Въ сосѣдствѣ заводовъ было совсѣмъ мало, такъ что въ отношеніи конкуренціи онъ стоялъ въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Заводъ построенъ былъ далеко отъ усадьбы среди прекраснаго мѣстоположенія. Предъ нимъ тянулся далеко широкій луговой просторъ съ большой рѣкой и съ заросшими камышомъ озерами. За рѣкой по высокому бугру виднѣлось нѣсколько селеній съ большими господскими усадьбами. Рядомъ съ заводомъ по бугру раскинулся сосновый боръ съ красивыми крутыми обрывами. Селеній вблизи не было, и при заводѣ была полная тишина, изрѣдка нарушаемая только пріѣздомъ покупателей за виномъ. Служащихъ на заводѣ было очень мало. Винокуръ-нѣмецъ, плохо говорившій по-русски, приказчикъ Максимъ Максимовъ,—суровый нелюдимый человѣкъ, завѣдующій хлѣбными амбарами, да я,—завѣдующій подвалами. Рабочихъ было тоже очень немного—человѣка два-три, не больше. Служба на такомъ заводѣ дѣйствительно, какъ говорилъ Черпаковъ, была бы покой и благодать, если бы этого покоя не отравлялъ самъ же Черпаковъ своими ежедневными наѣздами. Удивительное свойство было у этого человѣка вносить непріятность въ людскую жизнь. Всегда послѣ своего появленія, послѣ однообразнаго отвратительнаго разговора о вліятельнѣйшихъ маркизахъ, онъ оставлялъ насъ надолго возмущенными его явнымъ притворствомъ и его ложью. Послѣ его отъѣзда подвальный бондарь, суровый, правдивый старикъ, часто говорилъ:

— Все вынюхиваетъ что-то Личарда Маркизовская!.. Охъ и

Личарда темная!.. Наша заводская Личарда хоть молчитъ постоянно, а эта все въ душу заглядываетъ зачѣмъ-то?..

Заводскимъ Личардой для бондаря былъ нелюдимый Максимъ Максимовъ.

Началось винокуреніе и въ заводѣ появилось нѣкоторое оживленіе. Явилось у насъ даже новое лицо, нѣкто Николай Ниловичъ Тембровъ, молодой человѣкъ изъ сбившихся съ пути, котораго маркизы взяли по просьбѣ родителей пріучить къ какому-нибудь дѣлу. Тембровъ былъ очень неглупый малый изъ хорошей семьи, получилъ хорошее домашнее воспитаніе, зналъ хорошо языки, за что болѣе и взятъ былъ, чтобы помогать Карлу Карловичу въ русскомъ языкѣ. Родители Темброва разсчитывали, не исправится ли онъ въ нашей глуши. Мнѣ было строго заказано не давать Темброву вина, зачѣмъ поручено было наблюдать Черпакову. Первое время Тембровъ часто напивался, ходилъ самъ за виномъ въ ближайшій кабакъ, а иногда и я втихомолку давалъ ему вина. Трудно было удержаться при его просьбахъ. Онъ въ этихъ случаяхъ всегда обѣщалъ и божился, что перестанетъ пить. Надъ нимъ петрезвымъ Черпаковъ позволялъ себѣ дѣлать очень скверныя издѣвательства, такъ что становилось больно за него, а тѣмъ болѣе, что мы съ первыхъ дней хорошо сошлись, и онъ трезвый часто вечеромъ заходилъ ко мнѣ посидѣть и поговорить. Въ одно время на просьбу дать вина, я сказалъ Темброву:

— Не перестать ли вамъ, Николай Ниловичъ, пить, хоть ради того, чтобы не унижать себя передъ Черпаковымъ?

Тембровъ сильно поблѣднѣлъ: такъ непріятно ему было то, что я замѣчаю его униженіе передъ такой личностью. Онъ примолкъ и потомъ тихо проговорилъ:

— Правда ваша. Я очень скверно дѣлаю. Мать мнѣ тоже писала, что маркизы поручили Черпакову слѣдить за мной, а эта гадина злорадствуетъ у нихъ на глазахъ надъ моей слабостью.

Тембровъ задумавшись посидѣлъ немного и ушелъ, не взявши вина. Съ этого дня онъ повелъ себя много лучше и пить по-

чти совсѣмъ пересталъ. Сталъ постоянно находиться съ винокуромъ въ заводѣ, началъ присматриваться къ работамъ и интересоваться дѣломъ.

Прошло уже много времени съ того вечера, а Темброва никто ни разу не замѣчалъ даже выпивши, такъ что Черпаковъ въ одинъ свой пріѣздъ о немъ выразился такъ:

— А барчукъ-то нашъ, кажется, въ настоящую линію приходитъ!.. Много, много благодѣяній дѣлаютъ наши маркизы!..

Было ли въ этомъ благодѣяніе маркизовъ — не знаю, но Тембровъ дѣйствительно приходилъ все болѣе *въ линію*, и это становилось уже для всѣхъ замѣтно. Онъ совсѣмъ перемѣнился и началъ все болѣе и болѣе втягиваться въ дѣло. Часто сталъ участвовать со мной на пріемѣ спирта, подсчитывалъ его итоги для Карла Карловича, чѣмъ тотъ былъ очень доволенъ, очень спѣшилъ все узнать, какъ бы наверстывалъ потерянное время. Въ послѣднее время бывалъ у меня рѣдко, но зато долго засиживался въ разговорахъ объ заводскихъ дѣлахъ, ему все хотѣлось подробно узнать какъ работаютъ на другихъ заводахъ; онъ очень интересовался заводскими злоупотребленіями, спрашивалъ постоянно, есть ли у насъ на заводѣ темныя дѣла, и собирался все подробно узнать объ этомъ. Затѣмъ всегда добавлялъ, что судя по тому, какъ маркизы скрываютъ свое счетоводство, и по тому, какъ ведетъ себя ихъ приближенный сыщикъ Черпаковъ, темныя дѣла у насъ, должно быть, водятся. Къ Черпакову ненависть его все болѣе и болѣе усиливалась, за него онъ и маркизовъ считалъ нехорошими людьми. А съ нѣкотораго времени онъ какъ будто заручился какими-то свѣдѣніями о нашихъ дѣлахъ, и часто началъ такъ говорить про маркизовъ:

— Это—скверные люди! Увѣряю васъ! Вотъ скоро убѣдитесь въ этомъ. Видно было, что Тембровъ собирается что-то сдѣлать. Я сталъ съ интересомъ ждать, что далѣе будетъ.

ГЛАВА IX.

Давно уже, еще вначалѣ винокуренія, я по выходамъ спирта замѣтилъ, что на нашемъ удивительно устроенномъ заводѣ, на которомъ нельзя дѣлать беззаконій, какъ говорилъ Черпаковъ, дѣлишки очень нечисты. Наши вліятельные маркизы, какъ видно было, не упускали случая воспользоваться довѣріемъ акцизнаго надзора и дѣятельно занимались безъакцизнымъ доходомъ. Но при этомъ, должно быть, ихъ мучила забота, чтобы про эти дѣла не узнали не преданныя имъ лица. Я былъ изъ числа не преданныхъ, а поэтому не только никогда не говорилъ про это, но старался показать, что даже не догадываюсь о темныхъ дѣлахъ.

Интересно было видѣть, когда Черпаковъ пускался на развѣдки моихъ мнѣній объ этихъ дѣлахъ. Онъ наводилъ часто неумѣлые разговоры на тему беззаконій, а при этомъ все натуживался понять, понимаю ли я, что дѣлается на удивительномъ заводѣ и не проговорюсь ли въ чемъ-нибудь. Но всегда въ этихъ дипломатическихъ подходахъ ему ничего не удавалось; я или отмалчивался, показывая этимъ, что ничего не понимаю въ беззаконіяхъ, или начиналъ усердно заниматься какимъ-либо дѣломъ. Не знаю, какіе дѣлалъ выводы Черпаковъ изъ моихъ пріемовъ, но что его смущали эти пріемы, — въ этомъ не было сомнѣній. Послѣднее время онъ все чаще и чаще началъ заговаривать о беззаконіяхъ въ надеждѣ, что не придется ли чего провѣдать.

Нашъ участковый помощникъ надзирателя велъ себя по отношенію къ дѣламъ завода такъ, что можно было предполо-

жить, что онъ или знаетъ подробно всѣ дѣла, или находится подъ вліяніемъ того довѣрія, которое полагалось маркизскому заводу. Пріѣдетъ, бывало, къ намъ совсѣмъ не слышно, пройдетъ мелкомъ незамѣтно по заводу, иногда зайдетъ въ подвалъ, а затѣмъ отправлялся въ усадьбу къ маркизамъ, и мы его уже болѣе не видали до слѣдующаго пріѣзда. Ревизій въ подвалахъ онъ никогда не дѣлалъ, съ какими-либо вопросами къ винокуру или ко мнѣ никогда тоже не обращался.

Такъ прошло уже болѣе половины винокуренія при тишинѣ и спокойствіи до слѣдующаго случая: какъ-то въ первыхъ числахъ февраля поздно вечеромъ явился ко мнѣ взволнованный Тембровъ и проговорилъ:

— Маркизы наши мало того, что скверные люди, они еще—мошенники! Слышите! мошенники, обворовывающіе казну!..

— Что случилось?—спросилъ я въ удивленіи.

— Случилось вотъ что, слушайте! Карлъ Карловичъ нашъ ежедневно съ нѣмецкою аккуратностью дѣлаетъ записи въ своемъ винокуренномъ журналѣ. Въ одно время онъ, какъ-то бывши въ веселомъ настроеніи, сказалъ мнѣ, что маркизъ этого журнала не знаетъ и очень не захочетъ его, потому что маркизъ любитъ *работать* деньги. Я ничего не сказалъ на это, какъ будто не понимаю, въ чемъ дѣло, но зато сообщеніе сильно запало мнѣ въ голову. Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, все развѣдать, и вотъ сегодня совсѣмъ неожиданно это развѣдалось само собой. Когда я уѣзжалъ утромъ въ городъ, то мнѣ поручили передать въ акцизное управленіе копіи съ казенныхъ книгъ; я, разсмотрѣвши ихъ, записалъ итогъ поступленія спирта за январь, который пріѣхавши сравнилъ съ журналомъ Карла Карловича, и оказалось, что вліятельнѣйшіе наши маркизы стянули за январь мѣсяцъ 62.000% безъ акциза, т.-е. просто украли у казны въ одинъ только мѣсяцъ болѣе четырехъ тысячъ рублей!.. Хороши вліятельные-то наши, а?

— Я вѣдь разсказывалъ вамъ, что это дѣлается почти на

всѣхъ заводахъ. Что же удивительнаго-то: бросить всю эту исторію надо!..

— Бросить!?..—сурово спросилъ Тембровъ,—это мошенничество-то маркизовъ бросить?! Да съ чего же вы это взяли? Позвольте васъ прежде спросить, для чего это мошенничество они дѣлаютъ? Что имъ не достаетъ и что имъ нужно? Денежнаго состоянія? У нихъ есть оно большое!... Имѣнія?... У нихъ есть цѣлыхъ пять тысячъ десятинъ! Почета, титуловъ? У нихъ этого много! И за всѣмъ этимъ—у нихъ почти никакой семьи!.. Что же имъ нужно?.. Наживать крупные капиталы желаютъ что ль? Если такъ, то пусть же они наживаютъ какъ всѣ другіе! Пусть ставятъ наконъ свою дряненькую маркизскую честь! Пусть прямо безъ титулованнаго чванства смотрятъ на всѣхъ и сознаютъ, что я, вы и всѣ другіе люди знаютъ, что они—казнокрады! Пусть они поносятъ повиднѣй, почувствительнѣй этотъ титулъ! Пусть всѣ порядочные люди знаютъ, что эти вліятельнѣйшіе маркизы, которымъ безконтрольно довѣрено производство завода, умѣютъ обкрадывать казну такъ же, какъ и всякій кабатчикъ. Вотъ что нужно, а не бросить!

— Неужели вы хотите устроить скандалъ?

— Никакого скандала устраивать не буду, а спѣсь сбить съ маркизовъ надо!..

Съ тѣмъ и ушелъ отъ меня Тембровъ. Послѣ этого онъ еще усерднѣй сталъ заниматься дѣломъ въ заводѣ и ходить ко мнѣ совсѣмъ пересталъ. Я часто думалъ: «что же такое собирается сдѣлать Тембровъ?» Сдѣлаетъ доносъ? но на это онъ неспособенъ, да и вышло бы болѣе глупо, чѣмъ дѣльно, потому что маркизы отвертѣлись бы. Что же онъ задумалъ? Какъ же это онъ собьетъ маркизскую спѣсь? Просто выходила какая-то интересная загадка, которая, впрочемъ, скоро разъяснилась.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, по остановкѣ завода, явился ко мнѣ Тембровъ и проговорилъ:

— Зашелъ проститься. До свиданія! Я уѣзжаю домой! Но

надѣюсь еще скоро увидѣться съ вами, еще побываю у васъ!

Смотря на суровую фигуру Темброва, я рѣшилъ, что онъ еще не кончилъ задуманнаго, и загадка становилась еще интереснѣй.

На другой день вечеромъ, послѣ отъѣзда Темброва, у насъ въ квартирѣ винокура произошло что-то необыкновенное. Пріѣхалъ къ винокуру взволнованный и озлобленный младшій маркизъ, и затѣмъ съ Карломъ Карловичемъ у него на нѣмецкомъ языкѣ произошла цѣлая буря. На другой день послѣ этой бури Черпаковъ два раза являлся ко мнѣ въ подвалъ и долго, молча, съ подозрѣніемъ все посматривалъ на меня. Замѣтно было, что Тембровъ что-то сдѣлалъ. Потомъ Черпаковъ куда-то скрылся и пересталъ бывать на заводѣ. Прошло послѣ этого происшествія уже недѣли двѣ, какъ въ одинъ вечеръ явился ко мнѣ Тембровъ.

— Ждали?—обратился онъ ко мнѣ.

— Ждалъ!—отвѣтилъ я.

— Ну вотъ обѣщался и являюсь кое-что разсказать. И онъ передалъ мнѣ слѣдующее:

— Когда я уѣхалъ изъ завода, то захватилъ съ собой журналъ Карла Карловича. На другой день я отправилъ маркизамъ письмо, гдѣ писалъ, что «журналъ винокура находится у меня, взялъ его я для того, чтобы убѣдиться, что дѣйствительно на вашемъ заводѣ производилось казнокрадство. Если по этому поводу вы вздумаете разстроить отца или мать, то журналъ немедленно будетъ представленъ въ надлежащее мѣсто. Если пожелаете узнать, что я хочу съ журналомъ сдѣлать, то пришлите Черпакова—я ему передамъ объ этомъ...»

На другой день послѣ этого письма явился Черпаковъ—и вы посмотрѣли бы на эту гадину, когда я ему сказалъ: «вы явились, Черпаковъ, узнать какъ я поступилъ съ журналомъ, доказывающимъ казнокрадство вашихъ вліятельнѣйшихъ маркизовъ?»—Молчитъ и извивается какъ змѣя, захваченная въ тиски... «Передайте, что журналъ я буду держать до тѣхъ поръ, пока соскочитъ съ вашихъ маркизовъ глупая титулованная спѣсь! Поняли?»—Черпаковъ все молчитъ. При этомъ вдругъ вспомнились мнѣ всѣ перенесенныя мною издѣвательства этого человѣка и пережитыя мученія, и въ злости, не могъ я удержаться и плюнулъ Черпакову въ рожу... Вотъ все, что пока сдѣлалъ, а что будетъ дальше — не знаю. Вамъ за знакомство со мной тоже благодарности не будетъ. До свиданія!—и Тембровъ уѣхалъ.

Послѣ пріѣзда ко мнѣ Темброва Черпаковъ опять началъ ѣздить ко мнѣ въ подвалъ и просиживать подолгу молча, все ожидая, что я что-нибудь заговорю о происшедшемъ дѣлѣ. Я все время молчалъ, и Черпаковъ, наконецъ, не выдержалъ—спросилъ:

— У васъ *были* въ гостяхъ господинъ Тембровъ?

— Да, былъ,—отвѣтилъ я.

— Такъ-съ!.. Что же они теперь подумываютъ дѣлать? Новенькаго ничего не сообщали?

— Сообщалъ,—отвѣтилъ я рѣзко.

Черпакова мой отвѣтъ передернулъ.

— Что же они изволили сообщить?

— Изволили сообщить, что на заводѣ, о которомъ вы говорили, что на немъ нельзя дѣлать беззаконій,—эти беззакоиія дѣлались! Поняли?.. Изволили сообщить и о томъ, какъ онъ проводилъ васъ!

Въ это время Черпаковъ дѣйствительно походилъ на гадину. Онъ немедленно скрылся.

Я сталъ ожидать послѣдствій этой своей горячности, но прошло двѣ недѣли, а новаго ничего не было. Маркизъ не показывалъ и вида о происшедшемъ. Черпаковъ же совсѣмъ не показывался. Наконецъ, въ одинъ мой приходъ съ ежедневнымъ листомъ, младшій маркизъ заявилъ мнѣ:

— Я все забываю сказать вамъ, что вы оскорбили Михаила Кириловича. Вы, г. Березинъ, очень безпокойный человѣкъ,—поэтому не лучше ли намъ разойтись!

— Я думаю, что лучше будетъ, г. маркизъ,—заявилъ я.

— По принятому у насъ правилу—награждать всѣхъ служившихъ у насъ—вы тоже получите награду.

— Благодарю васъ!

На другой день, когда я уѣзжалъ изъ завода, Черпаковъ, стоявшій у подвала, съ веселой и довольной физіономіей, широко размахнулъ своимъ картузомъ и проговорилъ:

— До свиданья-съ! Не поминайте насъ лихомъ!

Такъ закончилась моя служба на заводѣ вліятельныхъ маркизовъ Жанполь.

Прошло послѣ всего пережитаго уже много лѣтъ, какъ я встрѣтилъ Николая Нилыча Темброва въ должности помощника надзирателя. Онъ передалъ, что отецъ уговорилъ его возвратить журналъ маркизамъ потому, что ихъ маркизская спѣсь куда-то глубоко спряталась, и они стали походить не на исключительныхъ людей.—Я своего добился! — добавилъ при прощаніи Тембровъ.

ГЛАВА X.

Послѣ маркизовъ я поступилъ на большой заводъ завѣдывать подвалами. Въ этой должности мнѣ назначался помощникъ, поэтому я дѣлался уже въ нѣкоторомъ родѣ штатнымъ лицомъ большой заводской администраціи. Заводъ этотъ былъ еще совсѣмъ новый и выстроенный наскоро ради того, чтобы только не отстать отъ сосѣдей землевладѣльцевъ, которые въ то время въ большинствѣ бросались безъ всякой нужды строить заводы. Заводъ этотъ, въ смыслѣ полезнаго предпріятія, представлялъ собой предметъ совершенно негодный. Строила его нѣкто Филицата Лукинична Тормозова, дѣловая барыня, какой она сама себя считала; впрочемъ, такой считали ее и сосѣди, такіе же дѣльцы, какъ и она. Эти сосѣди называли ее даже не иначе, какъ инженеромъ въ юбкѣ. Заводъ выстроенъ ею былъ очень быстро: задумала Филицата Лукинична его строить въ мартѣ, постройку начала въ маѣ,—а въ октябрѣ заводъ уже работалъ. По техническому достоинству заводъ представлялъ собой полнѣйшее безобразіе. Укажу хоть на одно изъ этихъ безобразій—топлива на немъ сжигалось въ пять-шесть разъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. До удивленія безполезно уничтожалось это топливо въ слѣдующихъ пріемахъ: стоитъ, наприм., на своемъ посту аппаратчикъ и съ директорской физіономіей наблюдаетъ за льющейся струей спирта; если замѣчаетъ онъ, что струя усиливается, то командуетъ дежурному, сидящему на паровикѣ у парового крана: «Убавь пару!» Тотъ немедленно выпускаетъ лишній паръ *на воздухъ*!.. За этимъ дѣйствіемъ вскорѣ слѣдуетъ уменьшеніе льющейся струи спир-

та болѣе чѣмъ надо, тогда аппаратчикъ снова командуетъ:— «прибавь пару!» За второй командой немедленно раздается еще команда отъ дежурнаго на поровикѣ къ кочегару: «Шуруй!» что означаетъ—усиливай топку. Проходитъ полчаса и много если часъ. Отъ аппаратчика слѣдуетъ новая команда: «убавь пару!» И паръ, сильно увеличивающійся отъ несоразмѣрныхъ работъ кочегара, снова выпускается на бѣлый свѣтъ. При такихъ техническихъ дѣйствіяхъ по самому снисходительному учету оказывалось, что пара расходовалось на согрѣваніе бѣлаго свѣта minimum 50—60% и только 40—50% поступало на полезное дѣйствіе.

Заводскую администрацію Филицата Лукинична на своемъ новомъ заводѣ поставила изъ своихъ приближенныхъ людей. Управляющій заводомъ былъ бывшій старый буфетчикъ, подвальнымъ—бывшій поваръ, конторщикомъ—бывшій камердинеръ стараго барина, а винокуръ—тоже изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей. Пустивши заводъ и проработавши годъ, Филицата Лукинична взяла отъ производства большой убытокъ, несмотря на то, что время было общей заводской наживы. Впрочемъ, необходимо сказать, что хищеній на заводѣ у Филицаты Лукиничны не было, она и не прочь бы была отъ наживы, но люди, завѣдывавшіе заводомъ, были совсѣмъ незнакомы съ этой дѣятельностью. На второй годъ производства заводъ уже далъ такой убытокъ, что пришлось заложить третье имѣніе, а затѣмъ призадуматься и принять какія-либо мѣры противъ наступавшаго полнаго разоренія. На семейномъ совѣтѣ по этому поводу рѣшено было приступить на заводѣ къ *настоящему дѣлу*. Сынъ Филицаты Лукиничны, молодой человѣкъ, это новое настоящее дѣло взялъ подъ свое управленіе. Для этого онъ прежде всего нашелъ какого-то полутехника и сдѣлалъ его управляющимъ завода. Эта техническая личность назначалась на показъ акцизному надзору, чтобы тотъ видѣлъ, что дѣлами руководитъ не какой-нибудь буфетчикъ, а слѣдовательно, и дѣло должно давать другіе результаты. Винокуромъ былъ взятъ Борухъ Цабель, тоже изъ видныхъ заводскихъ дѣльцовъ, руководившій прежде винокуреніемъ на двухъ-трехъ заводахъ. Остальную старую администрацію замѣнили также всю новой, кромѣ одного конторщика. Къ дѣлу молодое управленіе готовилось основательно. Я для того, чтобы получить мѣсто на этомъ заводѣ, долженъ былъ доставить солидныя рекомендаціи о моей благонадежности при *извѣстномъ дѣлѣ*. Надсмотрщикъ поступилъ для дѣла очень подходящій. Управляющій и винокуръ покончили договоръ съ нимъ скоро, такъ что къ моему пріѣзду все было устроено, все подготовлено и собирались уже приступать къ самому дѣйствію.

Вечеромъ въ первыхъ числахъ сентября я подъѣхалъ къ большой усадьбѣ моего новаго этого хозяина. Проѣхавши гумно, ригу, хорошій старый садъ и усадебныя постройки, мнѣ открылась, наконецъ, мѣстность противоположной стороны, а завода все не было видно; оказалось потомъ, что онъ находится въ глубочайшей низинѣ, у маленькой грязной рѣченки. Съ самаго края бугра я только могъ увидать заводъ и окружающія его разбросанныя въ безпорядкѣ неприглядныя постройки. У самаго завода была непролазная грязь, а кругомъ его разбросаны были разные предметы заводскаго хозяйства. При взглядѣ на всю окружающую обстановку первое впечатлѣніе получалось очень тоскливое, угнетающее. Въ эту область моего будущаго труда я вступалъ съ безпокойною мыслью о томъ, что сюда попалъ я уже затѣмъ, чтобы дѣлать *настоящее* заводское дѣло! Я хотя близко и не испыталъ этого настоящаго дѣла, но чувствовалъ, что впереди ждетъ меня нелегкая служба, да еще при этомъ и личная отвѣтственность. Когда я зашелъ въ заводскую контору, то засталъ тамъ одного только конторщика, который на мое представленіе очень любезно заявилъ:

— Давно, давно ждемъ! Пожалуйте! Квартирку вамъ давно привели въ должный порядокъ! Помѣстимъ мы васъ съ господиномъ надсмотрщикомъ, такимъ же молодымъ человѣкомъ, какъ и вы, для того, чтобы веселѣй жилось въ глуши у насъ!.. Пришелъ въ контору и надсмотрщикъ. Это былъ молодой че-

ловѣкъ съ бѣлой растительностью на бородѣ и головѣ, одѣтый въ рабочую блузу и въ длинные сапоги. Лицо было веселое, хорошее и обѣщало недурного товарища. Онъ быстро вошелъ, остановился среди конторы въ позѣ—руки по швамъ—и проговорилъ:

— Имѣю честь представиться! Главный здѣшній представитель соблазнительнаго акциза!—При этомъ онъ моргнулъ глазомъ въ сторону конторщика. Сожитель вашъ по квартирѣ Степанъ Семеновъ Кубринъ! Пріѣзда вашего давно ждали, поэтому все подготовлено пойдемте, я водворю васъ въ готовое мѣсто жительства.

Разобравшись и устроившись въ квартирѣ, мы съ надсмотрщикомъ потомъ долго бесѣдовали за самоваромъ какъ старые знакомые. Поразспросили другъ друга о прошломъ, а потомъ надсмотрщикъ началъ знакомить меня съ мѣстными людьми и дѣломъ.

— Прежде всего о себѣ,—проговорилъ Кубринъ.—Я человѣкъ съ нѣкоторымъ желаніемъ нажить капиталы, хотя и трудно это сдѣлать при моемъ мотовствѣ, но все же, думаю, попробовать надо. Случай для этого явился подходящій, другого, пожалуй, еще и не встрѣтится, поэтому упускать не приходится. Можетъ быть, что-нибудь и хорошее выйдетъ!.. Вотъ все я про себя и сказалъ. О молодомъ вашемъ хозяинѣ-директорѣ Мотинькѣ (Матвѣй Матвѣевичѣ) тоже говорить много не придется; это просто милашка съ тремя заботами: первая—карты, вторая—лошади и третья забота—цыганки! Мамаша его, владѣлица завода, можно сказать, что дама во всѣхъ отношеніяхъ почти съ кривыми понятіями, а въ дѣлахъ завода въ особенности. Папа его—преоригинальнѣйшая личность, о которой, пожалуй, придется кое-что сказать подробнѣй. Представьте, человѣкъ съ образованіемъ, но въ отношеніяхъ съ людьми одинъ изъ самыхъ грубыхъ крѣпостниковъ! Во всю свою барскую жизнь онъ плоды образованія примѣнялъ только исключительно въ амурныхъ дѣлахъ, о которыхъ существуютъ цѣлые разсказы. Затѣмъ послѣ отмѣны крѣпостничества онъ вдругъ сдѣлалъ крутой поворотъ, бросился въ ханжество и те-

перь считаетъ себя религіознѣйшимъ человѣкомъ. Но скорѣй всего можно считать, что онъ человѣкъ съ мозгами набекрень, иначе нечѣмъ объяснить его дикія выходки. Наприм., онъ продѣлываетъ такія штуки: въ среду и пятницу всегда строго постился, но въ эти дни кое-какъ перебивается разными закусками до ужина, который подается сейчасъ же послѣ двѣнадцати часовъ ночи обильный и скоромный въ виду того, что наступилъ четвергъ или суббота! Вотъ вамъ весь Матвѣй Павловичъ Тормазовъ!.. Больше о немъ говорить уже нечего. Теперь наша администрація: управляющій Шлюпкинъ это—техникъ, химикъ и ботаникъ! Главное же онъ преудивительный враль! Но это его спеціальное вранье будетъ полезно для нашего дѣла. Мотинька отъ него въ восторгѣ, да и чиновники тоже говорятъ, что такой свѣдущій человѣкъ долженъ хорошо повести дѣло, а намъ такого мнѣнія отъ акцизнаго надзора только и нужно. Винокуръ—опытнѣйшій жидъ, а въ этомъ заключается всего много! Остальные всѣ служащіе можно сказать ребята надежные. Акцизный надзоръ не хорошъ и не плохъ. Помощникъ изъ военныхъ врачей, съ дѣломъ знакомъ слабо, но усердно занимается имъ. Надзиратель изъ нѣмцевъ, дѣловой человѣкъ, и о какихъ-либо его сближеніяхъ съ заводчиками неслышно, хотя въ карты играть съ Мотинькой и съ другими заводчиками не отказывается. Вотъ все, а дальнѣйшія подробности поживете—узнаете. Добавлю еще пожалуй о нѣкоторомъ такъ сказать своемъ внутреннемъ состояніи: тамъ гдѣ-то нѣтъ-нѣтъ да и запоетъ тревожаая нота вопроса: «пройдетъ или не пройдетъ? удастся или не удастся?.. Я думаю, это происходитъ отъ неопытности. Навѣрно, и у васъ тоже бываетъ? Вѣдь и вы новичокъ у настоящаго дѣла?

— Да, новичокъ, и вопросы такіе тоже бываютъ!

— Ну вотъ я такъ и думалъ! Но давайте лучше объ этомъ не говорить, потому что опытнѣй отъ этого разговора едва ли будемъ? Пойдемте, пора! И мы разошлись на отдыхъ.

ГЛАВА XI.

Проживши нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ, я познакомился со всѣми служащими, а также подробно узналъ состояніе заводскаго дѣла и будущую программу, по которой это дѣло должно было направляться. Главная задача была въ томъ, чтобы ежедневно получать не менѣе ста ведеръ безъакцизнаго вина, а затѣмъ заботиться объ увеличеніи этого количества, о хорошемъ сбытѣ и безопасномъ размѣщеніи его. Для размѣщенія безъакцизнаго у насъ кромѣ мѣстной заводской продажи имѣлись три склада: два въ селахъ и одинъ въ городѣ. Затѣмъ имѣлось въ виду при надобности открыть нѣсколько кабаковъ на имя вѣрныхъ людей, такъ какъ въ этой мѣстности не принято было заводоуправленіямъ заниматься кабацкимъ дѣломъ, а, слѣдовательно, если были бы открыты кабаки отъ завода, то могли бы возбудить нѣкоторое подозрѣніе акцизнаго надзора. Акцизъ былъ уже около трехъ рублей на ведро, поэтому заработокъ имѣлся въ виду солидный.

Вознагражденіе служащимъ сверхъ оклада жалованія назначалось за каждое безъакцизное ведро слѣдующее: управляющему и винокуру по 15 коп., подвальному—10 коп., на контору и разныхъ служащихъ мелкаго ранга—10 коп. Надсмотрщику же полагалось болѣе всѣхъ, какъ лицу разрѣшающему, ему платилось 20 к. за ведро, такъ что нашъ Кубринъ разсчитывалъ получать не менѣе 600 рублей въ мѣсяцъ сверхъ казеннаго пятнадцатирублеваго жалованья. По обязанности содѣйствія дѣлу на Мотиньку, какъ на директора, возлагалась обязанность заниматься исключительно акцизнымъ надзоромъ.

Онъ долженъ былъ принимать чиновниковъ, угощать ихъ, развлекать, играть въ карты и пр. Кромѣ этого онъ нанялъ квартиру въ городѣ, чтобы быть поближе къ округу, съ которымъ долженъ стать въ наивозможно тѣсныя отношенія ко всему управленію, до послѣдняго писца, чтобы знать всегда не только что дѣлается, но и то что предполагалось бы дѣлать. Управляющій, винокуръ и подвальный должны были работать болѣе при заводѣ. Затѣмъ у насъ еще существовали особыя спеціальныя должности; это были проводники и смотрители. Обязанность проводниковъ была сопровождать называвшіеся у насъ *летучіе* транспорты со спиртомъ. Обыкновенные транспорты сопровождалъ только бондарь, транспорты же сопровождаемые спеціально проводникомъ были исключительные необыкновенные, они по прибытіи въ складъ немедленно исчезали, несмотря на то, что отправлялись по законнымъ провознымъ свидѣтельствамъ. Эти летучіе транспорты отправлялись всегда въ такое время, чтобы не могли дорогой встрѣтиться съ акцизнымъ надзоромъ, лица котораго иногда при встрѣчѣ съ транспортомъ просматривали провозныя свидѣтельства, а это совсѣмъ не подходило къ расчету завода, отправлявшаго летучій транспортъ, такъ какъ вся задача состояла въ томъ, чтобы по одному законному провозному свидѣтельству выпустить изъ завода двойное количество спирта, какое въ немъ значилось. Если же летучій транспортъ по пути попадался акцизному надзору, то онъ превращался изъ летучаго въ законной, такъ какъ повтореніе отпуска сдѣлать уже не удавалось въ виду могущей быть случайности, ведущей къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Продѣлывалась отправка этихъ транспортовъ такимъ порядкомъ: нужно, напр., заводу выпустить извѣстное количество вина или спирта безъ записи его въ казенную книгу для того, чтобы въ подвалахъ имѣть свободное мѣсто, на которое долженъ будетъ поступить безъакцизный спиртъ изъ завода, то заводъ отправляетъ эстафетнымъ путемъ въ складъ проводника, чтобы узнать, на какое количество приготовлено тамъ мѣсто, т.-е. сколько тамъ продано вина и не записано въ расходъ по казенной книгѣ. Про-

водникъ привозитъ словесное свѣдѣніе, переписки въ этихъ дѣлахъ избѣгали въ виду обличительности письменнаго факта, что мѣсто въ складѣ есть предположимъ хоть на 300 ведеръ. Заводъ немедленно приготовляетъ такое количество и отправляетъ его въ складъ съ спеціальнымъ проводникомъ и законнымъ провознымъ свидѣтельствомъ. Въ этихъ случаяхъ часто, или почти всегда, какъ будто по недосмотру, не проставлялось въ свидѣтельствѣ числа отправленія въ виду того, чтобы при отправкѣ второго транспорта въ немъ поставить тогда уже текущее число. Летучіе такіе транспорты доставлялись быстро. Первую станцію везли спиртъ или вино хорошія заводскія лошади, а вторую уже другія, перемѣнныя. При удачномъ прибытіи въ складъ такой транспортъ исчезалъ, т.-е. пополнялъ собой оставленное мѣсто. Провозное же свидѣтельство, по которому онъ прибылъ, быстро доставлялось обратно въ заводъ, гдѣ уже стоялъ стотовленный второй конія-транспортъ, который по возвращенному свидѣтельству немедленно отправлялся уже въ сопровожденіи бондаря, какъ транспортъ не летучій, а законный. Важная задача проводника состояла въ обратной доставкѣ въ заводъ привознаго свидѣтельства. Это дѣлать нужно было и аккуратно и быстро; при этомъ не разбиралось ни время, ни погода. Часто онъ скакалъ верхомъ въ непогожую осеннюю ночь, или несся на одиночкѣ въ маленькихъ санкахъ въ снѣжную бурю. Въ этихъ случаяхъ мѣнять лошадей и дѣлать большіе расходы проводникамъ не воспрещалось; только бы было сдѣлано дѣло. Какъ только проводникъ передавалъ въ заводъ привезенное свидѣтельство, то удалялся на полный покой и никто его не безпокоилъ до слѣдующаго такого же случая. Вотъ въ чемъ состояла обязанность проводника. Обязанности спеціальныхъ смотрителей состояли въ наблюденіи за безопасностью *важной минуты*. Они находились на дежурствѣ, когда перевозился изъ завода въ подвалъ безъакцизный спиртъ и когда носили въ заводъ, въ заторъ лишній хлѣбный припасъ. Надсмотрщикъ Кубринъ звалъ нашихъ смотрителей сторожевыми гусями, спасающими если не города, то все же *дѣловыхъ*

людей. Передача безъакцизнаго спирта изъ завода въ подвалъ производилась слѣдующимъ порядкомъ. Спиртъ ежедневно измѣряемый, почти всегда ночью, и слитый изъ заводскаго спиртового сборника въ бочки, находился постоянно въ сливномъ отдѣленіи завода до утра. На каждой изъ налитыхъ бочекъ рѣзцомъ нарѣзался нумеръ по порядку и количество вмѣстившихся ведеръ. За исполненіемъ этого въ то время строго слѣдилъ акцизный надзоръ. При каждомъ заводѣ имѣлась особая казенная книга, въ которой всегда было видно наличное количество находящихся въ подвалахъ бочекъ, ихъ номера и мѣра; такъ что если бы появилась въ подвалѣ бочка съ спиртомъ произвольнаго нумера и мѣры безъ указанія въ этой книгѣ, откуда она получилась, то акцизный надзоръ подымалъ цѣлую исторію съ обвиненіемъ въ злоупотребленіи. Въ виду такой постановки дѣла, безъакцизный спиртъ приходилось брать только, такъ сказать въ законныхъ бочкахъ, на которыхъ стоялъ номеръ и мѣра записанные въ казенной книгѣ. Для этого рано утромъ приступали къ перевозкѣ изъ завода въ подвалъ всего слитаго ночью спирта, а среди этой перевозки двѣ-три выбранныя бочки поспѣшно выливались въ чаны очистного подвала, затѣмъ отправлялись обратно въ заводъ, гдѣ и наливались уже безъакцизнымъ спиртомъ. Процедура эта, несмотря на поспѣшность, совершалась все же порядочное время: нужно было опорожнить бочки, вновь налить ихъ, отпечатать и запечатать заводскій мѣрникъ, изъ котораго бочки наливались и пр. Вотъ въ это-то время сторожевой гусь-смотритель всегда находился на избранномъ сторожевомъ пунктѣ, и строго наблюдалъ за всякимъ предметомъ, направляющимся къ заводу. Кромѣ этой обязанности смотрителя должны были еще наблюдать затѣмъ, чтобы рабочіе какъ на работѣ, такъ и на отдыхѣ никогда не разговаривали о темныхъ дѣлахъ завода. Заводоуправленіе хорошо знало, что если допустить эти разговоры, то они могутъ, пожалуй, дойти туда, куда доходить имъ не полагалось. Кромѣ смотрителей за этимъ наблюдалъ еще подрядчикъ, который доставлялъ на заводъ рабочихъ изъ далекихъ мѣстъ.

Своихъ мѣстныхъ рабочихъ избѣгали брать въ виду тѣхъ же неудобствъ въ гласности.

Рабочіе для исполненія экстренныхъ дѣлъ избирались изъ надежныхъ извѣстныхъ лицъ, они сверхъ жалованья получали еще награды. Такихъ у насъ при заводѣ было восемь человѣкъ. Обязанности ихъ состояли только въ томъ, чтобы высыпать въ заторъ законный хлѣбный припасъ, а при этомъ же наносить изъ амбара и припаса сверхъ законнаго. Въ этомъ дѣлѣ происходила почти та же исторія, какъ и съ бочками спирта. Свѣшанный хлѣбный законный припасъ высыпался въ заторный чанъ, опорожненный мѣшокъ уносился рабочимъ въ амбаръ, а вмѣсто него изъ амбара приносился мѣшокъ съ мукой, такимъ путемъ прибавлялся въ заторъ лишній припасъ. Здѣсь тоже требовалась быстрота исполненія и вниманіе къ количеству порожнихъ мѣшковъ, иначе, при нечаянномъ пріѣздѣ чиновника, если бы при провѣркѣ оказалось количество порожнихъ мѣшковъ несогласное съ записями на заводской доскѣ или въ тетради надсмотрщика, то опять могло возникнуть непріятное дѣло, при которомъ заводчикъ попадалъ въ число подозрительныхъ, а надсмотрщикъ за это переводился на другой заводъ, а иногда и совсѣмъ увольнялся. Счетъ мѣшковъ въ то время былъ одной изъ контрольныхъ мѣръ, которыя часто примѣнялись акцизными чиновниками. При переноскѣ въ заводъ лишняго припаса особенно внимательный надзоръ требовался отъ смотрителя, такъ какъ часы этого времени, т.-е. начала дѣланія затора, означались въ свидѣтельствѣ и были условіемъ такихъ заводскихъ работъ, которыя должны были строго исполняться. Это были такія часы, въ которыя заводскіе смотрители всегда ожидали пріѣзда чиновника. Да и дѣйствительно, ревизующіе заводъ лица часто въ это время и пріѣзжали, такъ какъ назначеніе этихъ часовъ было хорошей контрольной мѣрой изъ возможнаго въ то время контроля.

ГЛАВА XII.

Послѣ многихъ хлопотъ на заводѣ, своихъ, хозяйственныхъ и акцизныхъ, наконецъ, наступилъ ожидаемый день. Съ ранняго утра внутри завода начались подготовки къ службѣ молебна. Для этого среди просторнаго чисто-вымытаго бродильнаго отдѣленія поставленъ былъ большой столъ, покрытый бѣлой скатертью. У стола разостлали коверчикъ для причта, а у стѣны на большомъ коврѣ установили нѣсколько креселъ, и это мѣсто назначалось для владѣльческой семьи. Заводъ нашъ въ это время высматривалъ прямо приличнымъ помѣщеніемъ, годнымъ даже хотя бы и для собраній.

Пріѣхалъ причтъ, а вслѣдъ за нимъ и вся владѣльческая семья. Глава семьи явился въ черной парѣ, блестящемъ цилиндрѣ и цвѣтныхъ перчаткахъ; проходя по заводу онъ бросалъ брезгливые взгляды на все и на всѣхъ. Всякое промышленное дѣло и людей служащихъ онъ считалъ ниже своего вниманія. Такъ самостоятельно и такъ гордо держалъ себя нашъ старый баринъ. Фелицата Лукинична постоянно проявляла торопливые хлопоты, часто обращалась то съ вопросами, то съ распоряженіями; она тоже не была равнодушна къ начинающемуся новому дѣлу, такъ какъ въ этомъ новомъ дѣлѣ скрывалась надежда избѣжать страшнаго разорѣнія. Мотинка, послѣ родителей, находился во главѣ семьи, какъ будущій директоръ-распорядитель. За причтомъ во главѣ съ управляющимъ размѣстились служащіе и рабочіе; одинъ только винокуръ и его помощникъ скрывались гдѣ-то въ заводѣ и какъ іуден не участвовали въ молебнѣ.

Служеніе было торжественное, съ порядочнымъ пѣніемъ сельскаго хора. Глава владѣльческой семьи очень усердно молился и во время всей службы то становился на колѣна, то садился въ кресло. По окончаніи молебна, послѣ всякихъ пожеланій начинающемуся дѣлу, причтъ съ владѣльческой семьей отправился въ усадьбу, а мы, служащіе, подъ предсѣдательствомъ директора и управляющаго, отправились на закуску въ контору. Первый тостъ директоръ предложилъ за успѣхъ дѣла и за всѣхъ участвующихъ въ немъ. Надсмотрщикъ отвѣтилъ предложеніемъ за директора, за удачное начало и за хорошій конецъ. Потомъ послѣ солидной закуски всѣ участвующіе, съ веселымъ говоромъ, начали расходиться на отдыхъ. Мы съ надсмотрщикомъ вышли изъ конторы вмѣстѣ и послѣ небольшой прогулки расположились отдохнуть подъ единственнымъ деревомъ въ нашемъ заводскомъ помѣстьѣ.

Стоялъ ясный тихій осенній день. Въ покойномъ воздухѣ, чуть двигаясь, неслась паутина. Деревья всѣй красивой усадьбы, расположившейся противъ завода, на высокомъ бугрѣ, начали уже одѣваться въ желтый осенній уборъ. Небольшая наша рѣченка, извиваясь и блестя на солнце тихой водой, далеко-далеко убѣгала, среди камышей, по широкому лугу, берега котораго обросли частымъ молодымъ ельникомъ. Отъ недалеко стоявшей мѣльницы доносился слабый шумъ работающаго колеса. Тихая мирная картина окружала оживающее заводское помѣстье. Изъ большой заводской трубы началъ понемногу показываться предвѣстникъ оживающей дѣятельности,—черноватый дымъ; а изъ средины завода слышалось слабое шипѣніе прорывающагося пара.

Послѣ происшедшаго шумнаго торжества, у насъ въ заводскомъ помѣстьи почему-то наступила полная тишина, всѣ успокоились и какъ будто отдыхали передъ началомъ не легкаго дѣла. Служебныя заботы и тревоги заводской жизни все приближались и насъ, новичковъ, смущали и вмѣстѣ радовали. Дѣла эти обѣщали и наживу и кару, что могло получиться въ бу-

дущемъ, было неизвѣстно. О непріятной отвѣтственности мы съ надсмотрщикомъ давно рѣшили не говорить, и рѣшеніе это соблюдали строго, но думы объ этомъ частенько посѣщали насъ, и особенно въ тѣ часы, когда не было занятій. Мы и теперь сидѣли долго молча и я не ошибусь, если скажу, что мы оба думали все ту же думу. Вотъ черезъ часъ наступитъ время работы перваго затора, а слѣдовательно и первый шагъ къ задуманымъ солиднымъ хищеніямъ. Винокуръ и его помощникъ рѣшили обязательно закатить въ первый заторъ лишняго припаса, въ виду исполненія хищническаго заводскаго повѣрья, что если удастся хорошо въ первомъ заторѣ, то будетъ хорошая удача и во всемъ производствѣ. Мы знали объ этомъ рѣшеніи, поэтому выбрали для отдыха удобный пунктъ, на которомъ рѣшили посидѣть и посмотрѣть какъ будетъ проносится изъ амбаровъ въ заводъ лишній хлѣбный припасъ для перваго затора. Въ послѣдствіи всѣ эти зрѣлища надоѣли до тошноты, но на первый хищническій подвигъ мы смотрѣли съ большимъ интересомъ.

На слѣдующій день всѣ мы узнали, что первый шагъ злоупотребленій удался вполнѣ, и по этому случаю вся администрація ходила съ торжествующими физіономіями. За первымъ удачнымъ заторомъ потомъ потянулись десятки и сотни такихъ же удачныхъ. Дѣло хищенія пошло во весь полный ходъ и такъ удачно, что превзошло всѣ наши ожиданія. Осень въ тотъ годъ была очень благопріятна для винной торговли, заводскій подвалъ и склады наши торговали хорошо, что давало намъ легкую возможность сбывать безакцизное вино. Мы вмѣсто предполагавшихся ста ведеръ въ сутки получали безакцизнаго много болѣе, и даже часто это количество удваивали. Хищническое новѣрье винокура удивительно сбывалось.

Директоръ нашъ и управляющій торжествовали отъ удачи. Фелицата Лукинична тоже часто пріѣзжала на заводъ и какъ будто только за тѣмъ, чтобы говорить всѣмъ любезности. Надсмотрщикъ совсѣмъ завертѣлся въ хищническомъ колесѣ и пріі-

ятно улыбался на свой заработокъ, который въ осенніе мѣсяцы доходилъ до тысячи рублей въ мѣсяцъ; а свои думы о неудачи и отвѣтственности онъ умѣлъ заглушать въ оригинальныхъ шуткахъ, которыя часто выходили очень характерны. Своимъ веселымъ характеромъ онъ часто вызывалъ веселье и смѣхъ въ нашу заботливую жизнь; а рабочіе всѣ за это очень любили его, что очень много значило при нашихъ темныхъ дѣлахъ. Марейка же, помощникъ винокура, очень мизерный жидокъ, безъ восторга и широкой улыбки не могъ встрѣчаться съ надсмотрщикомъ, но за это на его долю выпадало и болѣе потѣшныхъ сценъ, тѣмъ болѣе что при многихъ заводскихъ работахъ они ежедневно присутствовали вмѣстѣ. На этихъ работахъ почти всегда слышался громкій веселый смѣхъ. Обошлось заводское производство, непривыкли мы, новички, къ хищеніямъ, и затѣмъ потянулись однообразные дни службы: съ работами и подсчетами, съ встрѣчами и провожаніями чиновниковъ и съ хлопотливыми ихъ ревизіями, съ полученіемъ бочекъ съ безъакцизнымъ спиртомъ, съ отправками летучихъ транспортовъ и прочими прелестями винокуренно-питейнаго дѣла.

Интересно у насъ велось счетоводство безъакцизному вину: мы всякихъ бумажныхъ записей избѣгали, какъ обличительныхъ фактовъ, и только самая крайняя необходимость подсчета подваловъ, чтобы не оказалось лишняго вина, заставляла имѣть для отчетности всего только двѣ карманныя книжки, которыя находились у меня и у конторщика. Въ этихъ книжкахъ подъ разными иносказаніями приходовалось и расходовалось безъакцизное вино. Каждое первое число по этимъ книжкамъ подсчитывались итоги добытаго количества, свѣрялись эти итоги съ записями винокура и надсмотрщика, а потомъ книжки эти немедленно уничтожались: общій же чистый безъакцизный доходъ за цѣлый мѣсяцъ приходовался въ кассу, какъ наличное полученіе отъ владѣлицы завода. Винокуръ же и надсмотрщикъ свои записи по приходу безакцизнаго вина дѣлали на стѣнахъ

или на мебели. Придешь, бывало, къ винокуру или къ надсмотрщику дѣлать провѣрку мѣсячнаго итога, сейчасъ же отодвигается какой-нибудь шкапчикъ или освѣщается темный уголокъ, а тамъ, на задней доскѣ шкапчика или на обояхъ, красуется таинственная бухгалтерская работа. Послѣ провѣрки работа эта немедленно уничтожалась; затѣмъ въ какомъ мѣстѣ будетъ производиться эта бухгалтерская работа въ слѣдующемъ мѣсяцѣ—никто не зналъ, кромѣ самого счетовода. Каждое первое число, послѣ подсчета и провѣрки итоговъ, мы всѣ получали за добытое вино опредѣленное вознагражденіе.

Послѣ успѣшной двухмѣсячной работы у всѣхъ заводскихъ служащихъ завелись порядочныя деньги, которымъ выхода изъ кармановъ совсѣмъ не было: деревенская жизнь почти совсѣмъ не требовала денежнаго расхода. Иногда немного обирали насъ пріѣзжавшіе торговцы съ вещами. Это были и обиратели наши и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимые вѣстовщики, развозившіе по заводамъ подробныя свѣдѣнія о работахъ и всякихъ происшествіяхъ въ заводскихъ дѣлахъ. На всѣхъ заводахъ это были свои люди, отъ нихъ секретовъ не скрывали, да впрочемъ они и умѣли хранить эти секреты отъ кого это было нужно. Въ мѣсяцъ разъ или два обязательно являлся на заводъ какой-нибудь Ларонъ или Исаакъ и сейчасъ же начиналась торговля вещами, которая всегда давала хорошій заработокъ торговцу. Шальныя деньги были у всѣхъ и беречь ихъ умѣли немногіе. Всегда покупалось много нужнаго и ненужнаго и, разумѣется, чуть не за двойную цѣну. Проходило нѣсколько дней и накупленныя вещи начинались разыгрываться: лоттерея начиналась и заканчивалась въ одинъ вечеръ и походила скорѣе на азартную игру, въ которой люди, съ возбужденными нервами, искали способа хоть на короткое время забыться.

Наступила зима, а съ ней заботы и тревоги по службѣ все увеличивались. Продажа вина послѣ осенней хорошей торговли много сократилась; но поступающее количество безакцизнаго уменьшать нашимъ главнымъ дѣльцамъ совсѣмъ не хотѣлось,

поэтому все болѣе и болѣе являлось затрудненій по сбыту. Летучіе транспорты начали отправляться почти ежедневно. Пришлось открыть и кабаки, гдѣ въ каждомъ тоже находилось по десяти бочекъ вина. Работы въ подвалахъ не прерывались не только весь день, но часто и всю ночь; а къ этому еще прибавлялась не легкая ежедневная работа по пріемкѣ спирта изъ завода, которая всегда производилась въ два-три часа ночи. Эта несвоевременная работа была особенно тяжела для всѣхъ участвующихъ, только надсмотрщикъ своимъ веселымъ умѣлъ облегчать тяжесть этой работы. Онъ постоянно участвовалъ въ этой работѣ и всегда избавлялъ всѣхъ отъ недовольства и уныній. Всегда случалось, что только успѣешь заснуть, какъ является кто-нибудь изъ рабочихъ будить къ сливу спирта. Подымаешься, бывало, съ большой неохотой и отправляешься полуодѣтый, потому что послѣ окончанія работъ опять приходилось ложиться. Выйдешь, бывало, изъ квартиры въ холодную непогожую ночь, вдругъ всего съ ногъ до головы обдастъ холоднымъ вѣтромъ и снѣгомъ, идешь полусонный, разстроенный и топешь въ нанесенныхъ сугробахъ. Съ великимъ трудомъ добираешься до завода, а тамъ опять надо дежурить почти два часа въ холодномъ и сыромъ помѣщеніи завода. Рабочіе тоже всѣ выходили полусонные съ нахмуренными лицами, за работу брались съ усиліями и неохотой. Къ этой работѣ одинъ только помощникъ винокура Марейка, толстый, небольшого роста жидокъ, всегда являлся съ улыбающейся рожей; къ этому времени онъ успѣвалъ всегда стряхнуть сонъ и освѣжиться, такъ какъ на дежурство онъ выходилъ въ двѣнадцать часовъ, а потомъ его всегда оживляло ожиданіе встрѣчи съ надсмотрщикомъ. Собравшись, мы иногда одни безъ надсмотрщика начинали процедуру сливанія спирта. Иногда надсмотрщикъ порядочно запаздывалъ, а такъ какъ этимъ онъ дѣлалъ большое служебное отступленіе, то немедленно за нимъ отправлялся новый посланный. Проходитъ нѣкоторое время и посланный возвращается съ улыбающимся

лицомъ. Мы всѣ сейчасъ же догадываемся, что значитъ Кубринъ идетъ и успѣлъ уже дорогой выкинуть какую-нибудь штуку.

— Жидюга здѣсь?!—кричитъ входящій Кубринъ.

— Иждѣсь!..—отвѣчаетъ Марейка.

— Ахъ ты Іуда!.. Ахъ ты Фараонъ!.. Цѣлый свой вѣкъ живешь ты среди русскихъ и говоритъ по-русски не можетъ!.. А?..—Марейка дѣйствительно плохо говорилъ по-русски.

— Нѣтъ я говорить шмагу!—заявлялъ Марейка.

— Шмагу?!.. Ахъ ты песья муха изъ египетской казни!.. Шмагу?.. Это онъ Цадикъ бердичевскій говоритъ умѣетъ?.. А?!..

Хмурыя лица рабочихъ начинаютъ улыбаться, послышался и смѣхъ, всѣ сознаютъ, что будетъ какая-нибудь *исторія*. Марейка со смѣющимися глазками тоже стоитъ въ ожиданіи исторіи, и исторія не заставляетъ себя долго ждать. Кубринъ начинаетъ прилаживаться и посматривать на черное казенное клеймо, выжженное на деревянномъ спиртовомъ мѣрникѣ: тамъ находится главный пунктъ ожидаемой исторіи. Молодые рабочіе уже впередъ начинаютъ смѣяться.

— Ой-вей-миръ!..—раздавался скорбный возгласъ и начиналась *исторія*.

Кубринъ совершенно преображался. Лицо его блѣднѣло и представляло полоумнаго фанатика-жида, увлеченнаго моленіемъ. Фуражка, надѣтая назадъ козырькомъ и ловко примятая, изображала ермолку, на вискахъ появлялись два длинные пейса, бѣлый фартукъ бондаря, накинутый углами на плечи, а сверхъ него накинутый пестрый шарфъ,—представляли молельный хитонъ, вытаращенные глаза устремлялись на черное клеймо, а затѣмъ начиналось еврейское моленіе. Кривлянія и гримасы при этомъ происходили самыя уморительныя. Безсмысленное бормотаніе и взываніе то понижалось до шопота, до тихаго скорбнаго плача, то вдругъ возвышалось до безумнаго крика и переходило въ хрипоту. Заканчивалось это моленіе азартнымъ цѣлованіемъ чернаго клейма и вслѣдъ за этимъ такимъ

же азартнымъ оплеваніемъ. Сцена эта продѣлывалась надсмотрщикомъ такъ потѣшно, что бондаря-старики и тѣ хватались за животы отъ смѣха. Марейка же до того смѣялся, что падалъ на спиртовую бочку и положительно задыхался. Послѣ этой *исторіи* всѣ оживлялись, весело работали и смѣхъ слышался до конца дѣла. Выходили на эту безвременную работу пасмурные и унылые, а выходили веселые со смѣхомъ. Вотъ за это Кубринъ былъ общій любимецъ и всѣ старались во всемъ услужить ему.

ГЛАВА XIII.

При заводскихъ однообразныхъ работахъ время проходило медленно. Мы едва-едва дождались рождественскихъ праздниковъ и святокъ. Передъ праздникомъ Кубринъ, безъ спроса своего начальства, съѣздилъ въ городъ и въ числѣ разныхъ покупокъ привезъ предметы для маскировки.

— Это мы устроимъ неожиданную ревизію завода! — проговорилъ онъ, указывая на привезенные предметы. — Надо же и намъ чѣмъ-нибудь отпраздновать святки, думаю, что будетъ пріятно да и пожалуй полезно!..

Наступившій праздникъ для насъ выдѣлился изъ обыденной жизни только перемѣной нѣкоторой домашней обстановки да праздничнымъ настроеніемъ, а затѣмъ осталась все та же работа и та же забота. Всѣ праздники и святки мы сидѣли дома, да впрочемъ и выѣхать-то было некуда, знакомыхъ близъ завода не было, а съѣздить въ городъ было нельзя: мы крѣпкой цѣпью привязаны были къ производству.

Директоръ нашъ и управляющій уѣхали на всѣ праздники въ городъ, утащили съ собой и винокура и только послѣ новаго года возвратились въ заводъ. По пріѣздѣ они разсказывали о городскомъ веселіи, которое, впрочемъ, состояло болѣе въ томъ, что кутили, играли въ карты и развратничали. Директоръ нашъ въ этихъ дѣлахъ былъ человѣкъ высокой спеціальности. Между прочимъ привезли и много новостей изъ заводской жизни. На всѣхъ сосѣднихъ заводахъ дѣла шли очень удачно, текущій періодъ оказывался почему-то особенно удач-

нымъ для безакцизныхъ дѣлъ. Всѣ заводы зарабатывали большія деньги и въ будущемъ собирались расширять дѣла. Извѣстные дѣльцы нашего района, компанія Айзика и Бухрика такъ орудовала въ безакцизномъ хищеніи, что намъ, новичкамъ, отъ однихъ разсказовъ становилось жутко. Компанія эта до того занеслась со своей удачной наживой, что въ будущемъ періодѣ собиралась удвоить число арендныхъ заводовъ, о чемъ и начинала уже переговоры. Нашему управляющему составлявшаяся новая компанія предлагала на будущій годъ управленіе двумя заводами съ участіемъ въ барышахъ, и это предложеніе очень заинтересовало его. Винокуръ нашъ со своими родственниками, такими же дѣльцами, тоже подыскалъ аренду. Въ общемъ въ нашемъ районѣ въ будущемъ году должна была составиться какая-то крупная вакханалія безакцизныхъ хищеній.

Во всѣхъ работавшихъ заводахъ, про какія-либо неблагопріятныя дѣйствія акцизнаго надзора совсѣмъ не было слышно: съ этой стороны проходила по заводамъ только тишь да гладь. Хищническія работы совсѣмъ не нарушались. Но сколько не разсказывали про заводскія продѣлки, при этомъ совсѣмъ не было слышно въ то время о подкупѣ кого-либо изъ чиновъ акцизнаго надзора: не было ли въ этомъ надобности, такъ какъ все зависило отъ надсмотрщика, неподкупные ли лица стояли въ службѣ акцизнаго надзора, или въ этихъ щекотливыхъ дѣлахъ они боялись сходиться съ евреями, которые тогда засѣли на каждомъ заводѣ,—сказать что-нибудь положительное объ этомъ трудно. Главнымъ столбомъ въ этомъ дѣлѣ, на каждомъ заводѣ, стоялъ надсмотрщикъ.

Святки приходили уже къ концу, когда въ одинъ вечеръ послѣ провода чиновника, мы рѣшили, наконецъ, произвести маскарадную ревизію завода. Въ двѣнадцать часовъ ночи, по приходѣ надсмотрщика изъ завода, куда онъ ходилъ къ началу затора, мы, замаскировавшись самымъ благонадежнымъ образомъ, отправились въ заводъ. Кубринъ одѣтъ былъ въ шубу съ капюшономъ и представлялъ изъ себя старшаго чина, а я

въ скромной шубкѣ съ портфелемъ въ рукахъ представлялъ младшее лицо.

Въ заводъ мы взошли совершенно незамѣтно, да и сторожить было нечего, такъ какъ прибавка лишняго припаса въ заторъ была уже сдѣлана. Мы взошли на верхнюю площадку, гдѣ находился чуланъ для храненія хлѣбныхъ заторныхъ припасовъ. Сверху намъ видна была вся внутренность завода, гдѣ среди ночной тишины слышалось слабое шипѣніе пара, да глухое шуршаніе работавшей заторной машины, которая приводилась въ движеніе лошадьми. Гдѣ-то въ самомъ низу изрѣдка раздовался ребячій сонный окрикъ, подгонявшій лошадей, а потомъ опять все смолкало. Марейка съ термометромъ въ рукахъ молча стоялъ у затора; аппаратчикъ находился у спиртового фонаря, близко наклонившись надъ струей льющагося спирта. На паровикѣ, держась рукой за паровой кранъ, дремалъ дежурный мальчикъ. Площадка, гдѣ мы находились, слабо освѣщалась тускло горѣвшей лампой, но фигуры наши все же были съ низу замѣтны.

— Эй!.. огня!!..—громко крикнулъ Кубринъ.

Дремавшій на паровикѣ мальчикъ сильно вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Марейка и аппаратчикъ взглянувши на насъ и увидѣвши чужихъ людей, закидались въ разные стороны. Начали появляться заспанные рабочіе и одинъ изъ нихъ явился съ зажженной свѣчей къ намъ, а вслѣдъ за нимъ, тоже со свѣчей, явился и Марейка. Онъ хотя и съ спокойной, но очень удивленной рожей посматривалъ на насъ.

— Надсмотрщика позвать!..—командовалъ Кубринъ.

Марейка бросился къ одному рабочему и отправилъ его за надсмотрщикомъ. Я держался постоянно назади старшаго лица, выказывая этимъ почетъ старшинству. Старшій ревизоръ (Кубринъ) подошелъ къ дверямъ чулана и, указывая пальцемъ на мѣсто, залѣпленное сургучомъ, гдѣ прикладывалась казенная печать, охранявшая заторный припасъ, который теперь былъ уже израсходованъ въ начатый заторъ, поэтому печати на указываемомъ ревизоромъ мѣстѣ и не должно было быть—строго спросилъ у Марейки:

— Почему нѣтъ печати? И недавши ему отвѣтить, крикнулъ еще громче:

— Почему нѣтъ печати?!.. При этомъ ревизоръ все тыкалъ пальцемъ залѣпленное мѣсто.

— Я спрашиваю, почему нѣтъ печати?!.. Уже оралъ ревизоръ, все не давая возможности Марейки что-нибудь отвѣтить. Марейка растерялся и что-то тихо бормоталъ; зажженная свѣча въ его рукахъ начинала вздрагивать.

Присутствующіе рабочіе тоже стояли всѣ перепуганные. Ревизоръ же, наконецъ, съ хрипотой въ голосѣ и съ разстановкой проговорилъ:

— Я спрашиваю еще, почему нѣтъ печати?!..

И при этомъ рука ревизора вдругъ вцѣпилась въ горло Марейки. При такомъ ревизорскомъ дѣйствіи я уже не могъ удержаться отъ смѣха, но, несмотря на то, что я громко смѣялся, присутствующіе рабочіе не могли придти въ себя отъ страха. Поблѣднѣвшій Марейка сдѣлался еще ниже своего мизернаго роста, горѣвшая свѣча у него изъ рукъ выпала. Рабочій, стоявшій ближе къ двери, проворно выскочилъ наружу, а остальные всѣ стояли въ сильномъ испугѣ, вотъ до чего сильно было дѣйствіе ревизорскаго поступка. Только когда я сдернулъ съ себѣ парикъ и усы, то рабочіе, узнавши меня, начали соображать въ чемъ дѣло и стали улыбаться. Марейка же, несмотря на обращенное къ нему безсмысленное ревизорское требованіе, отъ послѣдняго ревизорскаго дѣйствія до того струсилъ, что совсѣмъ потерялъ способность что-нибудь понять. Кубринъ бросилъ душить Марейку, сдернулъ тоже съ себя маскировку и проговорилъ:

— Что жидюга, струсилъ?..

Послѣ этого только Марейка пришелъ въ себя, и съ уморительно-удивленной рожей развелъ руками и проговорилъ:

— Охъ же и ви!..

Между тѣмъ въ низу завода, около завода и въ жилыхъ помѣщеніяхъ поднялась страшная суматоха. Нѣсколько рабочихъ бѣгали и спрашивали вездѣ надсмотрщика, а при этомъ торопливо сообщали о пріѣздѣ ревизоровъ. Затѣмъ вдругъ разнеслась вѣсть, что ревизоръ поколотилъ Марейку и это извѣстіе было до того необычайно, что вызвало полнѣйшій переполохъ, такъ что потомъ пришлось посылать людей успокоивать и заявлять, что тревога была фальшивая; при этомъ дѣло не обошлось и безъ обидъ за безпокойство. Утромъ, впрочемъ, все это безпокойство забылось, а разсказываемыя подробности о происшедшей ревизіи на много дней дали матеріалъ для смѣха. По окончаніи нашей ревизіи, мы зашли къ винокуру, который предварительно поругавши насъ, передалъ намъ слѣдующее:

— Когда аппаратчикъ разбудилъ меня и торопливо сообщилъ, что въ заводѣ ревизоры, у меня сейчасъ же мелькнула мысль, что у насъ въ чемъ-нибудь дѣло неладно; такъ какъ мы только проводили чиновника, то эти, слѣдовательно, явились не по пустому дѣлу.

Когда же я, кое-какъ одѣвшись, выскочилъ въ заводъ, при этомъ не зналъ, какія идутъ тамъ работы, вдругъ увидалъ на площадкѣ незнакомыхъ чиновниковъ, окруженныхъ, какъ мнѣ показалось, множествомъ постороннихъ людей и, наконецъ, увидѣлъ, что одинъ изъ чиновниковъ схватилъ Марейку за горло, то по совѣсти скажу вамъ, у меня внутри какъ будто что-то оборвалось. Я подумалъ: ну, накрыли должно быть прямо на мѣстѣ преступленія!.. Вотъ что вы черти надѣлали!..

— Но вѣдь это полезно,—проговорилъ Кубринъ.—Произошло, такъ сказать, нѣкоторое предварительное происшествіе!..

— Хорошо происшествіе, чортъ бы васъ побралъ. Перепугали страшно!.. Предупредили бы хоть меня-то!..

— Тогда бы уже такъ хорошо не вышло.

— Не вышло!.. Шуты проклятые!.. Меня перепугали и весь заводъ переполошили!..

ГЛАВА XIV.

Пережили мы, наконецъ, январь и февраль, наступилъ первый весенній мѣсяцъ, въ началѣ котораго стали проявляться признаки весны, съ наступленіемъ которой приближался и желанный конецъ производства. Несмотря на то, что проведенное производство прошло безъ всякихъ тревожныхъ событій, всѣ участвующіе стали порядочно уставать отъ душившаго гнета, который никому не давалъ снисхожденія и заставлялъ каждаго понянчить себя. Нашъ директоръ Мотинька былъ уже очень легкомысленный человѣкъ, но и онъ не избѣжалъ этой тяжести и началъ тоже поговаривать, что пора бы отдохнуть.

При существовавшей тогда постановкѣ дѣла, если бы не было перерыва производства и лѣтняго отдыха, то едва ли кто-нибудь былъ бы въ состояніи протянуть заводскую службу цѣлый годъ. Въ этомъ дѣлѣ, въ теченіе всего семимѣсячнаго производства, не было ни одного праздничнаго отдыха, каждый день повторялось одно и тоже, однообразное и мучительно-заботливое, и все это ужасно разстроивало нервы.

Весна все приближалась и начала тянуть къ себѣ рѣшительно всѣхъ. Винокуръ и его помощникъ, можно сказать, художественные дѣльцы на поприщѣ безакцизныхъ хищеній, но и они оба начали часто показываться на весеннее солнце, и стали вспоминать о концѣ винокуренія и лѣтнемъ отдыхѣ. Мы же съ надсмотрщикомъ принялись считать уже дни остающихся мученій, и постоянно говорили и мечтали только о лѣтней свободѣ.

Зимній путь уже началъ приходить къ концу, поэтому у насъ происходила усиленная отправка летучихъ транспортовъ. Мы подготовляли мѣста въ подвалахъ для помѣщенія имѣющаго получиться солиднаго безакцизнаго количества, которое предполагалось выработать въ глухое непроѣзжее весеннее время. Заготовка такихъ мѣстъ, впрочемъ, не представляла большихъ затрудненій, когда въ подвалахъ находилось много бочекъ со спиртомъ. Заготовка эта дѣлалась такъ: изъ бочекъ, къ которымъ особенно былъ неудобенъ доступъ въ подвалѣ, выкачивался ручнымъ насосомъ спиртъ, который по длиннымъ резиновымъ трубкамъ передавался въ бочки, стоящія внѣ подвала; въ опорожненныя же и оставленныя на мѣстахъ въ подвалѣ бочки, въ которыхъ былъ спиртъ, такимъ же способомъ накачивалась вода, которая при ревизіи показывалась и принималась за спиртъ. Затѣмъ поступающій безакцизный спиртъ такимъ же путемъ вновь замѣнялъ собой воду. Превращеніе происходило то спирта въ воду, то воды въ спиртъ.

Пользуясь послѣднимъ зимнимъ путемъ, дѣлали свои наѣзды на заводы и торговцы вещами. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ привезена была очень важная заводская новость о крупнѣйшемъ провалѣ одного заводскаго безакцизнаго дѣла, въ которомъ, какъ передавали, участвовалъ на паяхъ даже чинъ акцизнаго надзора. Дѣло это было раскрыто слѣдующимъ путемъ: одинъ изъ надзирателей нашей губерніи, производя ревизію своего округа, проѣзжалъ какъ-то поздней ночью одно глухое село, гдѣ находился небольшой винный складъ. Надзиратель и не расчитывалъ дѣлать ревизіи въ этомъ складѣ, но при своемъ проѣздѣ замѣтивъ у подвала складываемыя бочки, онъ рѣшилъ на возвратномъ пути изъ завода, куда онъ ѣхалъ, побывать и въ складѣ. Складываемыя же бочки, замѣченныя надзирателемъ, какъ потомъ оказалось, были изъ безакцизнаго транспорта. Складчикъ и проводникъ безакцизнаго транспорта хотя и замѣтили проѣзжавшаго надзирателя, когда складывали бочки, но проѣзжаго приняли не за акцизнаго чиновника, по-

тому что, по ихъ предположенію, акцизный чиновникъ долженъ бы былъ остановиться и узнать про поступившій транспортъ. Вотъ это-то маленькое предположеніе и дало возможность открыть большое злоупотребленіе. Складчикъ и проводникъ, рѣшивши, что проѣхалъ не акцизный чиновникъ, ночной транспортъ скрыли, а по провозному свидѣтельству, которое сопровождало этотъ скрытый транспортъ, поступилъ уже второй транспортъ именно въ тотъ день, когда надзиратель пріѣхалъ съ помощникомъ для ревизіи склада. Надзирателю показалось очень странной эта частая пріемка спирта, такъ какъ ему извѣстно было, что складъ продавалъ вина очень мало. На вопросъ, откуда поступилъ спиртъ, отвѣтили, что спиртъ привезенъ изъ завода, находящагося въ другой губерніи, верстахъ въ пятидесяти отъ склада.

Когда окончилась пріемка транспорта спирта и сдѣлана была запись его въ казенную книгу, то надзиратель, просмотрѣвши книгу, увидѣлъ, что транспортъ, который онъ видѣлъ при ночномъ проѣздѣ, въ книгѣ не заприходованъ. Спросивши, все ли записано въ книгѣ и получивши отвѣтъ, что все, надзиратель приступилъ къ ревизіи склада. Наличность вина при этой ревизіи найдена была согласной съ записями книги, слѣдовательно, становилось ясно, что ночной транспортъ былъ безакцизный и скрытъ. Надзиратель немедленно приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: вызвалъ сельское начальство съ понятыми, поручилъ задержать извозчиковъ, привозившихъ спиртъ и проводника, а затѣмъ объявилъ складчику, что онъ лично видѣлъ ночной транспортъ, который оказывается скрытымъ. Двое изъ понятыхъ тоже видѣли злополучный ночной транспортъ и теперь подтвердили это. Складчикъ сильно струсилъ и растерялся, но все происшедшее отрицалъ. Когда же надзиратель взялся за проводника и пригрозилъ ему, что если онъ что-нибудь будетъ скрывать при допросѣ, то немедленно будетъ отправленъ въ тюрьму, то проводникъ не выдержалъ и разсказалъ все подробно. Изъ этихъ подробностей выяснилось, что заводъ, изъ котораго получился скрытый транспортъ, арендуется какими-то евреями, что на этомъ заводѣ винокуръ, подвальный, конторщикъ и остальная вся администрація, все Моисенчи, Абрамычи и Аронычи.

Надзиратель, отправивъ за судебнымъ слѣдователемъ и поручивши окончить дѣло по складу помощнику, немедленно отправился на злополучный заводъ. Предварительно онъ пригласилъ съ собой судебнаго слѣдователя, а тотъ захвативши понятыхъ,—въ такомъ сообществѣ прибыли на заводъ. Въ заводѣ, какъ видно, такъ были увѣрены въ прочности своихъ дѣлъ, что надзирателя и слѣдователя встрѣтили хотя и съ нѣкоторымъ любопытствомъ, но совершенно спокойно. Когда же надзиратель объявилъ о своей личности, а слѣдователь заявилъ, что онъ арестуетъ контору, то получилось дѣйствіе страшнаго грома изъ яснаго неба. Вся еврейская община сначала опалѣла до столбняка, а потомъ началось второе столпотвореніе при смѣшеніи языковъ. Кто схватился за сборъ къ побѣгу, кто кидался скрывать конторскія дѣла, кто бросился убирать изъ подваловъ лишнее вино, при этомъ выбивали даже дны у бочекъ, только бы какъ-нибудь скрыть безакцизный спиртъ. Въ результатѣ всего открыты были самые нахальные злоупотребленія, съ множествомъ безспорныхъ письменныхъ фактовъ. Впослѣдствіи изъ этихъ открытыхъ хищеній возникло большое судебное дѣло, извѣстное тогда подъ именемъ дѣла Лейбы Каца.

Вскорѣ, послѣ полученія у насъ такихъ новостей, пріѣхалъ на заводъ нашъ чиновникъ, который также много говорилъ объ этомъ открытіи. Весь акцизный надзоръ непріятно былъ пораженъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ акцизнаго чиновника. Между тѣмъ еврейскіе наши дѣльцы, наоборотъ, восторгались происшедшимъ дѣломъ; наконецъ-то обнаружился случай, гдѣ съ ними работалъ чиновникъ. Но при этомъ онѣ сожалѣли о неудачѣ и осуждали тѣхъ дураковъ, которые не умѣли дѣлать такія хорошія дѣла. Однако необходимо сказать, что тогда, при сложившихся успѣхахъ, эти дѣльцы совсѣмъ оказались недальновидны и упустили изъ виду то, что въ происшедшемъ дѣлѣ

Лейбы Каца скрывалось начало ихъ конца. Дѣло это тогда сильно встряхнуло въ нашемъ районѣ весь акцизный міръ и тяжело отозвалось на оскорбленной ихъ служебной чести, такъ что въ будущемъ же періодѣ начали появляться результаты этого происшествія.

Наступила весна, извѣстенъ сталъ уже день остановки завода, до котораго было такъ немного, что считались даже часы, которые передъ концомъ тянулись мучительно медленно. Всѣ заготовленныя въ подвалахъ мѣста были пополнены, а сверхъ этого, какъ бы на прощаніе съ удавшимся хищническимъ производствомъ, мы рѣшились даже на нѣкоторую вольность и оставили въ подвалахъ, безъ особенной уборки, порядочное количество лишняго вина, потому во-первыхъ, что отправить было совершенно некуда, а во-вторыхъ, имѣли основательную надежду скоро распродать его.

Производство завода наконецъ было закончено, и мы дождались перваго покойнаго дня изъ пережитыхъ ста девяноста мучительныхъ дней. Первое время все не вѣрилось что не приходится идти сливать спиртъ, что не приходится таскать безакцизное вино, что не приходится готовить и отправлять летучіе транспорты, что не приходится сидѣть за подсчетами и чуть не дрожать за то, что не оказалось бы въ подвалахъ лишняго вина. Долго привыкать къ этому не приходилось, потому что ужъ очень сильное было впечатлѣніе отъ производившагося дѣла.

Послѣ остановки день-два производилась уборка завода, а потомъ распустили всѣхъ рабочихъ; затѣмъ вскорѣ уѣхалъ винокуръ и помощникъ его. Марейка очень душевно прощался съ своимъ любимцемъ Кубринымъ,— онъ какъ будто предчувствовалъ, что вмѣстѣ жить болѣе не придется. За отъѣздомъ всѣхъ у насъ наступила полная тишина; всѣ оставшіеся такъ крѣпко отдыхали, что не выходили даже по цѣлымъ днямъ изъ квартиръ. При первомъ пріѣздѣ на заводъ чиновника Кубринъ подалъ ему просьбу объ отпускѣ, который вскорѣ получилъ и тоже уѣхалъ изъ завода. Послѣ отъѣзда Кубрина у

насъ наступила уже полная глушь. Чрезъ нѣкоторое время подвалы приведены были въ законный порядокъ, потомъ у насъ начались работы по учету проведенной кампаніи. Результаты по заработку оказались блестящими до того, что Фелицата Лукинична, несмотря на страшное мотовство директора Мотеньки, рѣшила выкупить, если не всѣ три, то обязательно два заложенныя имѣнія. Такъ закончили удавшійся періодъ хищническаго производства.

ГЛАВА XV.

Въ небольшихъ и спокойныхъ лѣтнихъ занятіяхъ, въ разныхъ поѣздкахъ и пребываніяхъ въ разныхъ новыхъ мѣстахъ, незамѣтно пролетѣли весна и лѣто. Настала опять осень, а съ ней приближалось время начала новаго производства. Къ наступающей новой кампаніи у насъ въ заводѣ произошли большія перемѣны. Надсмотрщика Кубрина перевели на другой заводъ, откуда онъ съ грустью писалъ, что приходится невесело жить среди одного израиля. На нашъ заводъ вмѣсто Кубрина поступилъ надсмотрщикъ нѣкто Вязовъ, старый опытный служака, наживший уже порядочныя деньги и державшійся очень самостоятельно какъ среди акцизнаго надзора, такъ и среди заводской администраціи. Винокура Боруха и его помощника Марейки тоже не было, они готовились орудовать на своемъ арендованномъ заводѣ. Къ намъ винокуромъ поступилъ тоже еврей, но не съ простотой Боруха, а съ самостоятельностію надсмотрщика Вязова. Съ первыхъ же дней эти самостоятельныя личности между собой разошлись, какъ двѣ равныя, но противуположныя силы. Управляющій нашъ тоже поступилъ управлять двумя заводами у образовавшейся новой компаніи русскихъ дѣльцовъ; я занялъ его мѣсто, а свою должность передалъ своему помощнику.

Къ второму производству у насъ уже не было торжественныхъ подготовокъ,—дѣло было уже не новое, поэтому торжество считали ненужнымъ; кромѣ того, впереди вовсе не предвидѣлось тѣхъ хорошихъ условій, какія были при прошломъ производствѣ. Первые же дни второго производства совсѣмъ вышли печальны, потому что наканунѣ ихъ явившійся, пропадавшій гдѣ-то долгое время, нашъ директоръ заявилъ, что потерялъ (послѣ узнали, что проигралъ) порядочную сумму денегъ.

Къ молебну въ заводъ явилась только одна разстроенная Фелицата Лукинична, которая послѣ молебна, передавая мнѣ о случаѣ съ Мотенькой, добавила, что въ заводскихъ дѣлахъ придется постѣснится въ оборотномъ капиталѣ. Такое грустное начало хорошаго не обѣщало въ будущемъ. Затѣмъ надсмотрщикъ Вязовъ, при условіи о вознагражденіи за безакцызное вино, твердо заявилъ, что менѣе тридцати копеекъ за ведро не возьметъ. На происшедшемъ поэтому вопросу совѣтѣ, Мотенька-директоръ порядочно поморщился, но назначенную плату пришлось платить. Въ торговой обстановкѣ дѣла тоже произошли большія неблагопріятныя перемѣны. Два сельскія склада пришлось передать вновь открывшимся вблизи ихъ заводамъ, потому что въ чужой районъ съ безакцызными дѣлами залѣзать не полагалось. Устроившіеся новые заводы отбили у насъ покупателей какъ въ заводѣ, такъ и въ оставшемся складѣ. Къ этимъ всѣмъ неблагопріятнымъ положеніямъ прибавилось еще то, что главные потребители нашего продукта остались при неблагопріятномъ урожаѣ. Въ общемъ всѣ эти невзгоды очень сократили нашу торговлю. Между тѣмъ, жажда наживы осталась прежняя, а къ ней еще прибавилась крайняя надобность покрыть директорскую потерю.

Началось производство, и съ первыхъ же дней начали брать безакцизное вино въ такомъ же количествѣ, какъ въ прошлый годъ. Поработали недѣли двѣ-три, а затѣмъ началось затрудненіе въ сбытѣ. Первые только дни, пользуясь припасеннымъ въ подвалахъ мѣстомъ, а также временемъ лучшей торговли, мы прятали исправно безакцизное вино, но потомъ въ подвалахъ началъ появлятся часто опасный излишекъ. Мы начали усиленно направлять вино въ свои кабаки, но и эти мѣста оказались скоро переполненными, поэтому, хотя и очень не-

желательно было, но пришлось убавить количество полученія. Между тѣмъ торговля все уменьшалась, такъ что и при убавкѣ скоро стало опять некуда размѣщать вино. При такомъ трудномъ положеніи, мы рѣшили войти въ сдѣлку съ однимъ городскимъ складомъ, который хотя и согласился принять порядочное количество безакцизнаго спирта, но потребовалъ въ свою пользу половину акциза. По нашей нуждѣ пришлось принять и такія невыгодныя условія, только бы сбыть необходимое количество и избавить подвалы отъ опаснаго положенія. Едва-едва успѣли разобрать съ излишкомъ, какъ произведена была ревизорская ревизія, которая впрочемъ прошла благополучно.

Въ свои кабаки мы столько наставили вина, что сидѣльцы начали заявлять, что дальнѣйшая присылка становится уже опасной. Одинъ только изъ нашихъ кабатчиковъ нашелся смѣлый дѣлецъ, нѣкто Кляузниковъ, который при каждой доставкѣ заявлялъ проводнику, чтобы присылали еще, такъ какъ мѣста у него всегда готовы. На такое заявленіе ему еще раза два было отправлено, но послѣ этого я спросилъ проводника.—Не стѣсняетъ ли Кляузникова такое количество и куда онъ ставитъ вино?..

— Въ кабакѣ у него бочекъ совсѣмъ мало,—отвѣтилъ проводникъ.—Онъ куда-то отправляетъ вино. Вотъ и этотъ разъ, всѣ бочки при насъ же отправилъ.

Такое объясненіе меня очень заинтересовало и я рѣшилъ проѣхать узнать подробности. Кляузниковъ оказалъ мнѣ самую любезную встрѣчу и устроилъ обильное угощеніе. На мой вопросъ, куда онъ отравляетъ вино, Кляузниковъ посмѣиваясь заявилъ:

— Теплое мѣстечко нашелъ-съ!.. Для васъ же стараюсь! Отправку дѣлаю къ своимъ сватьямъ, далеконько-съ, совсѣмъ даже въ другой уѣздъ!..

— Хорошее ли мѣсто-то?

— Мѣсто-съ?.. Мѣсто вотъ какое, одно слово могила-съ!.. Умреть все и духу не услышать-съ!..

— Ну, а какъ насчетъ уплаты?

— Насчетъ платежей тоже сомнѣній не имейте!.. На-дняхъ поѣду туда, все соберу и полностію вамъ доставлю.

Свѣдѣнія эти тѣмъ и закончились. А когда я сталъ уходить изъ дому, то провожавшій меня Кляузниковъ проговорилъ:

— До пріятного-съ!.. А винцо вы шлите-съ! Смѣлѣй шлите-съ!.. Мѣсто такое, что прямо могила-съ!..

Кляузниковъ съ своимъ мѣстомъ-могилой показался мнѣ очень подозрительнымъ, поэтому чрезъ нѣсколько дней я отправилъ къ нему за полученіемъ, но его посланный не засталъ дома. Прошло дня два, еще былъ отправленъ посланный, которому Кляузниковъ заявилъ, что лично пріѣдетъ на заводъ, а при этомъ прибавилъ, чтобы присылали вина, иначе ему торговать нечемъ. Отправленному за полученіемъ въ третій разъ Кляузниковъ уже съ нѣкоторой обидой заявилъ:

— Намъ надо счета сдѣлать! Деньги вотъ какіе-то требуютъ, а вино не шлютъ!.. Я вотъ снижу безъ торговли и несу убытки!..

Дѣло становилось на чисто-коммерческое положеніе. Пришлось снова ѣхать. Кляузниковъ опять устроилъ любезный пріемъ и обильное угощеніе. Столъ весь заставленъ былъ виномъ, закусками, жамками и орѣхами. Кляузниковъ торопливо переходилъ съ мѣста на мѣсто, наливалъ рюмки и постоянно угощалъ.

— Выкушайте винца то-съ! Съ дорожки-съ! Съ холоду-съ! Съ холоду-то это полезно-съ! Вотъ закусите жамочками-то, это съ холоду очень пріятно-съ!..

— Я за деньгами пріѣхалъ Карпъ Трифоновичъ. Намъ деньги крайне нужны!—заявилъ я.

— Такъ-съ!.. На счетъ какихъ же денегъ изволите говорить?.. Какіе же у насъ съ вами счета-съ?..—При этомъ Кляузниковъ посматривалъ на меня благолѣпными масляными глазками.

— Послушайте, Карпъ Трифоновичъ, вы шутите, что ль?.. Я вѣдь за дѣломъ къ вамъ пріѣхалъ, а не за шутками!..

Кляузниковъ немного призадумался, а потомъ рѣшительно проговорилъ:

— Вотъ что господинъ!— При этомъ на лицѣ его уже благолѣпія не было, а показались жесткія морщины.—Я съ вами буду говорить безъ политики! Прямо по чести! Никакихъ промежду насъ счетовъ нѣтъ, а потому и денегъ я вамъ никакихъ не долженъ!.. Посланцевъ вы своихъ не шлите, и сами всякій разговоръ объ этомъ оставьте! А если, къ примѣру, безпокойство какое окажете, то на счетъ вашихъ заводскихъ дѣлъ мы освѣдомленіе хорошее имѣемъ! Знаемъ, также, куда объ этомъ и словцо закинуть!..

Я ожидалъ, что Кляузниковъ устроитъ расчетъ съ разными уступками и скидками, даже допускалъ, что, пожалуй, и половину оттянетъ, но рѣшительнаго разговора безъ политики совсѣмъ не ожидалъ, а поэтому молча раздумывалъ, какъ поступить и что сдѣлать.

— Милости просимъ, пожалуйте хереску-съ! — Вдругъ раздался опять сладкій голосъ Кляузникова.

— Послушайте Карпъ Трифоновичъ, что же это такое?..

— Вы объ этомъ оставьте!.. Дѣло все покончено-съ!.. — Опять жестко проговорилъ Кляузниковъ.

Я началъ собираться уѣзжать. Кляузниковъ началъ торопливо услуживать, помогалъ одѣваться, кидался въ разныя стороны и подавалъ разныя вещи. Затѣмъ на прощаніе проговорилъ:

— Напрасно не выкушали хереску-съ!.. Это на дорожку для согрѣва очень хорошо-съ!..

Дорогой я, обдумывая прошедшее, приходилъ къ тому выводу, что это, пожалуй, только начало расчетовъ съ нашими вѣрными людьми. Какъ только провѣдаютъ другіе Кляузниковы объ этомъ, то повтореній не избѣжать. За Карпомъ Трифоновичемъ пропало болѣе двухъ тысячъ рублей. Въ остальныхъ кабакахъ было тоже денегъ не мало. Когда обсудили мы на заводѣ происшедшій коммерческій случай, то рѣшили съ остальными кабаками какъ-нибудь, поскорѣй расчеты покончить и съ новаго года кабаковъ не открывать.

Нашъ директоръ-Мотенька, несмотря на то, что произошли потери, относился съ восторгомъ къ Кляузниковской продѣлкѣ. Любилъ онъ очень такія выходки; близки и пріятны были они для него. Онъ восторженно вытаращивалъ свои выпуклые глазки и съ одушевленіемъ говорилъ:

— Вѣдь какъ ловко, каналья, обставилъ-то! Безъ политики, говоритъ, будемъ толковать! а?.. Ну и дѣлецъ, шельма, этотъ Кляузниковъ!

ГЛАВА XVI.

Говорятъ, что бѣда одна не приходитъ, а съ провожатыми: такъ случилось и въ нашемъ дѣлѣ. Послѣ случая съ Кляузниковымъ мы принялись за расчеты съ остальными кабаками и кое-какъ покончили ихъ. Безакцизное вино совсѣмъ стѣснило насъ, подвалы были постоянно не въ порядкѣ. Я предложилъ на время прекратить совсѣмъ полученіе, но нашъ директоръ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, винокуръ тоже поддерживалъ его. Пришлось еще сдѣлать отправку транспорта въ городъ складчику и опять отдать половину акциза. Послѣ отправки этого транспорта, я отправился въ городъ сдать его и сдѣлать расчетъ, а кстати устроить какую-нибудь сдѣлку и для будущаго. Изъ этой поѣздки я возвратился только на другой день къ вечеру. По пріѣздѣ, едва успѣлъ раздѣться, какъ явился рабочій звать меня въ подвалъ. Я немедленно отправился и увидѣлъ въ подвалѣ торопливую работу, на которой присутствовалъ и надсмотрщикъ.

— Что случилось?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Надзиратель здѣсь!—сообщилъ встревоженный надсмотрщикъ.—Сейчасъ только окончилъ ревизію и оказалось лишнее вино!..

— Сколько?

— Около шести тысячъ градусовъ.

— Что же хотите дѣлать? Гдѣ теперь надзиратель?..

— Надзиратель въ усадьбѣ, его усадили обѣдать, я сейчасъ отъ него. Приказалъ подготовить все къ новой ревизіи. Вотъ наливаемъ вино, которое надо куда-нибудь спрятать.

Явился въ подвалъ и винокуръ, мы начали обсуждать, куда спрятать вино. Если убрать гдѣ-нибудь снаружи, то рабочіе могли утащить и перепиться. Везти въ усадьбу—далеко, а при этомъ можно было встрѣтиться съ надзирателемъ. Наконецъ, винокуръ предложилъ вылить вино въ бродильные чаны, такъ какъ оно могло получиться обратно при перегонкѣ. Рѣшили такъ сдѣлать, и сейчасъ же нѣсколько рабочихъ перекатили бочки въ заводъ и вылили въ два чана. Едва успѣли убраться, какъ явился посланный сообщить, что ѣдетъ надзиратель для второй ревизіи. Я счелъ лучшимъ не участвовать при этой ревизіи и ушелъ въ квартиру. Явился надзиратель и нашъ директоръ, которому винокуръ успѣлъ сообщить, что все приведено въ порядокъ, поэтому онъ съ веселымъ видомъ участвовалъ при ревизіи. Окончилась ревизія, и когда подсчитали провѣренные остатки, то оказалось, что вмѣсто излишка, есть даже порядочная недостача. Директоръ очень довольный результатомъ провѣрки, сдѣлалъ даже замѣчаніе подвальному за то будто бы, что у всѣхъ подвальныхъ есть какая-то страсть увеличивать въ подвалахъ наличность, отъ чего постоянно происходятъ лишнія хлопоты, а подчасъ возникаютъ даже и непріятныя недоразумѣнія.

Случай съ вылитыми въ чаны бочками и вся происшедшая при надзирательской ревизіи тревога, хотя обошлась благополучно, но неблагопріятно для дѣла, отозвалась на рабочихъ. Смотрителя начали передавать, что рабочіе все не перестаютъ обсуждать это происшествіе, при этомъ по пути обсуждаются и такія подробности изъ заводскаго дѣла, которыя для гласности были очень нежелательны. Кромѣ этого нѣкоторые рабочіе начали вольничать и подсмѣиваться надъ обязанностями смотрителей. Дѣла наши становились все болѣе и болѣе въ затруднительное положеніе, а тѣмъ болѣе, что всѣ рабочіе очень не любили надсмотрщика за его начальственную грубость. При всякомъ недовольствѣ они постоянно вспоминали Кубрина и добавляли, что за него они готовы были всегда пойти въ огонь и въ воду. Много было недовольныхъ и на винокура, который

тоже не умѣлъ расположить къ себѣ рабочихъ. Всѣ эти явленія хорошаго не предвѣщали, поэтому переживалось неспокойное время. Случилось мнѣ какъ-то намекнуть о своихъ опасеніяхъ директору и винокуру, но они со мной не соглашались и подсмѣивались надъ моей трусостію. Но недолго пришлось ждать, что опасенія мои подтвердились.

Въ одинъ поздній вечеръ, когда мы заканчивали въ конторѣ дневные подсчеты, явился растерянный винокуръ и заявилъ:

— У насъ въ заводѣ бѣда!

— Что случилось?—спросили мы всѣ встревоженные.

Аппаратчикъ Сёмка изругалъ меня,— передавалъ винокуръ,—укорялъ мошенничествомъ, кричалъ о томъ, что мы воруемъ безакцизный спиртъ, грозилъ донесть въ акцизное управленіе, а потомъ бросилъ свое дежурство у аппарата и скрылся!

Мы были поражены этимъ разсказомъ, у каждаго мелькнуло въ головѣ: — Ну, дошло наконецъ и до насъ!.. Потребовали дежурнаго смотрителя, который сейчасъ же явился и изложилъ дальнѣйшія подробности. Оказалось, что Сёмка прибѣжалъ изъ завода въ рабочую избу совсѣмъ бѣшеный. Бранилъ винокура, какъ послѣ выяснилось, за то, что онъ его совсѣмъ безвинно очень оскорбилъ,—затѣмъ заявилъ, что сейчасъ же поѣдетъ въ акцизное управленіе, и дѣйствительно запрегъ свою лошадь и вмѣстѣ съ однимъ рабочимъ уѣхалъ. Положеніе становилось совсѣмъ скверное. Вызвали немедленно директора и надсмотрщика, составили совѣтъ, на которомъ рѣшили слѣдующее: директоръ немедленно отправляется въ городъ и всевозможными мѣрами заграждаетъ Сёмкѣ доступъ въ акцизное управленіе. Если же гдѣ встрѣтится, то во что бы ни стало поймать и закупить его; я и одинъ смотритель должны были выѣхать по разнымъ дорогамъ тоже въ городъ, а для помощи мы взяли съ собой по проводнику. Мы тоже должны были гдѣ бы ни было поймать Сёмку и сбить на мировую. Въ заводѣ всѣ темныя дѣла рѣшили сейчасъ же прекратить, не брать даже и тотъ спиртъ, который долженъ получиться изъ перекуриваемыхъ

заторовъ съ прибавленнымъ припасомъ. Подвалы и контору привести въ строгій порядокъ и особенно ладить со всѣми рабочими.

Случай этотъ такъ передернулъ, насъ дѣльцовъ, что всѣ вдругъ страшно присмирѣли и даже постарѣли. У всѣхъ передъ глазами начали часто появляться: слѣдствіе, допросы, судъ и тюрьма.

Всю ночь мы ѣхали въ городъ не спѣша, высматривая по дорогѣ и спрашивая по деревнямъ нашихъ бѣглецовъ. Въ городъ пріѣхали утромъ и рѣшили немного отдохнуть въ виду того, что время было неудобное для явки нашихъ доносчиковъ въ акцизное управленіе. Директоръ въ городѣ успѣлъ уже организовать цѣлую фалангу изъ преданныхъ слугъ, которая должна была приняться за дѣло съ утра. Наступило дѣловое время утра, я съ смотрителемъ и проводниками, какъ знавшіе хорошо Семку, рѣшили ходить и ѣздить по тѣмъ улицамъ, по которымъ Семка долженъ былъ пріѣхать въ городъ; при этомъ мы рѣшили проходить изрѣдка и къ акцизному управленію. Такое наше дежурство продолжалось цѣлый день безъ всякихъ результатовъ. Фаланга тоже ничего не узнала и ничего не встрѣтила у акцизнаго управленія. Директоръ нѣсколько разъ являлся въ акцизное управленіе по *дѣламъ*, но тамъ тоже ничего не замѣтилъ. По обычнымъ спокойнымъ дѣламъ округа видно было, что доносчики не являлись. Изъ завода тоже небыло извѣстій, слѣдовательно и тамъ новаго ничего не произошло. Наступила опять ночь и затрудненіе наше увеличилось, мы не знали, что дальше дѣлать. Всѣмъ работавшимъ рѣшили дать отдыхъ съ тѣмъ, чтобы съ утра взяться опять за надзоръ. Въ ночь получилось наконецъ свѣденіе, что у Семки есть какая-то родня, въ одной глухой деревушки, верстахъ въ двадцати отъ города. Я рѣшилъ утромъ отправиться въ эту деревню, въ надеждѣ что застану тамъ Семена. Выѣхавши на другой день изъ города и проѣхавъ не болѣе десяти верстъ, я совершенно неожиданно догналъ Семена, ѣхавшаго вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Я сейчасъ же ихъ остановилъ, взялъ Се-

мена къ себѣ въ сани и заявилъ, что мы поѣдемъ дальше вмѣстѣ.

— Куда поѣдемъ-то?—Спросилъ тихо Семенъ.

— Садись, дорогой обдумаемъ!..

Мы поѣхали вмѣстѣ съ Семеномъ, а мой проводникъ, доѣхавши съ его товарищемъ до первой деревни, гдѣ остался, чтобы нанять лошадей и возвратится въ городъ сообщить тамъ о происшедшемъ.

Я раздумывалъ, когда ѣхалъ съ Семеномъ, что предпринять: Если ѣхать на заводъ съ нимъ, да еще среди дня,—дѣло было совсѣмъ не подходящее. Упускать его изъ вида тоже было нельзя. Поэтому я рѣшилъ поѣхать въ одно изъ имѣній нашихъ Тармозовыхъ, стоящее отъ того мѣста, гдѣ мы находились, верстахъ въ тридцати—сорока, куда мы и пріѣхали къ вечеру. Я расположился при конторѣ, обогрѣвшись и хорошо отдохнувъ я позвалъ къ себѣ Семена. Былъ уже поздній вечеръ и въ конторѣ никого не было, только изрѣдка входилъ ночной сторожъ.

— Ну Семенъ!—обратился я къ нему.—Мы здѣсь съ тобой одни, поэтому говорить будемъ по душѣ. Разсказывай, правда ли что ты хотѣлъ сдѣлать на насъ доносъ въ акцизное управленіе?

— Правда, съ горяча хотѣлъ это сдѣлать, отвѣтилъ Семенъ, но къ дядѣ заѣхалъ, разсказалъ, онъ отговаривалъ отъ этого. Немоги говоритъ этого дѣлать, потому доносчику первый кнутъ!.. Я сказалъ ему, что теперь ужъ нельзя будетъ мнѣ жить на заводѣ, а онъ сказалъ—нельзя, не надо, дома проживешь! Ступай, говоритъ, повинись, можетъ что-нибудь дадутъ за повинную. Вотъ я и поѣхалъ на заводъ...

— Значитъ ты съ повиной на заводъ ѣхалъ?

— Да,—конфузясь, тихо отвѣтилъ Семенъ.

Правдивый этотъ разсказъ сильно поразилъ меня. Вотъ чѣмъ кончается страшный для насъ доносъ!.. Вотъ какой является неожиданный конецъ нашихъ страховъ и мученій!.. Кто изъ насъ могъ предполагать такую развязку?.. Ѣхалъ съ повинной!..

Дадутъ что-нибудь!.. Ахъ ты святая деревенская простота!.. Сколько бы въ такомъ случаѣ взялъ кто-нибудь изъ насъ дѣльцовъ?!..

— Слушай Семенъ!.. Все что сейчасъ скажу тебѣ, а затѣмъ сдѣлаю, ты объ этомъ ничего не говори другимъ!.. Понялъ?.. За то, что ты высказалъ всю правду, я тебѣ дамъ не что-нибудь, а пятьсотъ рублей! Слышишь?.. Семенъ съ удивленіемъ и съ недовѣріемъ быстро взглянулъ на меня.

— Только ты эти деньги израсходуй пожалуйста на хорошее дѣло!..

Когда наконецъ Семенъ сознался, что я говорю правду, то лицо его радостно вспыхнуло и онъ проговорилъ:

— Всѣ пойдутъ на землю.

— Ну вотъ и хорошо. Ступай отдыхать и дожидай пока я возвращусь изъ завода.

На другой день я съѣздилъ въ заводъ, и возвратился тоже поздно вечеромъ. По пріѣздѣ позвалъ Семена и вручилъ ему обѣщанную сумму. Взявши деньги, Семенъ, совсѣмъ для меня неожиданно, быстро и молча опустился на колѣна и припалъ головой къ моимъ ногамъ.

— Дуришь Семенъ!—вскрикнулъ я отступая. Онъ же еще разъ молча наклонился головой до пола, молча всталъ и вышелъ, не сказавъ ни слова. Больше я не встрѣчалъ Семена.

ГЛАВА XVII.

Покончивши съ Семеномъ, я возвратился въ заводъ, гдѣ нашелъ въ дѣлѣ и въ лицахъ значительную перемѣну. Многіе, незнавшіе что сдѣлалъ Семенъ и гдѣ онъ находится, ждали съ тревогой конца возникшей непріятности. Надсмотрщикъ и винокуръ хотя и знали о сдѣлкѣ съ Семеномъ, но все происшедшее ихъ передернуло до того, что они ходили все еще угнетенные. Директоръ же, какъ узналъ о мировой сдѣлкѣ, то сейчасъ же куда-то скрылся.

Среди наступившаго угнетеннаго положенія къ намъ неожиданно принеслась еще новость, которая происшедшему у насъ дѣлу дала другое направленіе. Новость эта явилась на заводъ въ лицѣ второго надсмотрщика, назначеннаго какъ бы въ помощь Вязову. Назначеніе это, какъ потомъ узнали, было послѣдствіемъ ревизіи надзирателя. Оказавшееся лишнее вино хотя и пришлось тогда удачно скрыть, но какъ теперь видно было, все происшедшее вызвало подозрѣніе въ неблагонадежности завода. Появленіе второго надсмотрщика вначалѣ сильно смутило нашего Вязова, но потомъ онъ даже обрадовался этому случаю, такъ какъ, хорошо обдумавши все, онъ нашелъ исходъ изъ непріятнаго своего положенія. На третій день, по пріѣздѣ второго надсмотрщика, онъ отправился въ округъ и подалъ заявленіе объ увольненіи его изъ службы; при этомъ нашелъ нужнымъ заявить, что служить болѣе не желаетъ потому, что вмѣсто благодарности за долгую службу, его начинаютъ подозрѣвать въ чемъ-то нехорошемъ, что доказываетъ назначеніе второго надсмотрщика. Чрезъ недѣлю Вязовъ уволился и уѣхалъ изъ завода.

Появленіе новаго надсмотрщика и увольненіе стараго многіе, незнавшіе чѣмъ окончилось дѣло съ Семеномъ, приписывали послѣдствіямъ доноса.

Винокуреніе, со дня происшедшей тревоги, производилось самымъ законнымъ путемъ и приносило только убытокъ; поэтому рѣшено было заводъ остановить, что и сдѣлали въ первыхъ числахъ февраля. Послѣ остановки распустили рабочихъ и даже многихъ служащихъ. Въ будущемъ не предвидѣлось хорошихъ дѣлъ. Конторщикъ нашъ, изъ преданныхъ людей Фелицаты Лукиничны, пожелалъ самъ уволиться. Когда принимали отъ него кассу и произвели учетъ, то оказалось, что много разъ онъ *забылъ* заприходовать очень порядочныя суммы. Когда ему указали на это, то онъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ, что у него все вѣрно. Это выходилъ второй разговоръ безъ политики. Сообщили объ этомъ директору, но онъ это недоразумѣніе премудро разрѣшилъ слѣдующимъ изреченіемъ:

Что съ воза упало то пропало! На этомъ дѣло и кончили.

Вскорѣ, послѣ этой несвоевременной остановки все помѣстье наше было занесено глубокимъ снѣгомъ. Всѣ слѣды дѣятельной и тревожной жизни скрылись; все высматривало унылымъ запустѣніемъ. Людского движенія незамѣтно было по цѣлымъ днямъ. Иногда являлся какой-нибудь кабатчикъ за виномъ, но и тотъ очень скоро опять скрывался. Изъ всей большой заводской администраціи осталось только двое— я и подвальный. Новаго надсмотрщика снова перевели на другой, тоже подозрительный заводъ.

Въ первыхъ числахъ марта наша глушь нѣсколько оживилась: происходила у насъ отправка большого транспорта спирта, который былъ проданъ въ дальнія мѣста. Мнѣ предстояла поѣздка для сдачи этого спирта, а съ ней и нѣкоторое разнообразіе среди глухой жизни. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ отправки транспорта, выѣхалъ и я по желѣзной дороги въ длинный путь. Въ то мѣсто, куда поступалъ нашъ спиртъ, я прибылъ только чрезъ нѣсколько дней. Винный складъ, купившій нашъ спиртъ, находился недалеко отъ города, и среди мно-

тихъ окружающихъ построекъ я увидѣлъ небольшой винокуренный заводъ, который, какъ и нашъ, высматривалъ полнымъ запустѣніемъ. Заинтересовавшись такимъ родственнымъ положеніемъ дѣла, я, по окончаніи сдачи и расчета, спросилъ у владѣльца, почему онъ покупаетъ спиртъ, а не вырабатываетъ на своемъ заводѣ?

— Потому что вы придавили насъ!—отвѣтилъ владѣлецъ.— Вы вотъ доставляете по такой цѣнѣ спиртъ-то, что своей выкурки, при настоящихъ цѣнахъ хлѣба, обойдется почти на двадцать копеекъ дороже каждое ведро. Вотъ тутъ и кури!.. Вамъ хорошо тамъ орудовать-то!.. Свобода!..

— И вы орудовали бы!.. Чего же?

— Орудовали бы и мы, да не даютъ! Было время, при одномъ управляющемъ, мы тоже орудовали и торговали своимъ спиртомъ, а теперь наступило другое время!..

— Что же это у васъ было, и что случилось въ настоящее время?..

— Случилось, сударь мой, вотъ что. Прежде всего, надо сказать, что насъ здѣсь, въ округѣ, всего трое заводчиковъ. Мы всѣ не хапуны, не жиды, и заводы у насъ небольшіе,— хозяйственные. Устроили ихъ мы не для базакцызнаго хапанья, а для земли; у насъ земля плохая, и безъ заводской поддержки хозяйству матъ. Торговлю пока не выпускаемъ изъ рукъ, вотъ этимъ и живемъ, и дожидаемъ лучшихъ годовъ. Ну, вотъ какъ-то, давно уже, тоже переживали мы неудачный годъ, хлѣбъ сдѣлался дорогой, начали было курить, но изъ вашихъ мѣстъ, предложили спиртъ по такой цѣнѣ, что курить расчета совсѣмъ не выходило. Мы и задумались тогда, что дѣлать? Воровать безакцизное мы не мастера, да и расчета не выходило рисковать всѣмъ состояніемъ изъ пустяковъ. Думали мы, думали, да и рѣшили все въ подробности изложить управляющему. Въ то время управляющій у насъ былъ человѣкъ разсудительный. Явились мы всѣ къ нему и сказали: такъ и такъ ваше превосходительство, позвольте одному изъ насъ изложить вамъ все дѣло. Ну выслушалъ все и сказалъ: дайте подумать.

Затѣмъ проходитъ немного время, пріѣхалъ къ намъ, къ каждому акцизный чиновникъ и заявилъ, что разрѣшается намъ прибавлять припаса въ заторъ по десяти фунтовъ на пудъ. Ну вотъ, заводы наши и двинулись въ ходъ.

— Да, это интересный случай!.. Я думаю, вы вмѣсто десяти фунтовъ прибавляли и полпуда на пудъ!

— Нѣтъ, этого не дѣлали! Чиновникъ тоже присматривалъ, да и работали всѣ по совѣсти.

— Вы и нынѣшній годъ попробовали бы такъ устроить?

— Пробовали, да не вышло. Намекнули разъ, какъ-то стороной управляющему, что придется заводамъ стоять и что эта остановка будетъ для чмѣній разореніе. А онъ на это сказалъ: что это не его дѣло, пусть, говоритъ, эти заводы и имѣнія провалются хоть въ преисподнюю, для меня, говоритъ, все равно. Я, говоритъ, перейду тогда въ другую губернію... Другіе времена наступили батюшка!..

По возвращеніи на заводъ, я все это передалъ нашему помощнику надзирателя; онъ отказывался вѣрить, чтобы это все было въ дѣйствительности; между тѣмъ, передававшее мнѣ лицо заслуживаетъ полнаго довѣрія, а къ тому же не было никакой цѣли выдумывать такую неправду.

Передъ весной въ нашу глушь, по старой памяти, заѣхали торговцы вещами и привезли много новостей изъ заводской жизни. Оказалось, что архи-дѣлецкая компанія Айзика и Бухрика находилась все время въ страшномъ преслѣдованіи со стороны акцизнаго надзора. Это были послѣдствія дѣла Лейбы Каца. На каждомъ заводѣ у нихъ было поставлено по три и по четыре надсмотрщика, а на самомъ большомъ надсмотрщиковъ находилось даже шесть!.. Кромѣ этого два чиновника, попеременно, почти не выѣзжали изъ завода. За малѣйшія отступленія составлялись протоколы и налагались штрафы. Дѣла компаніи становились очень плохи. Заводы многіе уже давно остановились и работалъ только одинъ большой заводъ; но и тамъ, несмотря на самые отчаянныя продѣлки, впереди видѣлся только крахъ. Потомъ, немного времени спустя, мы уз-

нали, что дѣла компаніи кончились тѣмъ, что Айзикъ и Бухрикъ схватили все, что было можно; надѣлали большихъ долговъ и, несмотря на строгій надзоръ, большой акцизной недоимки, потомъ скрылись. Компанія бывшаго нашего винокура Боруха тоже прогорѣла; акцизный надзоръ и эту компанію придавилъ. Заводы, управляемые бывшимъ нашимъ управляющимъ Шлюпкинымъ, хотя и не такъ строго преслѣдовались, но все же хищничать много не удавалось. Дѣла этой компаніи хотя и держались еще въ порядкѣ, но заработка почти не было. Компанія эта всѣ надежды возлагала пока на будущее время.

Наступившая весна, встрѣчалась въ нашемъ заглохшемъ помѣстьи въ полнѣйшемъ покоѣ и тишинѣ. Все какъ-то не вѣрилось, что пришелъ отхуда-то, въ такое хорошее время, небывалый прежде покой, такъ что проходятъ дни и ночи безъ тревогъ и безъ заботъ хищнической заводской жизни.

Наступило лѣто, а съ нимъ и общая остановка заводскихъ дѣлъ; у насъ же, по распродажѣ оставшагося отъ винокуренія спирта, дѣлать было совсѣмъ нечего. Мѣстной продажей могъ завѣдывать одинъ подвальный, поэтому мнѣ приходилось искать другого дѣла . Въ поискахъ дѣла пришлось порядочно поѣздить и побывать на многихъ заводахъ, а такъ какъ отъ *своихъ* дѣла заводскіе не скрывались, то я собралъ большія свѣдѣнія о результатахъ проведеннаго производства. Всѣ заводы, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, жаловались на неудачи въ проведенной кампаніи, всѣ разсказывали, что акцизный надзоръ, со времени прошедшаго дѣла Лейбы Каца, очень измѣнился и сдѣлался такъ строгъ, что въ пору хоть бросать расчеты и надежды на безакцизный доходъ. Между тѣмъ, дѣло винокуренія тогда стояло такъ, что продажныя цѣны спирта всегда держались такія, что не только отъ нихъ не получался заработокъ, но часто очень порядочный убытокъ, который покрывался только безакцизнымъ хищеніемъ. Многіе, впрочемъ, расчитывали, что къ будущему производству убавится много израильскихъ дѣльцовъ, которые были особенно злыми конкурентами; а за этой убавкой долженъ будетъ явиться и просторъ.

ГЛАВА XVIII.

Еще новое мѣсто и новый заводъ, похожій, впрочемъ, на всѣ другіе: такая же неумѣлость въ постройкахъ и такое же неряшество въ содержаніи ихъ. Выдавался этотъ заводъ только тѣмъ, въ то время рѣдкимъ явленіемъ, что владѣлецъ не допускалъ никакихъ злоупотребленій. По случаю такого исключительнаго положенія, работы на этомъ заводѣ производились очень короткое время и даже часто съ перерывами среди производства.

Въ прошедшій періодъ, передъ моимъ поступленіемъ, заводъ работалъ только четыре мѣсяца. Всѣми дѣлами завода съ конторой включительно, въ прошлое винокуреніе, завѣдывала одна еврейская семья, на условіяхъ полученія за трудъ вознагражденія изъ части прибыли. Но такъ какъ прибыль такая была очень сомнительна, что хорошо знали и руководители дѣла, то въ виду этого они кое-что продѣлывали изъ безакцизныхъ хищеній, разумѣется безъ участія владѣльца завода. Такимъ путемъ эти дѣльцы устроили себѣ порядочный заработокъ, но и здѣсь акцизный надзоръ заподозрилъ ихъ, а по этому они и были удалены изъ завода.

Владѣлецъ завода жилъ далеко отъ завода, въ другомъ имѣніи, поэтому все управленіе возлагалось на заводскую администрацію, во главѣ которой, впрочемъ, изъ служащихъ никто не стоялъ, главой былъ самъ владѣлецъ, а администрація походила на товарищество. Состояла она изъ винокура, подвальнаго, конторщика и хлѣбнаго приказчика. Жалованье всѣмъ назначалось очень скромное, но сверхъ этого половина могу-

щей быть прибыли тоже назначалась въ пользу служащихъ. Мы, всѣ знакомые съ заводскимъ дѣломъ, не очень надѣялись на прибыль, но все же расчитывали, что, во-первыхъ, свободный оборотный капиталъ дастъ возможность сдѣлать нѣкоторую выгоду при покупкахъ и продажахъ, а во-вторыхъ, всѣмъ любопытно было поработать на честномъ заводѣ. Потомъ, въ случаѣ полной неудачи, мы тоже думали: почему бы и намъ, какъ еврейской семьѣ, не попробовать и безакцизнаго заработка.

Въ первыхъ числахъ іюля мы приняли заводъ, а въ концѣ мѣсяца пріѣхалъ къ намъ надсмотрщикъ, нѣкто Сибирлетовъ, который по справкамъ оказался совсѣмъ выдающейся личностью, въ родѣ нашего заводовладѣльца. Онъ не поддавался на заводскіе подкупы и выходило, что мы натолкнулись даже на двѣ оригинальныя встрѣчи.

Заводъ находился въ мѣстности очень хорошей для охоты, поэтому мы съ надсмотрщикомъ, какъ ружейные охотники, скоро близко сошлись и часто съ утра до вечера вмѣстѣ пропадали въ лѣсу и на озерахъ. Мы не упускали случая въ волю пользоваться охотой въ свободное время. На охотничьихъ привалахъ, никѣмъ не стѣсняемые, мы съ Сибирлетовымъ часто откровенничали о заводскихъ дѣлахъ. Заводское дѣло онъ изучилъ хорошо и судилъ о немъ какъ опытный спеціалистъ, съ извѣстнымъ направленіемъ. На одномъ такомъ охотничьемъ привалѣ, въ сентябрѣ, когда уже оставалось немного времени до производства, я передалъ подробно Сибирлетову о нашихъ условіяхъ по службѣ, о нашихъ сомнѣніяхъ въ доходности и о нашихъ расчетахъ на безакцизный заработокъ. На все это Сибирлетовъ съ полной откровенностью отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Вы уже, навѣрно, имѣете свѣдѣніе о томъ, что я не соглашаюсь на заводскія сдѣлки. Это—вѣрно. Не соглашаюсь же я потому, что съ самаго поступленія составилъ себѣ нѣкоторый планъ, о которомъ, по расположенію къ вамъ, скрывать не стану. Нажить деньги я не прочь, какъ и вы, но нажить хочу не какъ-нибудь, зря, а съ толкомъ и съ разстановкой. Мое правило: не надо спѣшить и людей смѣшить! Я вотъ былъ уже на двухъ заводахъ, и на каждомъ приставали съ предложеніями, но я не согласился, потому что на такихъ заводишкахъ я могъ бы заработать въ производство какую-нибудь тысченку, и не болѣе уже, какъ полторы; рискъ же одинъ, какъ и въ большой наживѣ. Вотъ я и рѣшилъ: если рисковать, такъ было бы за что! Вотъ у васъ тоже если бы я остался, меня скорѣй всего переведутъ,—не согласился бы на подкупъ, несмотря на то, что вы собрались всѣ ребята хорошіе, потому что и здѣсь не стоила бы игра свѣчъ!..

Планъ мой—попасть на большой заводъ, схватить хорошій кушъ и уйдти со службы!.. Вѣдь не можетъ же въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, способный работать и вести себя порядочно, интересоваться этой грошовой службой, на которой я состою. Я считаю себя впередъ невиноватымъ за могущую быть наживу, потому что давно уже пора обратить вниманіе на тѣ жизненныя положенія, гдѣ люди могутъ встрѣчать двѣ правды..

— Прошлый пріѣздъ,—продолжалъ Сибирлетовъ,— помощникъ уже намекалъ мнѣ, что меня переведутъ на другой заводъ. Сюда меня назначили потому, что подозрѣвали бывшихъ еврейчиковъ, а такъ какъ ихъ удалили, то и меня переведутъ. Вы знаете, навѣрно, Выжигинскій заводъ? Ну вотъ мнѣ думается, что я попаду туда. Если это дѣйствительно сбудется, то планъ мой придетъ въ исполненіе! Вотъ все я и сказалъ вамъ. Добавлю, пожалуй, что особенно печалиться вамъ нечего, съ другимъ надсмотрщикомъ навѣрно сойдетесь.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Сибирлетова дѣйствительно перевели отъ насъ, какъ онъ предполагалъ, на Выжигинскій заводъ. Къ намъ пріѣхалъ новый надсмотрщикъ—старичокъ, изъ бывшихъ чиновниковъ уѣзднаго суда, Платонъ Викентьевичъ Орликовъ. Онъ былъ человѣкъ съ нѣкоторыми странностями, по которымъ мы считали его не совсѣмъ нормальнымъ.

Началось винокуреніе и цѣлый мѣсяцъ производилось законнымъ путемъ. Сдѣлавши учетъ производству за этотъ мѣ-

сящъ, мы увида.. что, несмотря на хорошую торговлю спиртомъ и порядочную—виномъ, прибыли почти не было. Слѣдовательно, расчитывать въ будущемъ на какой-нибудь заработокъ было уже вовсе нельзя. Поэтому поводу у насъ составился административный совѣтъ, на которомъ рѣшено было приступить къ переговорамъ съ Платономъ Викентьевичемъ о безакцизномъ дѣлѣ. Вести эти переговоры взялся винокуръ, и, къ удивленію всѣхъ, окончилъ очень скоро. Орликовъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ какъ-то странно. Онъ не поинтересовался узнать, что будетъ дѣлаться, не спросилъ про условія платежа, а только сказалъ:

— Дѣлайте, что вамъ надо, только не подводите меня, несчастнаго!

Это впослѣдствіи излюбленное имъ выраженіе онъ началъ повторять почти каждый день и при каждой встрѣчѣ.

Такія повторенія начали вызывать у всѣхъ просто тоску, съ нимъ начали избѣгать встрѣчи, чего онъ, кажется, и добивался.

Началось безакцизное хищеніе въ очень скромномъ размѣрѣ, но все же дававшее всѣмъ порядочный заработокъ.

Всѣ были довольны установившимся положеніемъ, только смущало нѣсколько поведеніе Платона Викентьевича. Онъ въ заводскія дѣла совсѣмъ не входилъ. Обязанности свои исполнялъ нехотя, уныло, жизнь велъ замкнутую съ самыми ограниченными потребностями. Единственно что любилъ, это—чай, котораго выпивалъ ужасающее количество. Разговаривать отказывался, и ни на какіе вопросы не отвѣчалъ. Слѣдуемыя ему за мѣсяцъ деньги, переданныя винокуромъ, взялъ молча, но съ этого дня сталъ избѣгать даже встрѣчъ.

Такъ шло до рождественскихъ праздниковъ.

Въ одинъ вечеръ мы всѣ уже порядочно посидѣли и собирались расходиться, какъ совсѣмъ неожиданно взошелъ Платонъ Викентьевичъ и, къ удивленію всѣхъ,—совершенно пьяный.

— Поздравляю всѣхъ!.. Поздравляю всѣхъ!..—хрипло говорилъ Платонъ Викентьевичъ, пошатываясь и ходя по комнатѣ.

Такое явленіе насъ всѣхъ поразило. Всѣ сообразили, въ чемъ

заключается странность Платона Викентьевича. Произошло неловкое замѣшательство. Нѣкоторые стали приглашать его садиться.

— Нѣтъ-съ! Прежде вкусимъ вотъ этой, погибельной-съ!

И Орликовъ подошелъ къ столу, и залпомъ выпилъ три рюмки. Потомъ опустился на стулъ у стола. Немного посидѣвши, онъ потянулся снова къ вину, но совершенно ослабъ, такъ что налить вина не могъ; опять сѣлъ у стола и началъ пьянымъ, хриплымъ голосомъ на-распѣвъ повторять свою излюбленную фразу. Посторонній, пожалуй, не разобралъ бы и словъ, но мы всѣ понимали ясно его болѣзненную пѣсню: «только не подводите меня, несчастнаго! только не подводите меня несчастнаго!»

Долго хрипѣлъ и донималъ насъ Платонъ Викентьевичъ своей болѣзненной пѣсней. Кончилось же все тѣмъ, что пришлось почти нести его въ квартиру.

Послѣ его ухода долго еще продолжалось томительное молчаніе. Каждому чувствовалось что-то виновное.

— Да, не выдержалъ муки!—проговорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Алкоголикъ! Душевно-больной!—сказалъ другой.

— Да, господа, и алкоголикъ и душевно-больной! А при этомъ еще и несчастный страдалецъ. И все это плоды нашего проклятаго дѣла!..

— Ой-ой-ой! Вотъ какъ! Если такъ, то вамъ слѣдовало бы уходить изъ этого дѣла!..

— Уходить!? Сказать это только легко! Посмотрѣлъ бы я, кто одинъ безъ помощи, безъ случая, выбрался бы изъ бездоннаго болота, которое начнетъ засасывать его!..

Наступила опять тишина. Видно было, что нѣкоторые выходили изъ дѣловой колеи и пускались въ отвлеченности.

— Довольно господа, время на отдыхъ!—заявилъ хозяинъ.

Всѣ молча начали расходиться.

На другой день Орликовъ запилъ горькую и совсѣмъ не выходилъ въ заводъ. Когда наступило время слива спирта, то послали къ нему за казенной печатью, которую онъ послан-

ному не далъ. Пошелъ винокуръ, и ему тоже отказался дать, а при этомъ еще добавилъ:

— Больше не будетъ-съ!.. Довольно! О произошедшемъ придется тоже сообщить!

Дѣло принимало плохой оборотъ. Едва-едва успокоили обѣщаніями, что хищеній дѣлаться больше не будетъ, едва уговорили, чтобы присутствовалъ на сливѣ спирта. Въ заводъ и обратно его пришлось проводить подъ руки. Въ виду такого происшествія приходилось сообщить о болѣзни надсмотрщика. Когда пріѣхалъ на заводъ чиновникъ, Орликовъ былъ уже безъ памяти. Все безсвязно бормоталъ онъ свою любимую фразу, въ которой чиновникъ не находилъ смысла. Черезъ два дня къ намъ пріѣхалъ новый надсмотрщикъ, а Платона Викентьевича пришлось отправить въ больницу. При отъѣздѣ Орликова въ больницу, одинъ изъ нашихъ выбивающихся изъ колеи винокуренно-питейнаго дѣла, въ слѣдъ ему проговорилъ:

— Угостили плодами проклятаго дѣла!

ГЛАВА XIX.

Винокуреніе при новомъ надсмотрщикѣ пошло, какъ и первый мѣсяцъ, безъ всякихъ отступленій. Спирту въ подвалахъ набиралось все больше и больше, продавать же было нельзя, такъ какъ цѣна стояла такая, что получился бы только убытокъ. Дальше производить винокуреніе было совсѣмъ нерасчетливо, а поэтому въ концѣ февраля заводъ остановили. Сдѣланный учетъ всего производства обѣщалъ только убытокъ, даже и въ томъ случаѣ, если хорошо придется продать спиртъ.

Наступила весна. Встрѣтили мы ее и проводили при полномъ покоѣ, какъ и прошедшую. При бывшемъ, хотя и недолго безакцизномъ хищеніи, заработали всѣ порядочно, такъ что къ убытку отъ производства относились равнодушно. Всѣ наслаждались отдыхомъ, только нѣкоторыхъ еще смущала болѣзнь Платона Викентьевича, о которой иногда мы получали извѣстія. Эта болѣзнь какъ-то виновно-тяжело отзывалась на совѣсти дѣльцовъ.

Прошла весна и наступало время искать новаго дѣла. Оставаться здѣсь на будущее производство было совсѣмъ неразсчетливо. Производить винокуреніе честнымъ путемъ, безъ убытка, оказывалось невозможнымъ, въ этомъ еще разъ здѣсь пришлось убѣдиться. Разсчитывать на безакцизный доходъ безъ участія владѣльца было рискованно. Въ этихъ случаяхъ не легко было составить надежное товарищество. Въ прошломъ нашемъ товариществѣ были тоже лица съ совершенно разными стремленіями. Нѣкоторые, очень жадные, готовы были на всякую неправду; но были и такіе, которые отъ случая съ

Платономъ Викентьевичемъ страдали и иначе не называли винокуреніе, какъ проклятымъ дѣломъ.

При поѣздкахъ по заводамъ, на поискахъ новаго дѣла, мнѣ пришлось побывать и на Выжигинскомъ заводѣ, гдѣ Сибирлетовъ приводилъ свой планъ въ исполненіе. Работалъ онъ, какъ передавали, при исполненіи своего плана дѣйствительно такъ, какъ говорилъ: съ толкомъ и съ разстановкой. Получать за безакцизное ведро вина менѣе сорока копеекъ онъ не соглашался, несмотря на то, что количество этихъ ведеръ имѣлось въ виду порядочное. Онъ всегда лично находился въ подвалѣ при поступленіи безакцизнаго спирта, лично учитывалъ его количество и затѣмъ здѣсь же, въ подвалѣ, немедленно послѣ учета получалъ слѣдуемыя деньги. На заводѣ передавали, что Сибирлетовъ устроилъ совсѣмъ новыя правила по хищенію, но сколько ему не возражали, что это неудобно,—ни въ чемъ не уступилъ. Все производство онъ продѣлывалъ это аккуратно, безъ отступленій, каждый день. Затѣмъ по окончаніи винокуренія немедленно ушелъ изъ службы, купилъ гдѣ-то клокъ земли съ усадьбой и началъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ—садоводствомъ и огородничествомъ. Заработалъ Сибирлетовъ на своемъ планѣ, какъ передавали, поболѣе шести тысячъ.

Къ концу лѣта я былъ на новомъ заводѣ и на новомъ дѣлѣ, которое по моимъ расчетамъ было во все время службы первое удачное дѣло какъ по окладу жалованья, такъ и по назначенной мнѣ сверхъ оклада доли изъ прибыли. Должность моя состояла въ исполненіи всѣхъ внутреннихъ заводскихъ дѣлъ, исключая дѣла винокура. Мнѣ предполагалось имѣть только одного помощника-подростка. Дѣла по внѣшнему управленію принималъ на себя самъ арендаторъ завода, нѣкто Стрепетовъ, который только недавно изъ служащихъ сдѣлался самостоятельнымъ дѣльцомъ. Стрепетовъ для меня былъ болѣе товарищемъ, чѣмъ хозяиномъ; мы съ первой встрѣчи стали въ хорошія дружескія отношенія. Мы оба, какъ опытные уже дѣльцы, рѣшили, что чѣмъ меньше будетъ участниковъ въ заводскомъ безакцизномъ дѣлѣ, тѣмъ оно будетъ покойнѣй и прибыльнѣй, что дѣйствительно и подтвердилось впослѣдствіи. Измѣнившіеся личные составы въ акцизномъ надзорѣ требовали другихъ пріемовъ и другой аккуратности. Надсмотрщикъ къ намъ поступилъ изъ числа дѣльцовъ въ родѣ Сибирлетова, только безъ всякаго плана, просто желавшій нажить капиталы. Ко всѣмъ удачно слагавшимся обстоятельствамъ и устройство завода было такое удобное для хищеній, что представлялась полная возможность работать съ самымъ небольшимъ числомъ участниковъ. Этихъ участниковъ мы выбрали изъ самыхъ хорошихъ рабочихъ завода, подробно разъяснили имъ всѣ ихъ обязанности, заинтересовали ихъ хорошимъ жалованіемъ и большими наградами.

Все такъ основательно устроивши, мы приступили къ производству винокуренія.

Дѣло по безакцизному хищенію у насъ съ перваго шага пошло хорошо. Мы по Сибирлетовскому плану начали дѣлать все не спѣша, съ толкомъ и съ разстановкой. Мы не гнались за большими полученіями, чтобы потомъ мучиться со сбытомъ, какъ на заводѣ Тормозовой, не сходились съ складчиками и не открывали своихъ кабаковъ, а старались только усиливать заводскую продажу вина. Для этого мы рѣшили рискнуть нѣкоторой суммой, которая должна была пропасть кредитомъ за кабатчиками, но за это мѣстная продажа у насъ все усиливалась, а это давало намъ возможность усиливать безакцизное полученіе и спокойно сбывать его. Сосѣди наши иногда косились на насъ за отбитыхъ покупателей, но это не представляло опасности, во-первыхъ, потому, что рѣдко случается, огда воронъ ворону въ глазъ клюетъ, а во-вторыхъ, наступили опять хорошіе годы для винокуреннаго дѣла, вслѣдствіе благопріятныхъ экономическихъ условій сельскаго населенія. При хорошемъ заработкѣ на нашемъ заводѣ во всѣхъ дѣлахъ и въ заводской жизни былъ полный покой и тишина. Акцизный надзоръ относился къ нашему заводу какъ-то безучастно,—не подозрѣвалъ и не довѣрялъ, мы стояли на серединѣ. Такъ ти-

хо, спокойно и незамѣтно прошло цѣлое производство, которое по заработку оказалось очень удачнымъ. Я получилъ, съ окладомъ и долей прибыли, такой кушъ, что въ будущемъ производствѣ вступилъ въ дѣло уже компаніономъ, чего очень желалъ и самъ Стрепетовъ.

Весну и лѣто мы провели въ положеніи обезпеченныхъ людей, которые послѣ дѣлового и прибыльнаго коммерческаго труда пользовались заслуженнымъ спокойствіемъ и отдыхомъ.

Слѣдующее производство мы начали рано для того, чтобы пополнить заготовленныя въ лѣтнее время мѣста въ подвалахъ. Дѣла и второго нашего производства начались также удачно. Надсмотрщикъ остался тотъ же, рабочіе все были тѣ же, и въ общемъ выходило, какъ будто еще продолжается прошлое винокуреніе. Скоро, но тихо, мы пополнили заготовленныя мѣста, а затѣмъ сейчасъ же убавили безакцизное полученіе, но и при уменьшенномъ количествѣ заработокъ все же получался порядочный. Акцизъ былъ уже большой, такъ что отъ каждыхъ тридцати-сорока ведеръ, получаемыхъ у насъ въ день, чистой прибыли намъ оставалось сто— сто двадцать рублей. Такой заработокъ мы ежедневно получали по уменьшенному курсу; въ тѣ же дни, когда у насъ усиливалась продажа, мы это количество заработка часто удваивали. Все заводское дѣло у насъ шло въ такомъ порядкѣ и въ такомъ спокойствіи, что мы даже забывали про то, что у насъ существуютъ злоупотребленія; походило на то, какъ будто заводъ работаетъ самымъ законнымъ порядкомъ.

Наконецъ наступило время, и по нашимъ заводскимъ трущобамъ пронеслись слухи о контрольномъ снарядѣ. Многіе встрепенулись отъ этихъ новостей и начали усиленно пользоваться существующей свободой. Потомъ получились уже положительныя извѣстія, что къ будущему производству контрольные снаряды будутъ установлены. Мы, какъ люди обезпечившіеся, относились къ этимъ извѣстіямъ только съ нѣкоторымъ любопытствомъ и надеждой, что можетъ быть не наступитъ ли время нѣкотораго упорядоченія этого несчастнаго дѣла. Не переведутъ ли контрольные снаряды винокуреніе къ положенію возможнаго правильнаго заработка при немъ. Но при этомъ мы сознавали, и даже говорили объ этомъ, что едва ли будутъ такъ разсуждать необезпечившіеся дѣльцы. А затѣмъ мелькала мысль и о томъ, что, пожалуй, найдутся безакцизные источники и при контрольномъ снарядѣ, а тогда, пожалуй, придется руководиться Сибирлетовскимъ планомъ и тѣми двумя правдами, которыя онъ приводилъ въ свое оправданіе. Не разъ въ такихъ случаяхъ приходилось вспоминать о вырвавшихся въ минуту скорби словахъ: *посмотрѣлъ бы я, кто одинъ безъ помощи, безъ случая, выбрался бы изъ бездоннаго болота, которое начнетъ засасывать его!* Денежное же болото до того бездонно, что пройдутъ еще цѣлыя вѣка, а человѣчество все еще не измѣритъ его глубины!

Передъ окончаніемъ послѣдняго безконтрольнаго производства мы, руководясь тѣмъ, что акцизный надзоръ все вниманіе обратилъ на будущія подготовки къ установкѣ контрольныхъ снарядовъ, а про заводы совсѣмъ забылъ,—рискнули захватить столько безакцизнаго спирта, что въ подвалахъ былъ припрятанъ изрядный излишекъ спирта, который расходовался послѣ окончанія производства цѣлыхъ два мѣсяца.

Сдѣланный учетъ показалъ намъ, что законченное второе винокуреніе было много удачнѣй перваго, заработокъ былъ очень солидный, такъ что и я дѣлался въ нѣкоторомъ родѣ капиталистомъ. Въ виду же неизвѣстности условій будущаго винокуренія при контрольномъ снарядѣ, Стрепетовъ пожелалъ, чтобы я въ дѣло вступилъ уже на равныхъ паяхъ. Условіе это я не задумался принять, а поэтому сдѣлался самостоятельнымъ дѣльцомъ въ вольномъ винокуренно-питейномъ дѣлѣ.

ГЛАВА XX.

Приготовленія къ установкѣ контрольныхъ снарядовъ продолжались все лѣто, хлопотъ они надѣлали много и чиновникамъ и заводамъ. Въ акцизномъ надзорѣ появились вмѣсто надсмотрщиковъ контролеры, которые на заводахъ постоянно не находились, но только часто наѣзжали. Нашъ надсмотрщикъ не пожелалъ продолжать дальше службу, онъ купилъ себѣ въ городѣ домъ и открылъ бакалейную торговлю.

Наступило время производства. При постановкѣ снарядовъ происходили цѣлыя исторіи недоразумѣній. Дѣло было совсѣмъ новое какъ для надзора, такъ и для заводовъ. Заводскіе дѣльцы зорко присматривались къ каждому мѣсту контрольныхъ обезпеченій, при этомъ нѣкоторыя мѣста намѣтили уже для *испытаній*.

Въ новыхъ дѣлахъ вообще неизбѣжны нѣкоторые недосмотры, чего не избѣжали и при установкѣ контрольныхъ снарядовъ. Но здѣсь такіе недосмотры проявились до очень комическихъ положеній, которыя показывали, что акцизный надзоръ вообще, а направляющій въ особенности, находятся въ дѣлѣ охраненія очень высокаго акциза просто въ младенчествѣ. Интересно было видѣть, какъ крѣпко обезпечивались такія мѣста, гдѣ злоупотребленіе могло производиться только въ принципѣ; а такія мѣста, гдѣ могъ легко дѣлаться, да и дѣлался отводъ спирта, оставлялись безъ всякаго вниманія. Обезпечивали, наприм., на деревянныхъ кубахъ сучки, обезпечивали барденный кранъ и барденныя трубы, требовали, чтобы трубы были спаяны

мѣдью, а не оловомъ и проч. На трубѣ же фильтра, по которой лился спиртъ, имѣющійся отдушникъ оставили съ такими щелями, въ которыя свободно проходитъ палецъ. Въ эти щели потомъ вставлялись резиновыя трубки и отводился спиртъ. Затѣмъ внизу фильтра, постоянно наполненнаго спиртомъ, устроили на рѣзьбѣ такую пробку, что стоило ее немного только потолкать, какъ сейчасъ же показывалась течь. Въ это время, какъ будто имѣлось стремленіе больше обезпечивать принципъ, а не опасное мѣсто. Всѣми такими упущеніями дѣльцы немедленно воспользовались и начали отводы. Добыча въ отводѣ была хотя не въ такомъ большомъ размѣрѣ, какъ прежде, но все-таки очень прибыльная, такъ какъ акцизъ былъ уже очень большой. Впослѣдствіи же, когда всѣ надсмотры эти устранили, тогда заводскіе дѣльцы начали бросаться уже въ рискованныя предпріятія.

Послѣ долгой и скучной работы надъ обезпеченіями и разными свертками трубъ, наконецъ, закончили установку контрольнаго снаряда, и заводъ началъ производство. Первые дни въ заводѣ присутствовали чиновники, провѣряли работу снаряда, чуть не два раза въ день осматривали пломбы и другія обезпеченія, — наконецъ, присмотрѣвшись ко всему до скуки, уѣхали.

Мы остались одни внѣ надзора, только подъ контролемъ автомата. Посмотрѣли и мы на все день-другой, а потомъ принялись за испытанія. Прежде всего приступили къ отдушнику у фильтра. Удачно вставили въ щель резиновую трубку, вытянули изъ нея воздухъ: образовался сифонъ и полилась струя спиртового отвода.

Интересный эпизодъ передовалъ намъ посланный, ѣздившій за резиновой трубкой въ ближній губернскій городъ.

Продавецъ, отмѣривая требуемое количество, спрашивалъ:

— Скажите, пожалуйста, куда идетъ у васъ эта трубка? На нее такое требованіе явилось, что я едва успѣваю исполнять!

— Гм!.. Это... у насъ служитъ для перепусканія вина изъ общаго резервуара въ другіе, меньшіе.

— Да что же этого перепускания-то у васъ прежде не было, что ль?

— Да, не было! Это новый способъ! Такъ сказать—знаменіе времени!

— Да!.. Вотъ оно что!..

Резиновая трубка начала работать у насъ ежедневно и довольно порядочно. Потомъ мы приступили къ изслѣдованію пробки. Сначала спиртъ лился изъ пробки тихо, но потомъ, когда бечеву, которая обезпечивала пробку, начали все смѣлѣй и смѣлѣй ослаблять, получилась такая течь, что резиновую трубку пришлось оставить, какъ способъ болѣе хлопотливый, и пользоваться отводомъ въ одну пробку. Дѣла наши по производству шли такъ же хорошо, какъ и прошлые годы. Если приходилось меньше получать безакцизнаго, то этотъ недостатокъ свободно покрывался прибылью отъ вина, цѣна котораго съ постановкой контрольныхъ снарядовъ значительно повысилась. Необходимо сказать, что контрольные снаряды, несмотря на недосмотры въ обезпеченіяхъ, въ общемъ сократили хищенія много болѣе половины. Вѣрный признакъ этихъ сокращеній мы видѣли въ томъ, что израильскіе дѣльцы все болѣе и болѣе уходили изъ заводовъ. Они рѣшительно заявляли, что безъ хорошихъ хищеній съ этимъ дѣломъ не стоитъ возиться. У насъ заведенное дѣло продолжалось спокойно и тихо до слѣдующаго выдающагося случая. Какъ-то рано утромъ разбудилъ меня встревоженный подвальный и заявилъ, что на пробкѣ оборвали обезпечивающую бечеву. Пришлось вставать и производить осмотръ. Оказалось, что бечева оборвана такъ неудачно, что замаскировать обрывъ совсѣмъ было нельзя. Должно быть очень поусердствовали, чтобы сильнѣй лилось, или со сна не соразмѣрили оборотъ винта и бечеву перехватили. Дѣло произошло не изъ пріятныхъ. Я послалъ за Стрепетовымъ, а въ оборванной бечевѣ кое-какъ слѣпили концы. Обсудивши происшедшее, мы рѣшили, что Стрепетовъ немедленно поѣдетъ къ помощнику и будетъ просить его все устроить. Что изъ этого выйдетъ,— мы не знали, но кромѣ дѣлать было нечего.

Составлять актъ о нечаянномъ обрывѣ и останавливать производство—это значило бы навязывать себѣ мучительное слѣдствіе съ допросами, съ подозрѣніями и штрафомъ, даже при благопріятномъ исходѣ. Между тѣмъ могъ вѣдь быть исходъ и неблагопріятный. Наконецъ это все мы могли сдѣлать и тогда, когда помощникъ отказался бы возстановить нарушеніе. Мы знали помощника за человѣка добрѣйшаго, съ нами онъ былъ очень хорошъ, такъ что отношенія наши были скорѣе дружескія, чѣмъ служебныя. Въ виду этого мы рѣшили, въ крайности, даже ему во всемъ признаться, и разсказать почему произошло нарушеніе.

Не наступалъ еще разсвѣтъ декабрьскаго утра, какъ Стрепетовъ выѣхалъ. Ждать пріѣзда помощника, или возвращенія Стрепетова приходилось порядочно. Нужно было поэтому предпринять что-нибудь, на случай если бы пріѣхалъ контролеръ, который намъ совсѣмъ мало былъ знакомъ. Нужно было, въ случаѣ его пріѣзда, во что бы ни стало, отвлечь его отъ осмотра завода. Для этого представлялся единственный способъ—остановить его на дорогѣ, которая проходила мимо нашихъ квартиръ, и затащить, хотя бы насильно, на чай. Я заказалъ приготовить чайный столъ, а самъ одѣтый принялся наблюдать за далью дороги. Предпріятіе мое походило на соломину для утопающаго, но другого ничего не предвидѣлось сдѣлать.

Время въ ожиданіи тянулось мучительно долго; мнѣ казалось, что я жду уже много часовъ и что дѣла Стрепетова у помощника не удались. Наконецъ я увидѣлъ лошадей Стрепетова и двоихъ сѣдоковъ. Ѣдутъ, удалось!.. пронеслось у меня въ головѣ. Вскорѣ подъѣхали и остановились у квартиры, дѣйствительно Стрепетовъ и помощникъ.

— Что на дежурствѣ небось?— улыбаясь, проговорилъ помощникъ, и добавилъ: — Заходите-ка, займитесь дѣломъ, а мы пока отдохнемъ.

Когда раздѣлись, помощникъ вынулъ изъ сумки пломбировачные клещи, нѣсколько пломбъ, бечеву и все это подавая мнѣ, проговорилъ:

— Извольте исправить поврежденіе!.. да смотрите бечеву затягивайте туже, —ждемъ ревизора!.. Можете пока упражняться съ своей резиновой трубкой?!..

Я съ удивленіемъ посматривалъ на него. Стрепетовъ же весело смѣялся. —Вотъ такъ дѣла совершаются!!.. —подумалось мнѣ.

Когда все сдѣлавши, я возвратился изъ завода, то у крыльца стояли уже готовыя лошади. При моемъ приходѣ помощникъ началъ собираться, потомъ, любезно распростившись съ нами, уѣхалъ. Мы остались одни.

— Что такое случилось?..—спросилъ я.

— Неожиданное и удивительное происшествіе!..

И Стрепетовъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Пріѣхалъ я къ помощнику, когда онъ еще спалъ. Рѣшилъ ждать у него. Какъ только узналъ, что я жду, сейчасъ же позвалъ и спросилъ:

— Случилось что-нибудь у васъ?

— Бечеву оборвали на пробкѣ фильтра!..

— Гм!.. Значитъ тянули-тянули и дотянули до того, что лопнула?.. а?.. Я сталъ втупикъ отъ такой неожиданности и молчалъ.

— Жадность замучила!.. Все хотѣлось небось побольше?..

— Да.

— Ахъ, народецъ!.. Все мало!.. Ну, ѣдемте, время терять нечего. Вотъ и пріѣхали.

— Это дѣйствительно замѣчательное происшествіе!.. Надо же что-нибудь ему сдѣлать!..

— Вотъ въ праздники поѣду и сдѣлаю, — отвѣтилъ Стрепетовъ.

Пришли праздники, Стрепетовъ дѣйствительно поѣхалъ и *все сдѣлалъ*!

Съ этого время резиновую трубку совсѣмъ забросили. Потомъ, до пріѣзда ревизора совсѣмъ ничего не дѣлали. Послѣ же ревизорскаго проѣзда, новой пломбировкой ослабили на пробкѣ бечеву, а потомъ начался уже *основательный* отводъ безакцизнаго.

ГЛАВА XXI.

При сложившихся новыхъ обстоятельствахъ денежное болото начало насъ затягивать уже во всю свою мочь. Мы дѣйствующимъ въ пробку небольшимъ отводомъ уже не удовлетворялись, а задумали нѣчто по обширнѣй, и начали къ этому основательно подготовляться.

Первое дѣйствіе въ этой подготовкѣ состояло въ томъ, что съ конца февраля винокуреніе мы перевели съ двухъ на одинъ заторъ. Переходъ такой мы, кому нужно было, объясняли тѣмъ, что мало заготовлено хлѣбнаго запаса, и что накурено уже порядочное количество спирта. Затѣмъ приступили къ заготовкѣ мѣста въ подвалахъ. Для этого, чтобы усилить еще продажу, мы открыли большой временный кредитъ кабатчикамъ, которые при такой льготѣ сдѣлали большіе запасы вина на весеннее не проѣзжее время. Наконецъ у насъ мѣста были готовы для солиднаго количества, и время начало подвигается къ настоящей веснѣ. Въ половинѣ марта, мы взяли новое свидѣтельство на винокуреніе тоже въ одинъ заторъ, но на цѣльный уже мѣсяцъ. Ожидаемое время все приближалось, все болѣе и болѣе портился зимній путь. Сдѣлалъ послѣдній зимній пріѣздъ и контролеръ, а затѣмъ скоро наступилъ день и полнаго непроѣзда. Мы открыли компанію солиднаго хищенія. Заводъ имѣя свидѣтельство на одинъ заторъ, началъ работать въ два. Одинъ заторъ поступалъ въ нашу пользу безъ акциза. Спиртъ свободно отводили въ отвертываемую пробку, пломбу которой мы свободно снимали и накладывали вновь, когда это было нужно, для этого мы распо-

ряжались оставленными намъ клещами. Отводъ всегда дѣлался въ ранее утро, и въ это время у насъ, на всякій случай, стоялъ хорошій караульный.

Все изложенное дѣйствіе мы, по правилу Сиберлетова, производили съ толкомъ и съ разстановкой. Мы не бросались въ рискъ на авось, но все это широкое дѣло поставили такъ, что если бы въ это время заѣхалъ къ намъ на заводъ ревизоръ, то, несмотря на такое крупное злоупотребленіе, все дѣло въ *крайнемъ случаѣ* могло окончится самое большее тѣмъ, что возникло бы нѣкоторое подозрѣніе на заводъ и на чиновника, и болѣе ничего.

Дѣло было безопасно обставлено на основаніи того, что переходъ винокуренія, съ одного затора на два, разрѣшается во всякое время. Мы, на основаніи этого разрѣшенія, приготовили свидѣтельство законнаго срока на винокуреніе въ два затора, которое было помощникомъ засвидѣтельствовано въ полномъ порядкѣ, и въ этомъ *запасномъ* свидѣтельствѣ только не проставлено было число его начала и окончанія. Всѣ три экземпляра этого свидѣтельства хранились у насъ. Вотъ это и все, что дѣлало бездоказательнымъ производившіеся у насъ злоупотребленія. Въ случаѣ если бы какое-либо лицо акцизнаго надзора явилось неожиданно на заводъ, то стоило только въ свидѣтельствѣ, приготовленномъ на два затора, проставить такое число, чтобы дѣйствія завода совпадали съ расписаніемъ, приложеннымъ къ этому свидѣтельству, а въ этомъ расписаніи проставить, сообразно видомости дѣйствія, нумера бродильныхъ чановъ. Затѣмъ записать это свидѣтельство въ книгу, а другіе экземпляры вмѣстѣ съ книгой отправить помощнику, который все это время и находился-то не далеко отъ завода на охотѣ. Онъ написалъ бы нѣсколько строкъ о снятіи печатей съ другого порядка чановъ: вотъ все и приняло бы совершенно законный порядокъ производства въ два затора. Позамедлилось бы въ этомъ случаѣ предъявленіе книги, но это можно было объяснить тѣмъ, что не записано много да и записывать некому: конторщикъ отлучился. Но этого дѣлать

не пришлось потому, что непроѣздное время весны было за насъ. Мы безъ тревоги проработали девятнадцать дней, получили въ свою пользу болѣе 12 т. р. акциза, потомъ опять перешли на одинъ заторъ и заводъ привели въ должный порядокъ.

Заготовленныя въ подвалахъ мѣста всѣ были пополнены, и сверхъ этого еще получился большой излишекъ, который, впрочемъ, былъ припрятанъ на всякій случай. Докончивши срокъ свидѣтельства, заводъ остановили.

Начались занятія по учету проведенной компаніи, законченные счета указывали, что заработокъ нашъ вышелъ очень солидный. Мы становились капиталистами. Время лѣтняго отдыха мы рѣшили провести въ поѣздкахъ, къ чему и начали подготовляться. Но непредвидѣнный случай задержалъ насъ на нѣкоторое время. Представлялась возможность еще расширить наше дѣло, вотъ это и нужно было обсудить. Чиновникъ нашъ въ одинъ пріѣздъ разсказалъ, что сосѣдній съ нами заводъ, его же участка, владѣлецъ съ охотой отдалъ бы въ аренду. Производить дѣло онъ былъ не въ состояніи, потому что предстояли большія затраты на исправленіе вѣтхаго завода. Мы рѣшили заводъ этотъ взять въ аренду немедленно, приступили къ переговорамъ и скоро окончили ихъ. Затѣмъ начали подыскивать человѣка управлять этимъ заводомъ. Вскорѣ, по рекомендаціи какихъ-то родственниковъ Стрепетова, явился къ намъ съ предложеніемъ услугъ заграничный инженеръ, нѣкто Самсоній Генриховичъ Бартъ. Онъ оказался очень свѣдущимъ человѣкомъ въ этихъ дѣлахъ, поэтому мы скоро покончили и поручили ему нашъ новый заводъ. Опредѣленное вознагражденіе за управленіе Бартъ не назначилъ, а просилъ положить ему четвертую часть могущей быть прибыли. Онъ зналъ если не подробно, то все же для опытнаго человѣка достаточно, что наши шансы на прибыль очень основательны. Окончивши съ Бартомъ условіе и поручивши ему приводить въ порядокъ заводъ, мы отправились въ путь. Стрепетовъ для своей поѣздки выбралъ Финляндію и сѣверъ, а я рѣшилъ посмотрѣть Волгу съ притоками и Сибирь.

ГЛАВА XXII.

Къ сентябрю мы только возвратились изъ своихъ поѣздокъ. Новыя мѣста и новыя встрѣчи дали намъ много впечатлѣній по исключительно дѣлового характера. Я теперь вспоминаю, что какъ Стрепетовъ, такъ и я, тогда послѣ своихъ поѣздокъ, встрѣтивши такъ много красивыхъ мѣстоположеній и дивныхъ видовъ, совсѣмъ почти не говорили объ окружавшей насъ въ поѣздкахъ природѣ. Мы тогда среди заводскихъ дѣлъ своихъ и капитальныхъ пріобрѣтеній такъ втянулись въ денежное болото, что весь интересъ жизни у насъ сосредоточивался только на дѣловыхъ предпріятіяхъ и промышленныхъ наживахъ. Въ своихъ путевыхъ встрѣчахъ мы болѣе всего интересовались промышленными дѣлами и запасались разными свѣдѣніями все того же характера. Въ то время болото капиталовъ и пріобрѣтеній совсѣмъ засосало насъ.

Приближалась пора новыхъ заводскихъ работъ и новыхъ пріобрѣтеній. Заводы наши оба приготовлены были къ дѣйствію. Бартъ о своемъ заводѣ приготовилъ уже заявленіе о началѣ производства. Отправляясь въ округъ подавать это заявленіе, Бартъ узналъ тамъ совсѣмъ неожиданную поразившую его новость, которая разстроивала всѣ его расчеты. Ему сообщили, что управляемый имъ заводъ переходитъ въ участокъ другого помощника надзирателя. Изъ округа онъ бросился съ этой новостію къ намъ; но мы уже узнали все отъ своего чиновника.

Бартъ явился взволнованный и растерянный, и первый вопросъ его былъ:

— Знаете ли новость?

— Знаемъ, все слышали.

— Что же теперь дѣлать?

— Дѣлать вотъ что. Мы рѣшили поработать на заводѣ хоть мѣсяцъ, а потомъ если будутъ убытки, чего надо ждать на такомъ заводѣ, то остановить производство и бросить аренду.

Разсчитывать на отводъ резиновой трубкой уже было нельзя потому, что еще лѣтомъ рѣшено было въ отдушникъ вставить металлическую сѣтку, о чемъ мы имѣли тоже свѣдѣніе.

— Нѣтъ, надо что-нибудь сдѣлать!—заявилъ Бартъ.

— Сдѣлать-то вѣдь нечего!

— Дайте подумать, я что-нибудь сдѣлаю!..

Бартъ уѣхалъ думать и, какъ потомъ оказалось, надумалъ такую штуку, что заставилъ и насъ помучиться.

Вскорѣ, послѣ побывки у насъ, Бартъ пустилъ заводъ. Мы съѣздили посмотрѣть свое новое дѣло. Заводъ представился намъ, несмотря на большой произведенный ремонтъ, полной развалиной. Внутри его было тоже все старо и гнило. Аппаратъ состоялъ изъ гнилыхъ кубовъ и заплатанныхъ трубъ. Спиртовой холодильникъ представлялъ просто замѣчательное явленіе: это былъ деревянный полугнилой чанъ, сверху для нѣкотораго обезпеченія одѣтый чехломъ изъ листового желѣза, внутри же деревяннаго чана помѣщался мѣдный цилиндръ холодильника. Течь кругомъ холодильника была безобразнѣйшая, такъ что желѣзный чехолъ въ нѣсколько дней успѣлъ уже покраснѣть весь отъ ржавчины. Въ общемъ весь аппаратъ представлялъ собой какую-то пародію порядка. Мы удивлялись, какъ это разрѣшили работать при такой обстановкѣ. Бартъ, намъ передалъ на это, что надзиратель ужасно морщился надъ холодильникомъ и заявилъ, что на будущій годъ потребуетъ его передѣлки. Осмотрѣвши все и погостивши у Барта, мы собрались домой. Передъ отъѣздомъ Стрепетовъ спросилъ у Барта:

— Удалось ли вамъ что-нибудь сдѣлать?

— Почти удалось,—отвѣчалъ Бартъ.—Когда все кончится, пріѣду разскажу. Тѣмъ объясненія кончились. Мы рѣшили, что нашъ Бартъ или фантазируетъ, или расчитываетъ подслужиться къ новому чиновнику и пользоваться отводомъ въ пробку.

Началось производство и у насъ, а также съ первыхъ дней начался и обычный отводъ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ заводскихъ работъ, какъ Бартъ явился съ первымъ мѣсячнымъ отчетомъ. Прибыль въ привезенномъ отчетѣ выведена была въ такомъ большомъ размѣрѣ, что мы пришли въ нѣкоторое удивленіе. Бартъ же въ подтвержденіе вѣрности отчета съ нѣкоторымъ дѣловымъ шикомъ представилъ и сумму прибыли, изъ которой четвертую часть оставилъ себѣ, какъ плату за управленіе. Отчетность у насъ велась нѣкоторымъ своеобразнымъ способомъ. Всѣ суммы *экстреннаго* дохода у насъ учитывались въ теченіе мѣсяца, во временныхъ книжкахъ, которыя послѣ каждаго мѣсячнаго учета уничтожались. Получившіяся же доходныя суммы или дѣлились, или приходовались наличнымъ полученіемъ въ оборотный капиталъ.

Принимая отчетъ и прибыль, мы подумали, что Бартъ что-нибудь устроилъ.

— Дѣло значитъ удалось?—спросили у Барта.

— Да удалось!..

— Гдѣ и какъ? Разказывайте-ка?

— Пробитъ спиртовой холодильникъ и сдѣланъ отводъ!—совершенно спокойнымъ и дѣловымъ тономъ проговорилъ Бартъ.

Мы съ удивленіемъ посмотрѣли на него и подумали, не шутитъ ли? Но Бартъ былъ совершенно серьезенъ.

— Вы правду это говорите?—спросилъ Стрепетовъ.

— Да правду!..

— Да неужели вы пробили холодильникъ и сдѣлали отводъ?!

— Да!..

Мы, старые дѣльцы, пришли въ замѣшательство.

— Послушайте, Самсоній Генриховичъ, вѣдь это безобразный и даже нахальный рискъ?

— Больше дѣлать было нечего.

— Нечего и не надо!.. Вы должны бы были прежде посовѣтоваться съ нами, тогда уже дѣлать такой шагъ?..

Бартъ немного задумался, а затѣмъ самымъ рѣшительнымъ тономъ проговорилъ:

— Такъ разсуждать хорошо только вамъ, обезпеченнымъ людямъ, а мнѣ, нищему, такое разсужденіе не подходитъ!.. Посовѣтоваться раньше я не могъ потому, что хорошо зналъ, что вы на это не пойдете. Вы вѣдь успѣли заработать,—я того же хочу!..

Выходилъ въ нѣкоторомъ родѣ то же разговоръ безъ политики.

— Противъ заработка мы ничего не имѣемъ—зарабатывайте!.. Но рисковать такъ едва ли и для васъ расчетъ? Мы не такимъ головоломнымъ путемъ зарабатывали. Позвольте узнать, за что вы подводите безобразному риску все наше состояніе?—проговорилъ Стрепетовъ.

— Больше дѣлать было нечего!.. Я тоже личность свою подвожу риску. По моему убѣжденію, ужъ таковъ путь наживы!.. Впрочемъ, есть исходъ избавиться вамъ отъ риска.

— Какой?

— Передайте мнѣ аренду!

— Я согласенъ,—заявилъ Стрепетовъ.

— Я тоже!..—добавилъ и я.

Рѣшили поподробнѣе обсудить эту сдѣлку. Послѣ отъѣзда Барта Стрепетовъ сказалъ.

— Да, это дѣлецъ изъ новыхъ! У нихъ на первомъ планѣ нахальство. На нахальствѣ этомъ основаны всѣ расчеты. Я увѣренъ, что Бартъ съ мыслію на такой исходъ работалъ и свой отводъ изъ пробитаго холодильника.

Потомъ, обсудивши это дѣло, мы рѣшили, что по окончаніи текущаго мѣсяца заводъ остановимъ, а потомъ откажемся отъ аренды. Послѣ этого пусть Бартъ беретъ себѣ его въ аренду, а мы что нужно изъ имущества оставимъ ему въ кредитъ. До

окончанія же этого дѣла придется намъ уже подрожать немного за свои карманы.

Прошло двѣ недѣли послѣ знаменательнаго заявленія Барта объ его отводѣ, все рѣшенное приведено было къ концу. Заводъ послѣ нѣкоторой остоновки началъ работать уже въ арендѣ у Самсонія Генриховича Бартъ. Окончивши все это дѣло, мы съ нѣкоторымъ облегченіемъ вздохнули и пожелали новому дѣльцу всякихъ удачъ.

ГЛАВА XXIII.

Работы Барта на такомъ нахальномъ отводѣ, противъ всякихъ ожиданій, прошли и кончились удачно. Но сколько ему пришлось перестрадать при этомъ рискованномъ отводѣ, то это способенъ былъ перенесть только человѣкъ безгранично жаждущій наживы. Въ одно время даже и самъ Бартъ висѣлъ на волоскѣ отъ поступка, самаго драматическаго характера, только случай избавилъ его отъ уголовщины.

Все дѣло по отводу изъ пробитаго холодильника какъ намъ потомъ разсказывалъ Бартъ, устроилось такъ: возвратившись на заводъ, послѣ полученныхъ свѣдѣній, что заводъ отходитъ къ другому чиновнику, и что мы рѣшаемся заводъ бросить, Бартъ принялся раздумывать, что бы предпринять. Пошелъ въ заводъ гдѣ ему бросился хаосъ окружающій аппаратъ и особенно спиртовой холодильникъ. Здѣсь блеснула первая мысль объ отводѣ, которую онъ и рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе. Немедленно отправился за покупкой необходимыхъ трубъ, а по возвращеніи приступилъ къ дѣлу, которое предстояло окончить въ теченіе трехъ сутокъ, такъ какъ послѣ этого срока должны были пріѣхать на заводъ чиновники, для установки снаряда и пропуска въ дѣйствіе завода. Двое сутокъ безпрерывно шла работа въ запертомъ заводѣ и все было сдѣлано. Помощникомъ Барта въ этихъ работахъ былъ нѣкто Анисимъ, рабочій завода, исполнявшій прежде должности мѣдника, кузнеца и слесаря. Вотъ этотъ-то Анисимъ впослѣдствіи и далъ знать себя Барту, какой онъ помощникъ въ темныхъ дѣлахъ. Отводъ былъ сдѣланъ такъ: вынули двѣ доски у

чана, въ которомъ помѣщался мѣдный холодильникъ, пробили этотъ холодильникъ и къ щели подвели и припаяли мѣдную трубку, скрытую предварительно въ одномъ изъ деревянныхъ столбовъ, на которыхъ установленъ былъ деревянный чанъ, за тѣмъ другой конецъ трубки, по выходѣ уже изъ столба вставили и закрѣпили въ свинцовую трубку, уложенную въ землѣ и проведенную до помѣщавшагося за двумя стѣнами подвала. Доски вновь вставили, все перемазали краской и грязью, потомъ сверху надвинули желѣзный чехолъ, прикрѣпили этотъ чехолъ винтами къ заржавленному желѣзному дну и дѣло было сдѣлано.

Началось у Барта производство, начался съ первыхъ дней и отводъ изъ пробитого холодильника. Анисимъ въ первое время былъ хорошимъ работникомъ, ему за участіе въ дѣлѣ положено было, сверхъ жалованія, особое ежемѣсячное вознагражденіе. Прошло нѣкоторое время и Анисиму вздумалось начать разыгрывать роль помощника. Онъ началъ частенько выпивать, совсѣмъ пересталъ заниматься работой, при обращеніи съ Бартомъ становился все грубѣй и наконецъ сталъ обращаться уже просто какъ съ равнымъ товарищемъ. Остановка завода при нашемъ уходѣ нѣсколько пріостановила вольность Анисима, но когда вновь началось винокуреніе и Анисимъ узналъ, что хозяиномъ сталъ Бартъ, то онъ повелъ себя уже безъ всякихъ церемоній, и Барта ставилъ ни во что. Чрезъ короткое время Анисимъ превратился для всѣхъ въ пьяницу Аниску. Онъ началъ дѣлать постоянные грубости Барту и угрожать, что онъ можетъ кое про что разсказать. Начали часто происходить такія сцены: среди ночи, когда Бартъ только успокоится отъ дневныхъ хлопотъ и работъ, къ нему въ квартиру вламывается съ шумомъ пьяный Аниска и заставляетъ его подыматься.

— Эй хозяинъ!..—начиналъ пьяный Аниска.—Въ трубку-то, которую я припаивалъ, течетъ что-ль?!

— Что ты! Что ты! Будетъ тебѣ Анисимъ! Успокойся!—говорилъ встревоженный Бартъ.

— Я давно братъ успокоился!.. Я давно ужъ Анисимъ!... Нѣтъ, ты вотъ мнѣ скажи, течетъ что ль въ трубку слеза-то Анисима?

— Успокойся же пожалуйста. Садись, вотъ выпей!

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: течетъ что-ль по ней слеза-то?—оралъ уже Аниска,—течетъ что ль кровь-то Анисима?!.. А?

Въ этихъ случаяхъ Бартъ принималъ всѣ мѣры, чтобы споить Аниску до безпамятства; это былъ единственный нелегкій способъ, чтобы добыть покой.

Бартъ начиналъ накачивать Аниску водкой, спиртомъ, коньякомъ, и всѣмъ, что только попадало подъ руки въ домѣ. Сцены такія начали повторяться все чаще и чаще, и наконецъ, послѣ рождественскихъ праздниковъ, дошли до того, что Бартъ рѣшился на все и приготовилъ опіумъ, чтобы раздѣлаться съ Аниской. Не подвернись случая и драма была бы готова. Въ одно утро Барту заявили, что Аниска впалъ въ полное сумасшествіе. Обрадованный такимъ извѣстіемъ Бартъ немедленно отправилъ Аниску въ больницу, а за нимъ вслѣдъ отправился и самъ. Помѣстивши Аниску въ больницѣ и сдѣлавши подарки фельдшерамъ и служащимъ больницы, какъ бы за труды по присмотру за больнымъ, Бартъ обратился къ доктору съ просьбой назначить время, когда онъ могъ бы переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Докторъ назначилъ часъ, въ который Бартъ явился къ нему въ квартиру и приступилъ къ дѣлу прямо, со всей откровенностью дѣльца.

— Докторъ, спасите отъ преступленія!

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спросилъ удивленный докторъ.

— Вы что-нибудь знаете, или слышали про темныя, заводскія дѣла?

— Ничего не слыхалъ и ничего не знаю!

— Ну такъ я передамъ вамъ: у меня на заводѣ ворується казенный акцизъ, какъ это дѣлается, кромѣ меня знаетъ привезенный сегодня въ больницу спившійся рабочій. Своимъ пьянствомъ и угрозами онъ довелъ меня до того, что я уже приготовилъ опіумъ отравить его.

— Чортъ знаетъ что у васъ дѣлается на этихъ пакостныхъ заводахъ!

— А, теперь все зависитъ отъ васъ!..

— Что же вамъ нужно?

— Задержите этого рабочаго до конца апрѣля въ больницѣ.

— А тогда что?..

— Тогда я остановлю производство и уничтожу всѣ слѣды темнаго дѣла.

— Почему же не сдѣлать этого сейчасъ?

— Сейчасъ нельзя, во-первыхъ, потому, что несвоевременная остановка можетъ вызвать подозрѣніе акцизнаго надзора, что можетъ повести къ осмотру и къ открытію преступленія: а во-вторыхъ, я разорюсь и сдѣлаюсь нищимъ.

— Главное-то все мучаетъ нажива, все пугаетъ нищенство?

— Да, докторъ. Это правда.

— Несчастное время и несчастные люди!.. Затѣмъ, подумавши, докторъ заявилъ:—вашъ рабочій раньше двухъ мѣсяцевъ едва ли оправится: а послѣ, увидимъ, что сдѣлать...

На томъ пока покончили. Бартъ съ облегченіемъ вздохнулъ, уголовщина близко висѣла надъ его головой. Послѣ онъ все же устроилъ какъ-то, что Анисимъ явился на заводъ только въ концѣ апрѣля, когда уже производство было остановлено и злосчастный холодильникъ отправленъ въ передѣлку.

Въ теченіе лѣта Бартъ привелъ всѣ свои дѣла къ концу и уѣхалъ въ другую губернію, гдѣ устроилъ солидную компанію въ большомъ заводѣ. Года два поработавши въ этой компаніи, Самсоній Генриховичъ сдѣлался капиталистомъ и началъ устраивать свое большое дѣло.

ГЛАВА XXIV.

У насъ въ заводѣ дѣла шли обыденнымъ порядкомъ, пользовались отводомъ умѣренно, соображаясь съ расходомъ вина. Періодъ жадности-наживы проходилъ, а къ тому же заводскія дѣла и безъ всякихъ отводовъ начали давать хорошій барышъ. Въ заводѣ у насъ стоялъ удивительный порядокъ и тишина. За всю зиму одинъ только разъ пришлось немного побезпокоиться за то, какъ бы не досталось нашему чиновнику получить замѣчаніе за плохое опломбированіе пробки: но и это безпокойство кончилось благополучно. Случилось, что совсѣмъ не ожиданно пріѣхалъ къ намъ въ заводъ старшій ревизоръ въ то время, когда бечева на пробкѣ была слаба, но при ревизорскомъ осмотрѣ, кстати сказать, очень невнимательномъ, это прошло незамѣченнымъ. Ревизоръ былъ почему-то въ особо веселомъ настроеніи и ничего внимательно не осматривалъ. А въ концѣ ревизіи устроилъ даже свою любимую ревизорскую сцену. Мы всѣ знали его за очень добраго человѣка, но любившаго очень часто при ревизіяхъ покричать. А иногда онъ кричалъ и очень здорово, такъ что заводскіе рабочіе при его пріѣздѣ всегда говорили: «ну пріѣхала буря, теперь всѣмъ задастъ грому». И буря, дѣйствительно, почти всякій разъ разражалась громомъ, но почти всегда громъ этотъ оканчивался потѣхой, такъ какъ и причины-то, вызывающія его, тоже были потѣшны: вотъ то же произошло и въ этотъ разъ.

При выходѣ уже изъ завода ревизоръ замѣтилъ, на одной горячей трубѣ аппарата, разостланныя для просушки листья

табаку. Онъ сейчасъ же подозвалъ аппаратчика и строго спросилъ:

— Это что такое?

— Табакъ, — отвѣтилъ тотъ, ожидая грома, который и немедленно разразился. Ревизоръ началъ громко съ разстановкой и удареніями на каждомъ словѣ говорить:

— Развѣ трубы аппарата подѣланы для того, чтобы сушить *табакъ*? А?!..

Аппаратчикъ хорошо зналъ, что во время ревизорскаго грома говорить не полагалось, а по этому стоялъ молча потупясь. Ревизоръ же, все возвышая голосъ, кричалъ съ длинными паузами послѣ каждаго восклицанія.

— Развѣ на нихъ кладутъ казенныя пломбы для сушки *табаку*?!.. Развѣ вы тутъ поставлены, среди казенныхъ обезпеченій, затѣмъ, чтобы заниматься *табакомъ*?!.. Всѣхъ, каналій, перештрафую, которые думаютъ только о *табакѣ*!!!..

При этомъ ревизоръ бросалъ на сопровождавшую его свиту живые, вопросительные взгляды, которые означали: понимаетъ ли его свита всю соль настоящаго грома? Соль же эта состояла въ склоненіи имени существительнаго. Такую соль ревизоръ въ своемъ громѣ проводилъ часто, и самъ же болѣе всѣхъ любовался на нее.

Провели мы еще зиму и наступала новая весна. Въ подвалахъ и къ этой веснѣ сдѣланы были солидныя подготовки, потомъ также въ непроѣздное время начали курить вмѣсто одного затора въ два и работали въ эту весну двадцать три дня, такъ что безакцизно намъ поступило двадцать три затора. Винокуреніе затѣмъ закончили въ большомъ заработкѣ. Рабочимъ и служащимъ, послѣднихъ, впрочемъ, было только двое, роздали хорошія награды, всѣ остались очень довольны: всѣ были подъ вліяніемъ торжествующаго капитала.

Черезъ два мѣсяца, приведя въ порядокъ подвалы, собравши временный большой кредитъ, сдѣлавши полный учетъ нашего состоянія, мы съ нѣкоторымъ горделивымъ торжествомъ сознали, что вотъ, наконецъ, наступилъ тотъ заманчивый день,

въ который мы сдѣлались настоящими дѣльцами-капиталистами.

На одной откровенной бесѣдѣ о будущемъ нашъ чиновникъ заявилъ намъ, что онъ уходитъ изъ службы и уѣзжаетъ на дальную окрайну, которую уже давно намѣтилъ для себя.

Такое заявленіе и у насъ вызвало мысль, что не довольно ли? Не пора ли кончить? Мысль эта начала все чаще и чаще нами обсуждаться и, наконецъ, мы пришли къ тому, что пора!

Заявили мы мѣстнымъ дѣльцамъ, завидовавшимъ нашимъ успѣхамъ, что рѣшили передать свои дѣла, а сами начали подыскивать какое-нибудь крупное сельскохозяйственное и промышленное дѣло. Вскорѣ даже два такія дѣла нашлись. Это были два завода съ крупными имѣніями, кромѣ этого при одномъ была большая промышленная мельница, а при другомъ большое лѣсопромышленное дѣло. Несмотря на то, что дѣла эти были въ дальномъ разстояніи одно отъ другого, мы, не уничтожая нашей компаніи, эти два дѣла заарендовали. Мы въ то время совсѣмъ не имѣли охоты пріобрѣтать собственности, потому что рвались къ крупнымъ промышленнымъ дѣламъ и не только изъ жадности наживы, но и изъ желанія дѣлать крупное дѣло.

Съ настоящимъ заводскимъ дѣломъ покончили при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Заводское имущество, вино и спиртъ, кредитъ и разные задатки по условіямъ,—все это передали за наличныя деньги и за хорошую цѣну, такъ что на новые свои дѣла мы перебрались съ большими наличными средствами, дававшими возможность намъ безъ заботъ двигать большими дѣлами.

На новыхъ мѣстахъ о какихъ-либо злоупотребленіяхъ въ винокуреніи мы даже не допускали и думы. Все прошедшее осталось тамъ, назади, а все настоящее, такъ удачно устроившееся безъ этого, обѣщало все хорошее впереди. А къ тому же и время наступало другое. Въ заводскихъ обезпеченіяхъ и въ акцизномъ надзорѣ все очень замѣтно двигалось впередъ. Теперь

уже давно не было щелей въ отдушникѣ фильтра, а также начали уничтожать и нашу любезную пробку. Обезпеченія, отчасти даже лишнія, коснулись всѣхъ частей. Лица акцизнаго надзора какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи техническихъ знаній, также далеко шагнули впередъ. Наступало время, что можно было встрѣтить помощника надзирателя-технолога, который путемъ учета, руководясь только сахорометрическими опредѣленіями, могъ высчитать — сколько должно получиться изъ сдѣланнаго затора. Слѣдовательно, какая-либо несообразность, противорѣчащая выводу, могла вызвать подозрѣніе и разслѣдованіе. Въ настоящее время сочли бы за выдумку тотъ фактъ, что было время, когда лица акцизнаго надзора вѣрили, что выходъ вина увеличивался отъ прибавленнаго въ муку жидомъ сахара. А затѣмъ, несмотря на полныя удачи, мы все же порядочно устали отъ пережитыхъ годовъ. Нужно было имѣть ужъ очень спеціально-дѣлецкій характеръ, котораго у насъ не было, чтобы не остановиться и не знать мѣры для наживаній капиталовъ.

Въ новыхъ мѣстахъ мы обставились какъ настоящіе дѣловые капиталисты Начало въ нашихъ дѣлахъ сложилось очень благопріятно. Урожай перваго года въ имѣніяхъ получили хорошій и заводамъ предстояла большая работа. Стрепетовъ усилилъ у себя работу на мельницѣ, а я задумывалъ усилить заготовку лѣса. Лично мы находились постоянно въ спокойномъ довольствѣ; тревожныхъ заботъ не только не было, но все обѣщало, что ихъ и не будетъ. Наши личныя отношенія были связаны крѣпкой, хорошей дружбой. Видимыхъ любезностей мы другъ къ другу совершенно не проявляли; наоборотъ, въ этомъ скорѣе проглядывала покойная серьезность, но мы всегда убѣждены были въ томъ, что мы другъ другу дороги. Среди долгаго совмѣстнаго дѣла у насъ не только никогда не возникали какіе-либо споры, но даже не было и повода къ какому-либо несогласію. Въ нашихъ отношеніяхъ торжествовала всегда правда; какую-либо невольную ошибку каждый сдѣлавшій спѣшилъ скорѣй обдумать и уяснить себѣ, а затѣмъ немедленно,

самымъ торжественнымъ образомъ, сознавался въ ней. Вольныя же ошибки не только не были, но мы знали и крѣпко вѣрили, что ихъ и быть не могло.

Прошло уже много лѣтъ, какъ жизнь разбросила насъ въ разныя стороны, но и теперь Стрепетовъ мнѣ близокъ и дорогъ, а при этомъ я увѣренъ, что въ немъ живетъ ко мнѣ такое-же чувство. Изъ всего пережитаго только это осталось отраднымъ воспоминаніемъ.

ГЛАВА XXV.

Наступила первая осень на нашихъ новыхъ мѣстахъ. Работы въ имѣніяхъ всѣ были благополучно закончены, и наступала очередь заводскихъ работъ. Въ первыхъ числахъ октября начали и винокуреніе. Заводы наши, обезпеченные на всю кампанію матеріалами собственныхъ имѣній, удачно работая, привели все производство до половины апрѣля, и затѣмъ остановились. Запасы спирта для лѣтней торговли на обоихъ заводахъ сдѣланы были очень большіе. У Стрепетова на мельницѣ была заготовлена большая партія зерна для лѣтней переработки. У меня сдѣланы были солидныя заготовки лѣса. Оба наши предпріятія въ это время высматривали полной чашей. Дальше предстояло только направлять дѣловой курсъ. Мы совсѣмъ не ожидали того дня, который какъ громовой ударъ поколебалъ наши дѣла и наши надежды.

И вотъ въ одно раннее майское утро я получилъ отъ Стрепетова слѣдующую телеграмму. «Пріѣзжайте, у насъ большой пожаръ. Захватите на расходы денегъ». Страшно смутила меня эта телеграмма, особенно же своей послѣдней фразой. Я думалъ, что если требуются на расходы деньги, то произошло должно быть что-то страшное, что оборвало даже источникъ полученія расходныхъ денегъ. Немедленно я выѣхалъ къ Стрепетову, а когда прибылъ на мѣсто, то съ тяжелымъ чувствомъ увидѣлъ громадное разрушеніе. Отъ завода, подваловъ и жилыхъ помѣщеній, отъ мельницы со всѣми постройками остались только обгорѣлыя трубы до полу—разрушенные части каменныхъ стѣнъ. Въ усадьбѣ тоже, отъ многихъ построекъ,

уцѣлѣлъ только домъ и помѣщеніе для рабочихъ. Деревня, примыкающая однимъ концомъ къ заводу, а другимъ къ мельницѣ и усадьбѣ, — тоже вся сгорѣла. Разрушеніе кругомъ было страшное.

У Стрепетова я засталъ чиновъ полиціи, акцизныхъ чиновниковъ и двухъ страховыхъ агентовъ. Онъ молча меня встрѣтилъ, молча пожалъ крѣпко руку, а лицо его при этомъ передернуло болѣзненной дрожью. Я видѣлъ, что многихъ страданій стоилъ ему этотъ пожаръ. Мнѣ думалось, что у него, такъ же, какъ и у меня, при первомъ взглядѣ на происшедшее разрушеніе, проснулось гдѣ-то глубоко скрытое болѣзненное чувство, которое заглушало все, кромѣ одного страшнаго вопроса: Не возмездіе ли это?...

Поздно вечеромъ, наконецъ, намъ удалось остаться однимъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ уѣхали, а нѣкоторые ушли отдыхать. Пользуясь прервавшимися занятіями, мы вышли отдохнуть на балконѣ.

При происшедшемъ пожарѣ мы, въ спиртѣ, въ заводскомъ имуществѣ, въ запасахъ зерна, въ мельничномъ имуществѣ и въ сельско-хозяйственномъ инвентарѣ, потеряли весь оборотный капиталъ одного нашего дѣла. Но во все время мы не обмѣнялись объ этомъ ни однимъ словомъ, то же и теперь—сидѣли молча, съ одной тяжелой думой.

Я помню хорошо это время. Стояла дивная весенняя ночь, все освѣщалось сильнымъ луннымъ свѣтомъ. Глушь окружающаго насъ сада была полна глубокой тишины. Всѣ деревья стояли до того молчаливо, что при лунномъ свѣтѣ походили на видъ изъ огромной панорамы. Рѣдко, съ длинными перерывами, приносился издалека чуть слышный шумъ воды, переливающейся черезъ запруду. Снизу отъ рѣки, изъ чащи парка, мелькали огоньки еще не совсѣмъ погашеннаго пожарища. Изъ этого мѣста скорби изрѣдка приносился къ намъ унылый мужской возгласъ или крикливый плачъ ребенка, но потомъ опять все смолкало.... Изъ-за рѣки, изъ ближняго села, принесся ударъ сторожевого колокола, а вслѣдъ за нимъ разбу-

женное ли чѣмъ окружающимъ успокоившееся горе, или вскользнула унылымъ звукомъ скорбь,—принеслась къ намъ, съ скорбными причитаніями плача, горькая женская жалоба на постигшее разореніе. Долго-долго мы слушали эти скорбные звуки, но наконецъ и они смолкли. Замерли всѣ проявленія людской жизни. Чувствовалось, что одна только природа въ своемъ дивномъ величіи не останавливаясь разливала широкой волной невидимую силу жизни.—Въ такіе часы человѣку, затронотому скорбной укоризной, особенно слышался тяжелый упрекъ. Совѣсть его укоряла и спрашивала: Зачѣмъ ты изъ этого дивнаго покоя дѣлаешь себѣ только страданія?!...

Долго-долго мы сидѣли молча, наконецъ Стрепетовъ медленно и тихо проговорилъ:

— Я думаю, что все случившееся надо принять какъ первую уплату нашего преступнаго долга.

Я молчалъ; да и отвѣчать было нечего.

Востокъ покрылся уже признаками восхода солнца, тогда только мы ушли на отдыхъ.

Въ наступившій день принялись мы за хлопоты по приведенію всего въ возможный порядокъ. Много предстояло тяжелой, грустной работы, долго пришлось разбираться въ происшедшемъ разгромѣ. Сдѣланный учетъ показалъ намъ, что дѣйствительно весь оборотный капиталъ этого дѣла нами потерянъ. Приходилось немедленно переводить изъ другого дѣла половину капитала. Послѣ этого оба дѣла наши становились въ положеніе, несвободное отъ кредита. Кромѣ этого, мельница своей остановкой и заводъ перерывомъ торговли нанесли еще значительный убытокъ. Предстояло спѣшить съ постройками, за которыя получилась страховая премія. Заводъ особенно нуженъ былъ къ сроку начала работъ. Наступало время такое, что приходилось ускорять оборотъ дѣла за недостатками наличныхъ средствъ.

Я изрѣдка только наѣзжалъ въ то имѣніе, гдѣ жилъ, все время находился у Стрепетова и помогалъ ему въ постройкахъ. Въ большихъ хлопотахъ провели мы лѣто. Въ сентябрѣ мельницу пустили въ работу, постройку завода тоже заканчивали. Въ октябрѣ, наконецъ, и заводъ началъ работать; тогда я уѣхалъ на свое мѣсто.

Наступившую зиму заводы наши работали хорошо и дѣла вообще прошли съ прибылью, хотя заботы о деньгахъ часто давали себя знать. Наступали по очереди: то срокъ платежа, то безденежье, и въ этихъ случаяхъ переживалось время тяжелыхъ заботъ. Чтобы облегчить денежную нужду, я, сколько возможно было, усилилъ зимой заготовку лѣса для сплава, но этотъ расчетъ не удался. Разливъ рѣки былъ такой небольшой, что удалось сплавить только пятую часть, продажа которой не дала даже того, что было израсходовано на всѣ работы по заготовкѣ. Новая эта неудача была очень чувствительна при нашемъ положеніи. Оставшійся несплавленный лѣсъ пришлось уже заложить ростовщику за грабительскіе проценты. Лѣтнія сельскохозяйственныя работы удалось провести, хотя и съ трудомъ, но въ порядкѣ. Порядочный урожай подавалъ надежду немного оправиться отъ недостатковъ. Начали работать заводы и всю компанію провели хорошо, такъ что въ наступившую весну мы принялись за работы по имѣніямъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Площадь засѣваемаго картофеля сколько возможно увеличили, все рвались выскочить изъ тисковъ нужды. Но за этимъ большимъ посѣвомъ, наступила самая неудачная для сельскаго хозяйства весна, а за весной потянулось сухое лѣто. Получился полнѣйшій неурожай. Послѣдствія этого неурожая выразились въ томъ, что у насъ весь оборотный капиталъ былъ потерянъ. Оставшіяся дѣла приходилось вести только на кредитѣ. Заводамъ работать матеріала не было; на мельницѣ оборотъ производить тоже было не на что. Рѣшили всю аренду, гдѣ жилъ Стрепетовъ, передать, и едва-едва удалось это сдѣлать. Стрепетовъ перебрался ко мнѣ. Наступило тяжелое положеніе путанья въ сѣтяхъ кредита, часто приходилось прибѣгать къ этому кредиту для того, чтобы однимъ займомъ немедленно уплатить другой. Въ инвентарѣ, въ постройкахъ и разномъ имуществѣ у насъ былъ

затраченъ большой капиталъ, но это не помогало оборотнымъ средствамъ. Это цѣнное имущество помогало намъ только тѣмъ, что кредиторы наши спокойны были за свои деньги. Заложенный у ростовщика лѣсной матеріалъ у него же остался почти за сумму залога. Ему же пришлось передать и все лѣсное дѣло съ большой уступкой, только бы умилостивить, чтобы не лишалъ кредита для будущихъ сельскихъ работъ.

Въ наступившую зиму у насъ остался одинъ заводъ, но и тотъ работалъ только два осеннихъ мѣсяца, а затѣмъ, за недостаткомъ матеріала, остановился. Дѣла совсѣмъ не было, поэтому я принялъ съ удовольствіемъ предложеніе нашей сосѣдки, присматривать за работающимъ ея заводомъ, находящимся далеко въ другой губерніи.

Про этотъ новый заводъ сказать что-нибудь новаго было совсѣмъ нечего. Онъ устройствомъ и веденіемъ дѣла былъ такой же, какъ и всѣ другіе. Но здѣсь какъ интересное явленіе пришлось мнѣ встрѣтить оригинальное тріо акцизнаго надзора, а потомъ совсѣмъ неожиданно пришлось попасть въ свидѣтели интересной сцены, происшедшей между членами этого тріо.

Окружный надзиратель Ксенофонтъ Ивановичъ Москвинъ былъ очень хорошій и честный человѣкъ, хорошаго прямого характера и уже пожилой. Одинъ у него былъ служебный недостатокъ—онъ плохо зналъ винокуренное дѣло, а контрольный снарядъ почти совсѣмъ не зналъ. Помощникъ его Савелій Куприяновичъ Гололобъ былъ изъ недоучившихся хохловъ. Заводское дѣло хотя зналъ и неважно, но сравнительно съ знаніемъ надзирателя считалъ себя уже спеціалистомъ. Поэтому, по своему хохлацкому недоумѣнію, да еще приправленнаго тѣмъ, что онъ состоялъ въ любимцахъ управляющаго и привезенъ былъ послѣднимъ изъ другой губерніи, Гололобъ позволялъ себѣ совсѣмъ грубыя выходки противъ Москвина. Контролеръ былъ технологъ, только что поступившій на акцизную службу, и выдавался удивительными качествами: во-первыхъ, онъ относился ко всему техническому и заводскому дѣлу до

того безучастно, что можно было думать, что весь техническій курсъ и акцизную службу ему навязали за какую-то провинность; во-вторыхъ, занимался собой такъ, что это могла бы продѣлывать только какая-нибудь первоклассная кокетка. Онъ ежедневно съ утра приступалъ къ мытью головы «шампунемъ», а затѣмъ продѣлывалъ длиннѣйшій уборъ своей особы. Все это было очень странно видѣть въ мужчинѣ, да еще въ технологѣ.

Пріѣхалъ я какъ-то на заводъ въ то время, когда все тріо находилось въ сборѣ и готовилось дѣлать провѣрку и чистку контрольнаго снаряда. Во время этихъ работъ Гололобъ повелъ себя по обыкновенію такъ, что мнѣ становилось больно за старика надзирателя. Онъ часто обращался къ нему съ такими фразами:—«ну, начальство, какъ это по вашему сдѣлать?», или «нате-ка, начальство подержите это!» и проч. Контролера же совсѣмъ замоталъ разными порученіями. Кончивши всѣ работы, надзиратель пошелъ со мной въ квартиру, а остальные два чина остались еще въ заводѣ кое-что додѣлать. Когда мы пришли, я не утерпѣлъ и сказалъ надзирателю:

— Ксенофонтъ Ивановичъ, надо бы вамъ положить конецъ этимъ грубымъ выходкамъ.

— Что дѣлать, батюшка, терплю пока, снисхожу его недоумію! Досадно еще то, скажу вамъ, что вѣчь рыльцо-то у него въ пуху, а онъ все это забываетъ!

Я дѣйствительно кое-что слышалъ, что Савелій Куприановичъ ведетъ что-то очень тѣсную дружбу съ складчиками и ренсковыми погребщиками.

Закончивши всѣ дѣла, акцизный надзоръ собирался разъѣзжаться. Передъ отъѣздомъ Ксенофонтъ Ивановичъ пригласилъ меня, когда буду проѣздомъ въ городѣ, что мнѣ приходилось дѣлать не разъ и прежде. На этотъ разъ я тоже, при своемъ отъѣздѣ, зашелъ до поѣзда посидѣть къ Ксенофонту Ивановичу. Въ канцеляріи округа занятій уже не было и мы въ тишинѣ, въ отдѣльной комнатѣ, бесѣдовали съ Ксенофонтомъ Ивановичемъ на самыя мирныя темы. Въ это время совсѣмъ неожиданно съ шумомъ и громомъ явился Гололобъ

вмѣстѣ съ однимъ чиномъ губернскаго акцизнаго управленія, тоже любимцемъ управляющаго и привезеннымъ изъ одной губерніи вмѣстѣ съ Гололобомъ. Они оба были очень веселы и явились, какъ видно было, послѣ приличнаго ресторaннаго обѣда. Чинъ губернскаго управленія очень вольно растянулся на диванѣ, а Гололобъ подсѣлъ къ намъ. Слегка покачиваясь, подмигивая глазомъ и указывая кивкомъ головы на Москвина, Гололобъ проговорилъ:

— Гм!.. Начальство! Да!.. Какъ начальство изволитъ поживать?..—Выходка была и гадкая и неумѣстная. Старикъ надзиратель больше не вытерпѣлъ, вспыхнулъ и громко проговорилъ:

— Если вы по своему недоумію не умѣете уважать меня, какъ старшаго чина, то уважайте хоть мои лѣта!.. Я завтра же возбужу такой вопросъ, что вамъ придется вылетѣть изъ службы!.. Слышите?!..

Гололобъ, совсѣмъ неожидавшій этого, превратился въ глупую, растерянную фигуру. Лежавшій чинъ губернскаго управленія быстро вскочилъ на ноги и заговорилъ:

— Что это вы? Что вы! Что вы!..

Я схватилъ шапку и, непрощаясь, быстро удалился. Быть дальнѣйшимъ свидѣтелемъ становилось тяжело.

Въ послѣдующій пріѣздъ свой я засталъ Савелія Куприяновича на заводѣ. Онъ въ разговорѣ между прочимъ, какъ-то кривляясь, проговорилъ:

— А мы прошлый разъ какъ весело провели вечеръ! Какой устроили ужинъ!..

Я ничего не отвѣчалъ Савелію Куприяновичу и ожидалъ, что онъ скажетъ дальше, но Гололобъ тоже отмолчался.

ГЛАВА XXVI.

Съ трудомъ въ денежныхъ оборотахъ провели мы зиму, лѣто же пришлось проводить уже съ тяжелой нуждой; но несмотря на все это, дѣла по имѣнію у насъ продолжались исправно. Урожай удался порядочный, опять явилась надежда сдѣлать хорошій заработокъ винокуреніемъ. Но сдѣланный послѣ производства учетъ показалъ намъ, что мы остались при самомъ мизерномъ заработкѣ, потому что изъ общаго большого заработка пришлось семь десятыхъ отдать ростовщикамъ за проценты. Но и послѣ этого напасти еще не всѣ кончились. Послѣдовавшій годъ принесъ намъ полнѣйшій неурожай картофеля, главной надежды нашей во всемъ дѣлѣ. Впереди видѣлся полный крахъ. Долговые обязательства не уплачивались, а вновь отсрочивались, за что проценты удваивались, а сверхъ этого еще у многихъ остались двойные обязательства, старыя подъ разными предлогами не возвращались.

Бросили жребій кому заканчивать тяжелое дѣло и эта горькая доля упала на меня. Стрепетовъ уѣхалъ искать службы.

Оставшись одинъ, я рѣшилъ еще годъ-другой поработать и попробовать пробиться сквозь паутину ростовщиковъ. Но послѣ всѣхъ мученій мнѣ приходилось сознать, что для веденія дѣлъ съ ростовщиками у меня не было настоящей коммерческой способности.

Здѣсь нуженъ былъ грубый кривой путь, а я вздумалъ было пробиться путемъ прямымъ.

Правды, ростовщики не только не понимали, но даже и не

представляли ее возможной въ дѣловомъ человѣкѣ. По ихъ понятіямъ правда для коммерческаго человѣка *погибель*!.. Затѣмъ они при всей страсти къ наживѣ, при недовѣріи и подозрительности, въ большинствѣ оказывались люди совсѣмъ не дальновидные, и держались при своихъ капиталахъ дѣйствительно только неправдой. Въ дѣлахъ съ ними приходилось часто становиться въ полное недоумѣніе. Стоило только придумать какую-нибудь лживую комбинацію въ дѣлѣ, ростовщикъ вѣрилъ и давалъ деньги. Если же передавалась правда и даже основательнѣй выдуманной лжи, то сейчасъ замѣчалось, что ростовщикъ принимаетъ это за коммерческій подвохъ. Самую ясную истину ростовщики не понимали какъ она есть, а всегда усиливались понять ее съ примѣсью своихъ воззрѣній, и выходило что-то безсмысленное, обидное и не выносимое. Въ такомъ колесѣ я провертелся порядочное время.

Въ концѣ года послѣ своего отъѣзда навѣстилъ меня Стрепетовъ, проѣзжавшій вблизи по дѣламъ своей службы.

— Что, капитанъ погибающаго корабля все еще у руля?— было первое слово Стрепетова.

— У руля еще!—отвѣтилъ я.

— Да есть ли возможность на спасеніе?..

— Возможность-то есть. Но нѣтъ надежды привести ее въ исполненіе. Ростовщики не даютъ!

— Да. Если эта язва коснулась дѣла, то болѣзнь и смерть! Больше ждать нечего!.. Бросать надо, расчетъ неизбѣжный, да кажется и должный за все прошлое,—грустно проговорилъ онъ.—Тяжело то, что много лѣтъ загублено на наше дѣло! При концѣ жизни, не зная другой спеціальности, приходится снова браться за это злое дѣло. А это послѣднее много горше перваго!

— Вотъ прошлый годъ—отчасти я уже сообщалъ объ этомъ—я работалъ въ этомъ же дѣлѣ и все оно, это наше дѣло, полно хищеній! Разница только въ томъ, что хищенія тамъ, гдѣ я былъ въ другомъ видѣ и въ другомъ размѣрѣ.

Потомъ Стрепетовъ разсказалъ слѣдующее: Братья Сундуковы, у которыхъ я теперь на службѣ, крупные винокуренные дѣльцы въ области таможней. Дѣла тамъ творились по хищеніямъ много крупнѣй нашихъ, конечно при этомъ и потруднѣй нашихъ были. Мы подкупали одного, тамъ приходилось подкупать десятки, но все это окупалось съ избыткомъ. Тамъ цѣлые транспорты, на десятки тысячъ акцыза, переправлялись за границу только по бумагамъ, акцызъ за эти неотправленные транспорты скидывался, а вино продавалось здѣсь въ Россіи. Но время и тамъ береть свое. И тамъ наступили не тѣ времена и не тѣ люди. Послѣдняя наша продѣлка по похищенію была въ слѣдующемъ: чиновникъ, свидѣтельствующій транспорты, переправляющіеся за границу, поступилъ такой, что нашъ сдатчикъ, Исаакъ Абрамовичъ Швартель, иначе не называлъ его, какъ злой собакой. Дѣла наши совсѣмъ стали. Сидимъ мы въ складѣ, да раздумываемъ горькія думы. А изъ главной конторы насъ подгоняютъ: что и почему бездѣйствуемъ?.. Вотъ Швартель и придумалъ слѣдующій фортель: добылъ спиртомѣръ чиновника, съѣздилъ за границу, заказалъ и привезъ двѣ копіи съ него, которые показывали крѣпость спирта равно на десять градусовъ больше дѣйствительной. Отпустили пробный транспортъ по новому спиртомѣру, другой подсунули чиновнику и дѣло удалось. Выходило, что на каждое выпущенное ведро спирта, намъ возвращали за десять градусовъ акцыза, а эти градусы мы продавали здѣсь въ складѣ. Швартель торжествовалъ отъ удачи, но торжество это было не долго. Послѣ выпуска еще двухъ транспортовъ намъ сообщили, что спиртомѣръ провѣренъ. Этой продѣлкой мы такъ вооружили чиновниковъ, что пришлось закрыть дѣло. Да еще хорошо, что предупредили, а то вышла бы исторія. Закончивши тамъ дѣло, я вотъ теперь ѣду въ заводъ съ отчетомъ, а затѣмъ не знаю, дадутъ тамъ мнѣ службу или нѣтъ?..

— Все это очень грустно! Очень грустно! — проговорилъ я.

— Что дѣлать! Такова уже вѣрно наша доля. Такова уже

наша спеціальность!.. Горе—что вотъ другого дѣла не удается найти. Я подыскивалъ долгое время—нѣтъ и нѣтъ!.. Вотъ остаешься опять все при томъ же, при старомъ!..

Все это Стрепетовъ говорилъ усталымъ и унылымъ голосомъ. Дѣйствительно тяжело жилось, тяжела была горькая доля! Дѣлать нелюбимое злое дѣло, да при этомъ еще мучиться заботой, что и этого-то дѣла, пожалуй, не будетъ! Вотъ тоже ожидало и меня впереди.

ГЛАВА XXVII.

Проводивши Стрепетова, я все болѣе и болѣе приходилъ къ тому, что дѣйствительно все бросать надо и ждать нечего. Я рѣшилъ, что, проведя наступающее винокуреніе, начну заканчивать и дѣло. Винокуреніе у меня начиналось рано, въ виду того, чтобы вначалѣ усиленно переработать свой матеріалъ, распродать по хорошей осенней цѣнѣ спиртъ и сдѣлать уплату долгамъ, которымъ въ это время въ большинствѣ наступали сроки. Затѣмъ остальное время производство тянулось въ одинъ заторъ для того, чтобы поддерживать заводскую торговлю виномъ и пользоваться кормомъ имѣнію. Въ наступившей осени былъ принятъ тотъ же расчетъ; но въ началѣ производства у насъ въ заводѣ произошла нѣкоторая неожиданность. При первомъ пропускѣ въ работу аппарата, у котораго лѣтомъ кое-что ремонтировали, въ верхней сверткѣ его, которая почему-то не была обезпечена чехломъ, показалась сильная течь. Винокуръ набралъ этой жидкости и испыталъ, оказалось что это спиртъ въ восемдесятъ два градуса. Винокуръ сейчасъ же передалъ мнѣ всѣ эти подробности и добавилъ, что нельзя ли непредвидѣннымъ случаемъ этимъ поправить немного дѣло? Я приказалъ все хорошенько закрѣпить, а о поправкѣ дѣла рѣшилъ подумать. Затѣмъ, поразумавши, пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: такъ какъ время и люди измѣнились, то бросаться на большую безакцызную добычу глупо. Къ тому же наступившее ли съ лѣтами утомленіе, или еще не забылось все недавно пережитое—только охоты къ наживѣ совершенно не было. Поправить же дѣла,

чтобы явилась возможность, при ликвидаціи, избѣжать злыхъ и обидныхъ нареканій въ коммерческомъ выворотѣ кафтана,— я былъ не прочь. Въ виду этого, когда заводъ усиленную работу закончилъ и перешелъ на одинъ заторъ, я сократилъ рабочихъ до послѣдней возможности и оставилъ самыхъ надежныхъ. Изъ администраціи остался одинъ винокуръ; кромѣ того, какъ близкаго человѣка къ аппарату, машиниста замѣнилъ тоже другимъ вѣрнымъ человѣкомъ, рабочимъ Акимомъ Колосовымъ, который уже много лѣтъ былъ у насъ и исполнялъ всевозможныя должности. При такой обстановкѣ мы начали старое дѣло, но зато новый отводъ! Подъ свертку аппарата мы подставляли особой формы лѣйку, наконецъ которой была надѣта резиновая трубка и по этой трубкѣ спиртъ отводился прямо въ подвалъ. Брали мы въ сутки безакцизнаго не болѣе семисотъ градусовъ, но и это не большое количество давало въ мѣсяцъ заработка около двухъ тысячъ рублей. Я разсчитывалъ, что, проработавши такъ нѣсколько мѣсяцевъ, являлась нѣкоторая надежда на хорошій исходъ задуманнаго конца дѣла. Но этому не назначено было исполниться.

Прошло уже съ недѣлю, или немного болѣе, послѣ начала отвода, наступило первое число и раздача жалованья. Первый явился за полученіемъ Акимъ Колосовъ и получивши что слѣдовало, онъ немного помялся и проговорилъ:

— Надо бы прибавить жалованьишка-то!..

— Да вѣдь прибавлено. Ты вѣдь Акимъ получалъ десять рублей, а теперь получаешь пятнадцать!..

— Такъ-то онъ такъ, а прибавить все же слѣдуетъ! Потому дѣла-то такія?.. Поди-ка тогда, повертись съ разными судами да допросами! Тоже по головкѣ не погладятъ за то, что зналъ да молчалъ!..

— Сколько же ты хочешь, Акимъ?

— Тридцать рубликовъ ужъ положите.

— Не много ли будетъ?

— Нѣтъ, какъ разъ въ аккуратѣ по дѣлу-то!..

Разговаривать было больше нечего, пришлось Акиму положить тридцать рублей въ мѣсяцъ. Явились остальные рабочіе съ такими же требованіями; пришлось и имъ прибавить. Рабочіе заявили: «Если Акиму прибавили, то и намъ слѣдуетъ, потому дѣла такія!..» Видно было, что дѣло о требованіи прибавки было общее.

На другой день винокуръ заявилъ, что всѣ рабочіе пришли въ заводъ на работу нетрезвые. Потомъ ему пришлось видѣть, какъ рабочіе угощали Акима за устройство прибавки жалованья; Акимъ же при этомъ подъ вліяніемъ выпивки рѣшительно заявлялъ:

— Дайте, придетъ получка, еще не то увидите! Сдѣлаю такъ, что мнѣ дадутъ пятьдесятъ, а вамъ всѣмъ по двадцати пяти!.. Вѣрно говорю! Дѣло такое, что гни его и будетъ гнуться! Бери, что хочешь,—вотъ это какое дѣло!.. А то, братъ, мы тоже знаемъ, чѣмъ шугнуть-то...

«Ну, дѣла!—думалъ я,—Акимъ изъ смиренныхъ, безотвѣтныхъ дѣлался коноводомъ!» Обдумавши все происшедшее, я рѣшилъ, что еще болѣе чѣмъ прежде пора все кончить! Мнѣ ясно представились всѣ прошедшіе года наживы, а затѣмъ прошедшіе годы разоренія! И изъ всего этакого представленія получился слѣдующій выводъ: основаніе нашихъ пріобрѣтеній было положено на безакцизномъ хищеніи: вся нажива прошла при томъ же; наконецъ, при томъ же безакцизномъ хищеніи, какъ послѣдній отблескъ потухающей пасмурной зари, и состоялся многолѣтней хищнической комедіи финалъ!

Сейчасъ же рѣшено было все прекратить. На другой день пріѣхалъ на заводъ контролеръ, во время его присутствія на заводѣ мы и прежде не дѣлали отвода. Затѣмъ послѣ его отъѣзда, когда уже прошло нѣсколько дней и въ заводѣ отвода все не дѣлалось, то Акимъ спросилъ винокура.

— Что же это вы дѣла-то не раздѣлываете?

— Нельзя, ревизора ждемъ!—отвѣтилъ винокуръ.

Прошла еще недѣля, заводъ былъ остановленъ и я приступилъ къ концу. При этомъ концѣ не обошлось безъ самыхъ лживыхъ нареканій на захватъ капитала. Не обошлось и безъ

укоровъ въ неумѣніи дѣлать дѣло. Не обошлось и безъ самыхъ нелѣпыхъ росказней о томъ, что состояніе проиграно въ карты и промотано въ разныхъ порокахъ. Даже самые близкіе люди, которымъ до мельчайшихъ подробностей извѣстно было все дѣло, и тѣ стали какіе-то другіе! Все это приходилось переносить въ то время, когда изъ всего состоянія не оставалось средствъ даже на разъѣзды по пріисканію службы. Но таково вѣрно вліяніе на людей денежнаго бездоннаго болота!..

Переносить же все приходилось, я думаю потому, что это все заслужено, если не въ обвиняемыхъ проступкахъ, то въ другихъ, но тоже проступкахъ, которые, впрочемъ, эти самые обвинители называютъ не проступками, а наживой и за которые у нихъ ни осужденій, ни оклеветаній не полагается.

ГЛАВА XXVIII.

Закончивши всѣ тяжелыя дѣла и потративши порядочно времени и труда на пріисканіе службы, я, наконецъ, поступилъ на мѣсто, на далекой окраинѣ, гдѣ поручили мнѣ управленіе заводомъ и большой дистанціей кабаковъ и складовъ.

На окраинѣ я встрѣтилъ совсѣмъ другія мѣста, другую жизнь, другихъ людей и другія дѣла. Эта окраина удивила меня, стараго уже дѣльца, своей организаціей винокуренно-питейныхъ дѣлъ, заставила много подумать, присмотрѣться и познакомиться съ ней. Во многомъ она напомнила мнѣ далекое прошлое центра, то далекое, когда тамъ только что начинало расцвѣтать винокуренно-питейное дѣло. Но здѣсь на окраинѣ и въ этомъ былъ мѣстный характеръ. Тамъ расцвѣтъ дѣла и выжиманіе обывателя шелъ въ разбродъ, безъ порядка, а здѣсь была строгая система, руководимая сильными капиталами. Здѣсь все больше работали: наслѣдники, торговые дома и товарищества. Здѣсь винокуренно-питейное дѣло не дробилось между складчиками и кабатчиками, какъ въ центрѣ. Здѣсь производство изъ своихъ собственныхъ рукъ передавало свой продуктъ прямо потребителю. Да и потребитель былъ совсѣмъ другой. Одинъ хотя и былъ похожъ на центральнаго мужика, но жилъ при довольствѣ и при большомъ земельномъ просторѣ. Другой потребитель жилъ полувоеннымъ бариномъ, при исключительно благопріятномъ земельномъ владѣніи; а третій потребитель былъ наивный инородецъ, совсѣмъ не знавшій цѣны своему обильному имуществу.

Винокуренно-питейные дѣльцы здѣсь на своемъ знамени вы-

ставили мудрый девизъ: «Воронъ ворону глазъ не клюетъ» и этотъ девизъ примѣняли стойко и строго.

Въ теченіе моей здѣсь многолѣтней службы мнѣ, какъ представителю немелкого дѣла, пришлось участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ по открытію кабаковъ и отыскиванію новыхъ мѣстъ. При этомъ приходилось особенно много тратить труда и примѣнять коммерческой изворотливости на уговариваніе и подкупы стариковъ инородцевъ, которые все старались защитить свои родныя селенія отъ беззаконнаго по корану и разорительнаго пьянства. Много мы положили труда въ это дѣло, не легко удалось пріучить къ пьянству и разорить ихъ, но въ концѣ концовъ труды наши окупались съ лихвой.

Нѣсколько разъ мнѣ приходилось участвовать въ мѣстныхъ собраніяхъ и областныхъ съѣздахъ винокуренно питейныхъ дѣльцовъ.

Гдѣ обсуждали общую организацію дѣла; назначали и дѣлили новыя мѣста для кабаковъ. Судили нарушителей девиза и подвергали ихъ при надобности общему торговому нападенію, отъ котораго бунтовщики скоро смирялись и шли на уступки. Устраивали при спорахъ мировыя сдѣлки. Дѣлали постановленія объ исключеніяхъ изъ общества слабыхъ дѣльцовъ, производили дележи имущества ихъ торговыхъ мѣстъ; а на самыя мѣста бросали жребій, такъ выгодно и желательно было пріобрѣтеніе это для всѣхъ. — Въ собраніяхъ и съѣздахъ этихъ участвовали генералы, юристы, инженеры, агрономы, врачи и проч. званій люди. Руководителемъ всѣхъ этихъ собраній у насъ былъ нѣкто Загребстъ-Колпочевскій, который за всю свою широкую и твердую дѣятельность получилъ повремени титулъ винокуренно-кабацкаго короля. Онъ извѣстенъ намъ всѣмъ былъ за выдающагося настойчиваго дѣльца, неостанавливающагося ни передъ чѣмъ на пути къ намѣченной цѣли. Путь этотъ, если нужно было, онъ могъ бы совершенно хладнокровно вымостить даже человѣческими головами. Главный его довѣренный былъ дѣлецъ въ томъ же родѣ. Вотъ одно изъ дѣяній

этихъ двухъ выдающихся дѣльцовъ: Получилось въ одно время у насъ въ заводѣ, которымъ я управлялъ, извѣстіе, что одна изъ нашихъ лучшихъ дистанцій передается Загребстъ-Колпочевскому, а къ этому еще добавлялось, что эта передача будто бы будетъ началомъ конца одного нашего крупнаго владѣнія, приглянувшагося винокуренно-кабацкому королю. Вскорѣ послѣ такихъ извѣстій наступилъ и день пріѣзда довѣреннаго, для пріема дистанціи. Онъ явился къ намъ съ такимъ проектомъ передачи, который представлялъ собой не что иное, какъ насильственное отнятіе за полный безцѣнокъ торговаго дѣла и имущества. Передавши мнѣ какъ управляющему этотъ проектъ, довѣренный Загребстъ-Колпочевскаго предложилъ просмотрѣть его и высказать письменное *одобреніе*, которое должно было быть отослано въ нашу главную контору. Все это было высказано мнѣ такимъ рѣшительнымъ тономъ, которому противорѣчій будто бы и не должно было быть. Прочитавши проектъ я высказалъ, что немедленно отправляю свое мнѣніе по этому дѣлу. Представитель Загребстъ-Колпочевскаго на это мнѣ сказалъ:

— При составленіи своего мнѣнія имѣйте въ виду, что дѣла вашего довѣрителя у насъ сильно задолжены, поэтому не ускоряйте конца!.. А впрочемъ какъ хотите!..

— Не моему же я умышленно наносить большой вредъ управляемому дѣлу? заявилъ я.

— Дѣло ваше! Одно могу добавить—это то, что вы какъ видно человѣкъ не коммерческій!..

Несмотря на все это, я послалъ протестъ противъ передачи дистанціи. Довѣренный же Загребстъ-Колпочевскаго отправился къ нашему завѣдующему дистанціей, которую онъ долженъ былъ принять.

Прошло двѣ недѣли, нашъ завѣдующій вдругъ явился на заводъ и заявилъ, что онъ дистанцію передалъ по приказанію главнаго нашего управляющаго, а теперь ѣдетъ въ главное управленіе просить мѣста, такъ какъ новый хозяинъ дистанціи службы ему не далъ, за несогласіе одобрить проектъ передачи. Дѣло произошло такъ: довѣренный Загребстъ-Колпочевскаго

по пріѣздѣ къ нему тоже немедленно передалъ проектъ передачи, и такъ же, какъ и мнѣ предложилъ:

— Просмотрите и завтра заявите мнѣ ваше мнѣніе, которое должно быть отослано въ главную контору. Затѣмъ имѣйте въ виду,—добавилъ довѣренный,— во-первыхъ что мы оставляемъ васъ на томъ же мѣстѣ, съ окладомъ въ полтора раза большимъ чѣмъ вы получаете, а во-вторыхъ, знайте, что мы умѣемъ цѣнить полезныхъ людей!.. Одобреніе же составленному проекту нужно было, нашему главному управляющему какъ соломина для утопающаго.

На другой день нашъ завѣдующій, возвращая проектъ, заявилъ, что не можетъ одобрить такую передачу.

— Почему?—спросилъ довѣренный Загребетъ-Колпочевскаго.

— Потому что все дѣло оцѣнено много менѣе даже половины.

— А!.. Вотъ вы какъ разсуждаете!.. Ну мы можемъ обойтись и безъ васъ!..

— Я очень радъ буду.

— А вы человѣкъ семейный?

— Да семейный.

— Подумайте о томъ, что службы вы у насъ не получите!..

— Если не дадите, придется искать въ другомъ мѣстѣ.

— Мы даемъ службу только тѣмъ, которые могутъ служить нашему интересу!

— Я такъ и буду поступать когда буду у васъ на службѣ. А теперь я считаю долгомъ соблюдать интересъ того, у кого служу.

— Вы не дѣловой человѣкъ и далеко съ такими правилами не уйдете,—отрѣзалъ представитель Загребетъ-Колпочевскаго и тѣмъ первый разговоръ былъ законченъ.

На другой день довѣренный снова спросилъ:

— Что же, не одумались еще?..

— Да не одумался и не одумаюсь!..

— Послушайте, не забывайте того, что вы губите своего хозяина!.. Слышите!.. Мы можемъ дѣла его стереть въ пыль!..

Не забывайте и того, что если мы захотимъ, то здѣсь во всемъ краѣ вы не получите службы!.. Не забывайте наконецъ и того, что мой довѣритель Загребетъ-Колпочевскій!..

— Я не могу иначе поступить, а тѣмъ болѣе вы же заявили, что обойдетесь и безъ меня.

— Хорошо!.. Вспомните все, но будетъ поздно!..

Съ тѣмъ представитель и уѣхалъ. Чрезъ три дня онъ возвратился и привезъ распоряженіе главнаго нашего управляющаго передать дистанцію. Сдавши все, нашъ завѣдующій явился на заводъ. Передъ его отъѣздомъ въ главное управленіе, я передалъ ему и о своемъ посланномъ несогласіи о передачѣ дистанціи.

Когда завѣдующій пріѣхалъ въ главное управленіе, то управляющаго не засталъ дома, а поэтому отправился къ хозяину и заявилъ просьбу о мѣстѣ. Тотъ съ удивленіемъ спросилъ:

— Почему же вы не остались служить у Загребетъ-Колпачевскаго?..

— Меня не оставили!..

— Почему?..

— Мной недоволенъ остался довѣренный за то, что я отказался одобрить проектъ передачи!..

— А потомъ одобрили же!..

— Нѣтъ, я этого не дѣлалъ!

— Какъ не дѣлали?.. Вѣдь вы же, а также и Березинъ, присылали телеграммы, одобряющія эту передачу.

— Я не посылалъ телеграммы, — заявилъ удивленный завѣдующій, — а также и Березинъ передавалъ мнѣ, что и онъ протестовалъ противъ этой передачи!..

— Что же это все значитъ?!—воскликнулъ хозяинъ.

Отправились въ управленіе и тамъ оказалось, что моего протеста не получалось, а телеграммы завѣдующаго и моя имѣлись, которыя подтверждали выгоду передачи дистанціи. Обнаружился явный подлогъ, а за нимъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовала и драма. Нашъ главный управляющій бритвой избавилъ себя отъ отвѣтственности за громадныя растраты и

подлоги. Въ результатѣ происшедшаго получилось, что очень большое владѣніе и промышленное дѣло нашего хозяина перешло въ собственность Загребетъ-Колпачевскаго за долговыя обязательства, выданныя главнымъ нашимъ управляющимъ, который, къ несчастью, уполномоченъ былъ кредитоваться.

Все это дѣло обставлено было такъ: Загребетъ-Колпачевскій, узнавши, что нашъ главный управляющій имѣетъ довѣренность кредитоваться, затянулъ его въ компанію въ одно промышленное дѣло, которое потомъ и совсѣмъ передалъ ему за векселя по имѣющейся довѣренности. Затѣмъ онъ же, Загребетъ-Колпачевскій и сорвалъ это дѣло для того, чтобы потуже затянуть долговую петлю. Когда раскрылся подлогъ телеграммъ, а также скрытіе протеста, то управляющему одинъ исходъ оставался, который онъ и выбралъ. А Загребетъ-Колпачевскій, по удаленіи лица, которое, пожалуй, кое-что могло бы разсказать прокурорскому надзору, немедленно предъявилъ долговые документы и достигъ намѣченной цѣли.

Вотъ одинъ изъ поступковъ нашего главнаго винокуренно-питейнаго дѣльца на окраинѣ. Затѣмъ, для того, чтобы по возможности хотя бы въ общемъ пояснить типичную своеобразность дѣльцовъ окраины, необходимо прибѣгнуть къ нѣкоторымъ сравненіямъ: для примѣра сравню хоть типы выдающихся винокуренно-питейныхъ дѣльцовъ, и укажу путь, пройденный ими въ вольномъ винокуренно-питейномъ дѣлѣ: въ центрѣ, напримѣръ, какой-нибудь Кузька Голобрюхій изъ кабацкихъ мальчиковъ-подносчиковъ, полагавшій начало своему капиталу въ сборѣ стаканныхъ остатковъ вина, превращался по времени въ питейномъ своемъ дѣлѣ въ Кузьму Исанча и собственника хлѣбнаго хутора. Затѣмъ второй экземпляръ: какой-нибудь, наприм., Ванифатка, изъ дворовыхъ людей, состоя писцомъ при волости и набравшись тамъ смѣтки, шолъ съ этой смѣткой потомъ по винному дѣлу, а по времени винными дѣлами этими опутавши всю волость, превращался въ Ванифатія Карповича и владѣльца имѣнія съ винокуреннымъ заводомъ. Вотъ и все, что давалъ настоящему дѣльцу центръ. На окрайнѣ же большое экономическое довольство потребителя, необъятная ширь полей и степей, необъятная глушь лѣсовъ создала совсѣмъ другой типъ виннаго дѣльца. Тамъ, въ первомъ случаѣ, вмѣсто Кузьки орудовалъ смѣтливый выродокъ изъ трактирной семьи, который начало капиталу полагалъ не въ сборѣ кабацкихъ опивокъ, а прямо въ солидныхъ обмѣрахъ и сбытѣ низкопробнаго, имѣя для этого поприща въ управленіи широкую дистанцію кабаковъ. Затѣмъ дошелъ онъ при концѣ не до хлѣбнаго хутора, а до владѣній заводами, землями и лѣсами, до милліоннаго состоянія и жизненной обстановки крупнаго милліонера. Вмѣсто же Ванифатки центра на окрайнѣ орудовалъ юркій человѣчекъ, попавшій туда по политическому недоразумѣнію. Начало своему капиталу онъ положилъ не въ какихъ-нибудь мелочныхъ опутываніяхъ волости, а прямо въ крупномъ обманѣ казны, съ прибавкой къ этому вычеркнутой самовольно выстрѣломъ жизни одного изъ содѣйствующихъ ему въ этомъ обманѣ. А затѣмъ съ этого *удачнаго дѣла*, онъ дошелъ не до владѣній имѣніемъ и заводомъ, а до титула винокуренно-питейнаго короля, живущаго въ раззолоченныхъ палатахъ и двигающаго собственными сотнями милліоновъ. Вотъ дѣловые типы центра и окраины винокуренно-питейнаго дѣла. Если же сравнить чѣмъ у этихъ дѣльцовъ отмѣченъ путь восходящаго капитала, то первенство опять останется за окраиной. Въ центрѣ на этомъ пути попадутся только разоренные владѣльческія усадьбы и сгубленные клоки лѣсовъ. Попадутся разоренные крестьянскіе дома, семьи которыхъ голодныя и холодныя ходятъ за подаяніемъ. Попадутся переломанныя ребра, свороченныя на бокъ скулы озвѣрѣлымъ съ перепоя мужикомъ и изрѣдка встрѣтится случай, что уже по очень притязательному добру виннаго дѣльца пролетитъ красный пѣтухъ!.. Вотъ и весь путь восходящаго капитала центра!.. На окрайнѣ же на этомъ пути встрѣтится цѣлыя пропитыя области съ разграбленными лѣсами и землями. Тамъ попадутся многія семейства, приведенныя на положеніе дикихъ звѣрей и живущія въ логовищахъ, а ребята бѣгаютъ

среди деревень буквально голые, въ однихъ только тюбетейкахъ, надѣтыхъ на макушку. Тамъ на этомъ пути попадутся самовольно вычеркнутые выстрѣлами и ножами человѣческія жизни!..

Въ центрѣ свободное винокуренно-питейное дѣло, если и довело своего главнаго потребителя до воздержанія въ ѣдѣ, одеждѣ и обуви, то на окраинѣ это воздержаніе доходило до цинги и голоднаго тифа!

Въ центрѣ это свободное дѣло, если и пошатнула нравственность крѣпкой крестьянской семьи, то на окраинѣ среди инородцевъ оно создало цѣлыя массы людей, которые убѣждены въ томъ, что самое прибыльное дѣло заниматься конокрадствомъ и развратомъ—содержать дома терпимости,—даже въ деревняхъ: а самая покойная жизнь находится въ тюрьмѣ и въ арестантскихъ ротахъ! Вотъ нѣкоторое сравненіе окраины и центра. Подробности же такъ обширны, что ихъ и перечислить трудно.

ГЛАВА XXIX.

Послѣ проведенныхъ многихъ годовъ нашей винокуренно-питейной дѣятельности на окраинѣ стало замѣтно, даже для насъ дѣльцовъ, что имущественныя владѣнія очень измѣнились и перешли въ крѣпкія руки: а наши главные потребители, жители селъ и деревень, почти совсѣмъ пропились. Что изъ этого вышло бы дальше, опредѣлить трудно, такъ какъ на насъ начала надвигаться монополія. Акцизный надзоръ началъ собирать справки объ арендныхъ цѣнахъ, для помѣщеній, складовъ и лавокъ. Винокуренно-питейные дѣльцы въ большинствѣ все не вѣрили въ монополію. Они разсчитывали, что о казенномъ дѣлѣ этомъ, какъ и всегда, поговорятъ-поговорятъ и перестанутъ.

Наконецъ монополію объявили и назначили день ея открытія.

Очень многіе дѣльцы и при этомъ не сдавались и не падали духомъ. О наступающей монополіи они говорили всегда съ улыбочками, означавшими, что гдѣ же казнѣ сладить съ этимъ дѣломъ. Во всемъ, что требовалось для устройства монополіи, они подслуживались съ большимъ усердіемъ, все въ виду того же расчета, что казна броситъ на эту затѣю нѣсколько милліоновъ, тѣмъ и кончится все, а изъ брошенныхъ милліоновъ что-нибудь перепадетъ и имъ. Наступило время условій о ректификаціи: первые ректификаторы, пользуясь незаконченной подготовкой къ дѣлу, схватили болѣе чѣмъ двойную цѣну. Вторые же, запоздавшіе взяли уже много меньше. Наступилъ, наконецъ, знаменательный день и монополія открыла

свои дѣйствія, сначала съ недостройками и недодѣлками, но все это по времени пришло въ порядокъ; къ концу же года монополія показала себя такъ, что мечты и надежды винокуренно-питейныхъ дѣльцовъ разлетелись какъ дымъ. Послѣ несбывшихся ожиданій, они повернули фронтъ и начали разносить жалобы, что монополія ихъ ограбила и разорила. Дѣльцы ужасно были озлоблены и разстроены своей недальновидностью. Про монополію не могли равнодушно говорить: всякій ничтожный неудачный случай въ монополіи обсуждался съ злорадствомъ и приговариваніемъ, что еще не то будетъ, что гдѣ же монополіи вести такія дѣла!.. Находились даже и лица акцизнаго надзора, изъ старыхъ, плотно сжившихся съ свободнымъ винокуренно-питейнымъ дѣломъ, которые вторили дѣльцамъ и даже отчасти вѣрили тоже—что гдѣ же казнѣ сладить съ этимъ дѣломъ. Монополія же, между тѣмъ, росла и крѣпла, а представители свободнаго винокуренно-питейнаго дѣла, какъ и слѣдуетъ настоящимъ дѣльцамъ: съ одной стороны злобствовали и злорадствовали надъ монополіей, а съ другой стороны, подлѣзали къ ней съ тѣмъ, что нельзя ли еще къ чему-нибудь прильнуть, въ родѣ хотя бы второй хорошей ректификаціи, или хотя бы прибавки количества и такъ большой выкурки! Но такіе подходы не всегда оправдывались.

Во всю долгую службу вольному винокуренно-питейному дѣлу одинъ только разъ мнѣ пришлось встрѣтить необычайный случай, гдѣ винокуренно-питейный дѣлецъ высказалъ правду. Случай этотъ произошелъ въ одномъ собравшемся кружкѣ, гдѣ возникъ споръ о достоинствахъ и недостаткахъ монополіи. Правдивый дѣлецъ былъ не изъ крупныхъ заводчиковъ, онъ долго молча все прислушивался къ разговору, а подъ конецъ громко заявилъ слѣдующее:

— Господа, вамъ конечно извѣстно, что монополія и меня ударила по карману, поэтому, надѣюсь, вы не будете меня подозрѣвать въ пристрастіи; но если говорить о ней правду, то придется сказать слѣдующее: большинство людей, разсуждающихъ о монополіи, совершенно незнакомы съ тѣмъ дѣломъ,

которое монополія замѣняетъ. Знающіе же это дѣло почти всѣ люди кармана, который монополія затронула. Одни изъ нихъ, у которыхъ осталась еще доля правды, молчатъ, другіе же кричатъ только о своемъ разореніи. Между тѣмъ, чтобы судить объ этомъ, надо тридцать пять лѣтъ простоять у свободнаго винокуренно-питейнаго дѣла и хорошо знать всѣ сокровенныя преступныя проявленія его!.. Надо близко видѣть и знать, что это свободное дѣло сдѣлало съ сельскимъ и рабочимъ городскимъ населеніемъ!.. Наконецъ надо, хотя приблизительно, представить себѣ тѣ страшные итоги, которые въ тридцать пять лѣтъ внесены нашими платежными силами на покрытіе совершенныхъ въ этомъ дѣлѣ хищеній, а затѣмъ на покрытіе произведенныхъ этимъ дѣломъ экономическихъ разореній!.. Тогда только можно представить себѣ, что монополія, въ области нравственной и экономической народной жизни, есть событіе чрезвычайной важности!.. Защищать свободу промысла и торговли совратительныхъ средствъ, есть поступокъ большого нравственнаго и экономическаго недоразумѣнія. Указывать же на то, что монополія отняла заработокъ у многихъ людей, могутъ опять только тѣ люди, которые не знали постановки торговли свободнаго винокуренно-питейнаго дѣла.

Изъ насъ же, господа, кому неизвѣстно, что благополучіе бывшаго нашего сидѣльца въ кабакѣ и его семьи держалось на неблагополучіи цѣлаго селенія!

Бывшіе винные откупы, какъ ни гадки, были съ своими дѣлами и подкупами, отъ губернатора до сельскаго сотскаго; но и эти откупы не опутывали сельскаго населенія такою сѣтью кабаковъ, какъ опутывало свободное винокуренно-питейное дѣло! Сравнивать же откупы съ монополіей можно только съ больнымъ умомъ.

Винокуреніе, какъ производство совратительныхъ средствъ, должно находиться внѣ правилъ существующихъ для промышленности. Дѣло это по своему характеру должно принадлежать: одной стороной исключительно государству, а другой стороной исключительно землѣ; тогда только можно разсчиты-

вать, что это совратительное производство принесетъ нѣкоторую пользу. Между тѣмъ при существовавшей своей свободѣ оно было направлено такъ, что всѣ свои возможные полезные средства обратило въ ничто, а вредные поставило на первую степень!.. А такіе ненормальности не могутъ проходить безъ пагубнаго вліянія на народную жизнь.

Въ настоящее время первая сторона должнаго положенія винокуренно-питейнаго дѣла монополіей приводится въ исполненіе; другая же сторона съ острой нуждой ожидаетъ, что по исполненіи первой, какъ неизбѣжный долгъ, поставится вопросъ объ исполненіи и второй! Въ области винокуренно-питейнаго дѣла народъ дождался, наконецъ, исполненія стоявшей много лѣтъ на очереди о немъ заботы; въ такомъ ожиданіи наступаетъ теперь очередь стоять землѣ.

Что винокуренно-питейное дѣло, при своей свободѣ, стояло совершенно обратно своему полезному назначенію доказываетъ то, что въ настоящее время винокуренному заводу, служащему не пьянству, а землѣ, очень часто не подъ силу выносить тѣ технически-виртуозныя обезпеченія, которыя вызваны хищеніемъ и примѣняются въ широкихъ хитрѣйшихъ приспособленіяхъ для преслѣдованія даже принципа. А затѣмъ эти хитрѣйшія приспособленія закрѣпляются еще цѣлыми гирляндами развѣшенныхъ пломбъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собой отвѣтственность завода за ея сохраненіе. Устраивать эти обезпеченія, собирать и разбирать ихъ, ухаживать за ними, охранять эти развѣшенныя гирлянды и вести по поводу всего этого счетоводство для дѣйствительнаго сельско-хозяйственнаго завода просто непосильное бремя. При монополіи же такая тяжесть для сельскохозяйственнаго завода можетъ быть совершенно устранена потому, что главный источникъ хищенія — сбытъ безакцизнаго вина будетъ закрытъ.

Если вы, господа, обратите вниманіе на это дѣло посерьезнѣй, то я увѣренъ, что каждый придетъ къ тому заключенію, что если и можно чѣмъ оправдывать это совратительное производство и допускать его, то единственно тѣмъ, что оно

можетъ служить землѣ. Между тѣмъ посмотрите, что же дѣлается у насъ? Сколько, наприм., у насъ громаднѣйшихъ заводовъ, вырабатывающихъ сотни тысячъ ведеръ вина и считающихся сельскохозяйственными только за то, что они находятся при большихъ имѣніяхъ; заводы же эти сколько бы ни представляли доказательствъ о своемъ сельскохозяйственномъ значеніи, но если присмотрѣться повнимательнѣй къ ихъ службѣ, землѣ и къ тому, какъ они расходуютъ свои отбросы во время осени и непроѣзжей весны, то каждый убѣдится, что они не заслуживаютъ сельскохозяйственныхъ премій. Затѣмъ сколько у насъ въ городахъ и на ничтожныхъ клочкахъ земли коммерческихъ винныхъ фабрикъ, тоже вырабатывающихъ сотни тысячъ ведеръ вина, которыя уже исключительно служатъ только пьянству, такъ какъ свои полезные землѣ отбросы бросаютъ и спускаютъ въ рѣки. Но всѣ эти явленія какъ не горьки для сельскаго хозяйства, но еще не представляютъ собой тѣхъ издѣвательствъ надъ сельскимъ хозяйствомъ, о которыхъ я сейчасъ разскажу. Я знаю, наприм., два завода, ихъ навѣрно есть и десятки, но я знаю два и буду говорить только о нихъ. Одинъ заводъ находится въ Уфимской губерніи и стоитъ на ничтожномъ клочкѣ земли; а для того, чтобы быть сельскохозяйственнымъ, онъ имѣетъ въ десяти-пятнадцати верстахъ имѣніе. Другой заводъ находится въ Оренбургской губерніи при мизерномъ количествѣ распашной земли, которая въ его услугахъ совершенно не нуждается, но и этотъ заводъ тоже сельскохозяйственный. Одинъ выкуриваетъ сто тысячъ ведеръ, а другой полтораста тысячъ ведеръ вина. И вотъ знаменательные эти заводы замѣчательны тѣмъ, что противъ одного въ ста-ста пятидесяти саженяхъ цѣлый годъ, ради санитарныхъ цѣлей, горятъ горы навоза, вывозимаго изъ города, а у другого завода тоже дѣлается въ четырехъ-пяти верстахъ отъ него. Вотъ по этимъ явленіямъ вы можете судить, кому служатъ эти заводы и нужна ли ихъ служба землѣ? *Между тѣмъ за то, что передъ этими заводами сжигаются горы цѣннаго удобренія, такого удобренія, за которое въ среднихъ и нечернозем-*

ныхъ губерніяхъ платятъ деньги и возятъ его на поля за пятнадцать-двадцать верстъ—заводы эти, какъ сельскохозяйственные (?!) получаютъ безакцизныя преміи!!. Ну, скажите, не издѣвательство ли это надъ сельскимъ хозяйствомъ и землей? Я думаю къ этимъ фактамъ подробностей не нужно, они и такъ очень знаменательны. Вотъ все это и предстоитъ передѣлать монополіи. И вотъ наступитъ время, когда наши винныя фабрики превратятся въ сельскохозяйственные заводы и будутъ служить не пьянству, а землѣ, тогда, съ этого только дня, можно будетъ считать, что монополія закончила свое дѣло. Какъ видите, господа, задача монополіи одна изъ важныхъ—служить народу и землѣ, а что на нее жалуются промышленные капиталисты, то эти жалобы едва ли стоятъ вниманія, такъ какъ у насъ для капиталовъ обширное поле полезной дѣятельности, а они все жмутся къ излюбленному ростовщичеству и къ дѣлу совратительныхъ средствъ. Вотъ все, что я нашелъ нужнымъ сказать по возникшему здѣсь спору.

Послѣ всего сказаннаго честнымъ дѣльцамъ, наступило долгое молчаніе, никто не находилъ возраженій, у каждаго вспоминались существовавшія и существующія картины всего указаннаго. Никто ничего не могъ возразить противъ очевидной правды. Долго молчали, а затѣмъ молча же мы всѣ разошлись.

ГЛАВА XXX.

Дѣла нашего стараго завода, которымъ я много лѣтъ управлялъ, все уменьшались и уменьшались, а поэтому заводская администрація все убывала. Нѣкоторые успѣли пристроиться къ монополіи, а нѣкоторые остались не у винныхъ дѣлъ.

Заводъ нашъ, послѣдніе годы не ремонтируемый, пришелъ въ вѣтхость—состарѣлъ такъ же, какъ и мы, старые дѣльцы. Устроенъ онъ былъ для службы только пьянству и эту свою службу долголѣтній срокъ отбывалъ исправно. Въ былые годы своей широкой дѣятельности онъ заливалъ своей веселой влагой большую область, теперь же онъ тоже не у дѣлъ. Не везетъ нашему старому заводу при новыхъ дѣлахъ.

При первой ректификаціи наши главные руководители ничего не сумѣли сдѣлать; а потомъ вотъ уже недавно, близъ нашего стараго завода, у одного молодого дѣльца выросла почему-то совсѣмъ неожиданная ректификація, а нашему старому заводу все опять ничего,—онъ опять не у дѣлъ. Какъ прежде онъ не служилъ землѣ, такъ и теперь на эту службу былъ негоденъ; да, впрочемъ, и земля-то окружающая его совсѣмъ не нуждается въ его услугахъ, поэтому грустная участь его ждетъ впереди—ему остается одно, успокоиться отъ дѣлъ и разрушиться, такъ какъ при новыхъ дѣлахъ онъ не давалъ почти совсѣмъ прибыли.

Подошли, наконецъ, и послѣдніе дни, и дѣла завода были всѣ покончены!..

Пройдутъ года и развалины нашего большого завода, какъ памятники былого, станутъ будить у винныхъ дѣльцовъ воспо-

минанія о минувшей широкой дѣятельности вольнаго винокуренно-питейнаго дѣла. Въ этихъ воспоминаніяхъ забредетъ, можетъ быть, мысль и о томъ: что же въ длинные годы своего существованія принесло это вольное дѣло и что оно оставило послѣ себя?.. И сколько бы дѣлецъ не думалъ объ отвѣтѣ на такой вопросъ, хорошаго ничего не найдетъ отвѣтить. Ему представится видимое только одно: что это вольное дѣло проложило глубокій болѣзненный слѣдъ въ народной жизни... И если совѣсть еще не заглохла у него, то онъ крѣпко, крѣпко задумается о потерянныхъ многихъ годахъ въ этой дѣятельности.

И дума эта еще болѣе убѣдитъ его, что вольное винокуренно-питейное дѣло стояло на ложномъ пути и дѣятельность свою проявляла только въ злоупотребленіяхъ и въ распространеніи совратительныхъ средствъ...

Но не вернется прошедшее, а въ будущемъ можетъ частію облегчитъ эти горькія думы дѣльца, растратившаго силы на службу этому дѣлу,—то, что злое дѣло это, наконецъ, закончило свое существованіе...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Съ требованіями обращаться: Москва, почтамтъ ящикъ № 461.